

ТАРЯНЕ

ЛИТЕРАТУРНО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск III

Омск
Амфора
2016

ББК 84(2Рос-4Омс-5Тар)6
Т22

Таряне
Литературно-краеведческий альманах

Учредители:

Администрация Тарского муниципального района Омской области
Тарское отделение Омской областной общественной организации
Союза писателей России
Тарская районная общественная организация
«Историко-краеведческий центр «Тарский уезд»

Издатель:

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Тарская централизованная библиотечная система»,

Редакционная коллегия:

О. Г. Старинская, А. А. Тихонов, Т. И. Царегородцева

Технический редактор:

А. Н. Калинина

Адрес редакции:

Омская область, г. Тара, ул. Александровская, 58.
Тел/факс 838171 2-12-42
E-mail: tara_libraru79@mail.ru Сайт: www.tara-lib.ru

При использовании материалов, опубликованных в альманахе, ссылка обязательна.
Редколлегия оставляет за собой право не вступать в переписку с авторами,
произведения которых не будут опубликованы.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Т22 Таряне : литературно-краеведческий альманах. Вып. 3. – Омск : Амфора, 2016. – 92 с.

ББК 84(2Рос-4Омс-5Тар)6

ISBN

© Администрация Тарского муниципального района Омской области, 2016
© Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Тарская централизованная библиотечная система», 2016
© Авторы
© ООО «Амфора», 2016

КРАЙ НЕРАВНОДУШНЫХ ЛЮДЕЙ

Тара – уникальный город, край равнодушных людей, в котором кипит культурная жизнь. Заслуженной наградой стало присвоение Таре звания лауреата Всероссийского конкурса «Культурная столица малых городов России» наряду с городами Бородино, Старая Русса, Тобольск.

Пишущих людей в нашем городе всегда было много. Золотым веком тарской литературы называют период работы в газете «Ленинский путь» известных поэтов Якова Горчакова, Михаила Сильвановича, Леонида Чашечникова, Михаила Белозёрова. Продолжают традиции больших поэтов современные авторы. В 2016 году своё десятилетие отмечает Тарское отделение Союза писателей России, членами которого являются Татьяна Бурундукова, Александр Дерюшев, Сергей Мальгавко, Ольга Старинская, а возглавляет его поэтесса Наталья Кускова. За годы существования в нашем городе писательской организации проведено множество творческих вечеров, встреч с поэтами и прозаиками из областного центра и других регионов. А поездки «литературного десанта» открыли жителям многих сёл района творчество тарских авторов.

Активно участвуют в культурной жизни Прииртышья молодые авторы клуба «Вечера на Александровской», проводящие творческие вечера и встречи в учебных заведениях Тары, сёлах Тарского и Знаменского районов, посёлке Большеречье.

На Всероссийском литературном фестивале «Хрустальный родник» в городе Орле писатель Василий Дворцов поведал собравшимся: «Я расскажу вам о Таре... Это уникальный город. Там на тридцать тысяч жителей – триста поэтов и прозаиков, и все хорошо пишут». А уже час спустя на главной сцене фестиваля награждали победительницу – тарянку Ирину Шевелеву. Ей не было равных в номинации «Поэзия». Всего же в 2016 году на этом престижном фестивале Тару представляли трое молодых авторов. Татьяна Синяк вошла в шорт-лист в номинации «Проза», а Виктор Бован занял в этой номинации второе место, представив на суд жюри рассказы о сибирской природе.

Про Тару в нынешнем году говорили и в столице. Так, в январе состоялась церемония вручения Всероссийской литературной премии «В поисках правды и справедливости», одним из лауреатов которой стал Александр Тихонов, а Татьяна Комылина вошла в шорт-лист Международного конкурса современной драматургии «Время драмы». И это лишь одна из граней культурных достижений Тары.

Весной нынешнего года в нашем городе прошла выставка экслибрисов известной художницы Нины Казимовой, встреча с музыкантом, лидером группы «25\17» Андреем Позднуховым и многое другое.

Тара – край равнодушных людей. Касается это не только писателей, но и краеведов. Пример тому – случай с реставрацией Спасского кафедрального собора, в процессе которой был искажён исторический облик храма. Общественная организация «Историко-краеведческий центр «Тарский уезд», журналисты, писатели – словом, общественность города встали горой за символ Тары, старейший храм Омской области. Непростой процесс поиска правды в условиях процесса реставрации, курируемой Министерством культуры и правящей партией, идёт по сей день.

А незадолго до выпуска альманаха, в июне 2016 года, группа тарских авторов наведальась в полузатопленную деревню Сибиляково. Написанные о поездке эссе вызвали широкий читательский отклик. Слово для тарян – не способ самоутверждения, не объект для экспериментов. Если у тебя есть пусть мизерный талант, нужно пускать его во благо, иначе зачем тебе этот талант был дан? Вот и пишут о том, что волнует. «Потому, что сердце точит», – однажды сказал начинающим авторам прозаик, преподаватель литературного института Сергей Есин. А сердце и вправду точит. У поэтов и прозаиков, журналистов и краеведов. И пока есть такие равнодушные люди, готовые словом и делом утверждать идеалы добра и верности, бороться с несправедливостью и своим примером вдохновлять других, у города есть будущее. Не может не быть.

Приятного прочтения, дорогие таряне!

Редакционная коллегия

ГЛЯДИТ МОЙ ГОРОД ВЫСВЕТЛЕННЫМ ОКОМ...

Казалось бы, для старинного города десять лет – как мгновение, но минувшее десятилетие вместило столько событий, что в двух словах не расскажешь...

В 1994 году, когда жители Тары отмечали четырёхвековой юбилей своего старинного города, произошло наше знакомство с Татьяной Мальгавко, которая позже объединила пишущих земляков в литературном клубе «Вечера на Александровской» при Доме учителя. Там же произошла первая встреча с поэтессой Т.Г. Четвериковой, которая стала «литературной мамой», критиком, редактором книг и учителем тарских поэтов.

Благодаря помощи Татьяны Мальгавко были изданы книги «Встреча» (Александр Дерюшев) и «Весеннее тепло» (Наталья Кускова), положившие начало «Библиотечке тарской поэзии». Книги были тепло встречены жителями Тары, и, воодушевленные, мы принялись затевать смелые проекты – выезжать с творческими встречами за пределы Тары и приглашать в наш город писателей из Омска. В течение нескольких лет на творческих площадках города проходили встречи с Владимиром Балачаном, Юрием Перминовым, Сергеем Прокопьевым, Львом Трутневым и многими другими.

14 сентября 2006 года в нашем городе появилось местное отделение Омской общественной организации Союза писателей России, в которое вошли четыре поэта: Наталья Кускова (председатель), Татьяна Бурндукова, Александр Дерюшев, Сергей Мальгавко.

За десять лет существования Тарского отделения Союза писателей проделана немалая работа. Выпущены книги тарских авторов – членов Союза: семь книг у Натальи Кусковой, пять у Александра Дерюшева, три у Сергея Мальгавко.

Была принята в Союз писателей России Ольга Старинская, на счету которой к настоящему моменту три поэтических сборника.

В рамках работы с молодыми поэтами в октябре 2010 года был проведён выездной семинар молодых писателей, на котором с рукописями начинающих тарских авторов работали известные писатели – Валерий Мурзаков (Москва), Татьяна Четверикова (Омск), Валерий Котеленец (Барнаул), Геннадий Попов (Орёл) и другие.

Для участия в региональном семинаре молодых литераторов (Омск) Тарское отделение СПР рекомендовало молодых тарских авторов.

В рамках совместного с Тарской центральной районной библиотекой проекта «Литературный десант» наши поэты побывали в различных сёлах Тарского и соседних районов. Нет большего признания, чем видеть понимающие глаза людей, которые ещё вчера говорили: «Не люблю стихи! Зачем это нужно?», а сегодня в сельской библиотеке или клубе, собравшись от мала до велика, затаив дыхание соперничают, чувствуют душой поэтические строки.

Минувшее десятилетие вместило немало событий. Стихотворения и проза наших авторов печатались в журналах Омска и Москвы, коллективных сборниках, в антологии омской поэзии «Годовые кольца» и двухтомнике сибирской поэзии «Слово о матери», а также за рубежом, в Канаде и Австралии.

Тарские поэты становились лауреатами районной премии им. Шевелева, имена многих занесены в Книгу почёта. Лауреатами региональной литературной премии им. Адмирала Ушакова в номинации «Продолжение традиций в русской поэзии» в разные годы становились Наталья Кускова (2012) и Александр Дерюшев (2014).

В 2013 году Тарское отделение Союза писателей России приняло участие в организации региональных литературных чтений им. Леонида Чашечникова, которые посетили гости из различных регионов страны и ближнего зарубежья.

Позади первое десятилетие жизни нашего союза. Впереди – долгий путь к реализации творческих планов. А значит, будут новые

книги, поэтические вечера, встречи с интересными гостями. Второе десятилетие начинается. Отсчёт пошёл!

*Наталья Александровна Кускова,
председатель Тарского отделения
Омской областной общественной
организации «Союз писателей России»*

АЛЕКСАНДР ДЕРЮШЕВ

Родился в 1963 г. в Таре. Работает заведующим отделением скорой медицинской помощи Тарской центральной районной больницы. Печатался в коллективных сборниках, альманахах и периодических изданиях различных городов России и зарубежья. Автор книг «Встреча», «Вкус полыни», «По обе стороны от грусти», «Карандашная сила», «Душа на ветру». Лауреат районной премии им. В. А. Шевелева «За общественное признание заслуг в развитии культуры Тарского муниципального района» (2010). Член Союза писателей России.

* * *

Красками не балует апрель:
Тот же снег и слякоти чуток...
За окном всё та же акварель
И еще один в судьбе виток.

От весны подарков я не жду.
В лужах отражается тоска...
Но без счастья – чувствую нужду,
Жизнь без счастья – поле без ростка...

* * *

Легкомысленный мартовский снег
Всё зачем-то идет и идет...
За окном не весна – просто смех,
Но для тех, кто весну эту ждет!

Я не жду, мне уже всё равно.
Меж сезонами разницы нет.
Но кружит и кружит за окном
Легкомысленный мартовский снег...

* * *

У февральской метели
Я лечить буду раны.
Ведь февраль еще в деле,
Уходить ему рано...

Пусть замерзнет от стужи
Вся тоска моя злая.
И метель пусть закружит,
Обо мне и не зная.

Я не буду тропинки
Выбирать. И дорогу.
Знаю я без запинки
Про мечту-недотрогу...

* * *

Что делать – не люблю зонты:
От жизни прятаться нелепо.
И я с дождем всегда на ты:
На то и дождь, на то и лето!

Целуют капельки в лицо,
И ручейки спешат за ворот.
А дождь, от лета письмоце,
Приятель мой – умоет город.

ПЯТЬ ПОЛОВИНОК БУЛОЧКИ

Рассказ

Когда маму положили в больницу, сестры Вера и Варенька решили, что её надо кормить. Вопрос этот решать было сложно даже Вере в её девять лет, а Вареньке было только семь, и она по неопытности полностью полагалась на сестру.

Шел 1943 год... Совсем недавно в их маленький, так и не достроенный отцом домик принесли похоронку. Они знали, что это такое. Эта бумажка означала, что папку убили на войне. Фашисты. Варенька, лежа на полатах, часто думала, за что убили папку, ведь он совсем не злой, а даже наоборот – хороший и добрый, носил её на шее. Даже на приписной пункт в Дом обороны нес её на шее, а Вера тогда шла рядом, потому что большая уже на шее сидеть! Не в силах это

понять, Варенька снова плакала, прячась в одеялко. Пряталась потому, что была еще Любочка, их младшая сестра, которой нельзя было показывать слезы, ведь она старше! Четырехлетняя Любочка про похоронку ничего не знала и даже папку не вспоминала, ей было вполне достаточно, что рядом была мама и две сестры.

И вот теперь маму положили в больницу. Сестры остались одни, изредка заходила соседка, чтоб спросить, кушали ли они что-нибудь. Сестры отвечали, что ходят в «пятый магазин», где им выдавали пайку хлеба. Правда, приходилось стоять в очереди и ночью – они меняли друг друга и, получив наконец хлеб, делили его «по-честному» – половину пайки съедали по дороге, а половину приносили Любочке. Она ждала их, сидя на подоконнике, и, увидев, радостно махала ручками. Больше в магазине ничего не давали. Дома они варили прошлогоднюю картошку, но её было мало – надо было экономить, и они ходили в огород, в который уж раз перекапывали землю в поисках пропущенной картошки. Найти мерзлую, почти гнилую картошку – было счастьем! Они приносили её в дом, складывали на печку, кулачками расплющивали и ждали, когда она испечётся, превратившись в лакомство. Сытное и сладкое.

Вера, по праву старшей сестры, предложила: «Маме надо отнести в больницу что-то вкусненькое!» Варенька высказала свое мнение: «Давай унесем ей наши половинки булочек, что дают в школе, – они ведь такие вкусные...» Вера поддержала, но сразу внесла уточнение – двух половинок мало, надо копить половинки! А Любочка ничего не сказала, может, потому что по малолетству права голоса еще не имела, а может, была не согласна с постановкой вопроса, ведь часто эти половинки доставались ей, а отказаться от них у неё просто не хватило бы сил!

Сестры копили половинки долго. Целых два дня. Когда в укромном месте уже лежали четыре половинки, к Вареньке на переменке в школе подошел Митька и, смущаясь, протянул ей свою половинку булочки: «Варя,

возьми... это тебе...» Варенька взяла, потому что невозможно было отказаться от такого сокровища, да и Митьку обижать отказом не хотелось, было видно, что он искренне, от всего сердца. Так у сестер оказалось целых пять половинок булочек. Они не знали, откуда брались эти булочки в голодное военное время, но ради них хотелось идти в школу, ради них ученики ждали переменку.

В больницу пошли в воскресенье. Дождались, когда закончится дождь, одели Любочку в клетчатый сарафанчик, который подарили соседи еще до войны, и пошли. Половинки булочек завернули в чистую тряпочку и положили в холщовую сумку Веры, потому что она так сказала и потому что её сумка застегивалась на большую, а потому надежную пуговицу. А нести сумку Вера, опять же волевым решением, позволила Вареньке. Варенька очень гордилась таким доверием и, повесив сумку на плечо, взяла за ручку Любочку.

Шли долго, во-первых, потому, что Любочка по своей крайней молодости быстро ходить еще не могла, а во-вторых – приходилось обходить лужи и искать тропинки, чтоб не увязнуть в грязи. С трудом преодолели подъем в гору, и уже когда за деревьями больничного сквера показалось здание больницы, которую то ли из-за кирпичного цвета, то ли по политическим мотивам называли «Красной», случилась беда... Самая настоящая Беда, которой не ждали. Варенька, в очередной раз поскользнувшись, не смогла удержаться на ногах и упала в грязь, обрызгав при этом сестер и, самое страшное, зачерпнув в сумку изрядную порцию жидкой грязи. Вера замерла, не в силах что-то сказать. Это была катастрофа, крушение всего... Варенька даже не заплакала, потому что страх за булочки парализовал все остальные эмоции. Половинки булочек, это бесценное сокровище, которое нужно было беречь больше жизни, теперь плавали в грязном месиве внутри сумки...

Наконец, обретя речь, Вера закричала: «Ты что натворила, дура!» А Варенька сидела в луже и ждала момента, когда сможет

расплакаться и хоть как-то облегчить тот непомерный груз, что обрушился на её жизнь...

А Любочка задорно хохотала, показывая пальчиком на Вареньку.

Что-то надо было делать. Варенька поднялась из грязи и только тогда расплакалась, громко, навзрыд, вкладывая в свои причитания всю боль и стыд от совершенного преступления, даже не обратив внимания на подзатыльник, который Вера не упустила возможности ей закатыть. Здесь же, у сломанных досок деревянного тротуара, они вынули из сумки половинки булочек, обтерли их травой и даже сполоснули в луже, отчего они еще сильнее размокли и стали больше похожи на лепешки. Завернуть их пришлось в лист лопуха и нести уже в руках, потому что сумка нуждалась в стирке и использовать её было, конечно, нельзя.

Девочек остановили уже у входа в больницу, и строгая санитарка велела ждать. Мама спустилась к ним через четверть часа, она сразу села на табурет у стенки и улыбнулась девочкам. Было видно, что даже улыбка давалась ей с трудом, а поход от палаты до приемного отделения забрал почти все силы...

«Мамочка, поправляйся быстрее, мы вот тебе булочки принесли...»

НАТАЛЬЯ КУСКОВА

Родилась в 1960 г. в Таре. Работает медсестрой наркологического кабинета Тарской районной больницы. Печаталась в коллективных сборниках, журналах, антологиях и периодической печати Тары, Омска, Москвы. Автор книг «Весеннее тепло» (Тара, 1997), «Изморозь» (Тара, 2002), раскраска для детей «Привет, одуванчик!» (Тара, 2006), «Мамина песня» (Тара, 2010), «Наполню себя тишиной» (Омск, 2010) и др. Лауреат ряда региональных и всероссийских литературных конкурсов, премии им. Владимира Шевелева за общественное признание заслуг в развитии культуры Тарского муниципального района (2009), премии им. Ф. Ушакова (2012). Член Союза писателей России.

КАК БЛАГОСТЬ, ПЛЫВЕТ ГАРМОНИЯ

* * *

И не подвластна времени строка.
Слетает свыше к молодым и к мудрым.
И знают только ночь и облака,
Что послано за очертаньем смутным.
Как мучает она и как болит,
Покой размеренный привычно рушит,
Пока, набравшись силы, – зазвенит –
Живому чувству открывая души.

НА КОНЦЕРТ СИМФОНИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ

В ДК за серьезной музыкой
В октябрьский дождливый день
Бегу по тропинке узенькой.
А ветки – едва задень –
Окатыт с размаху каплями.
Приплатой за душ – листок
Багряный, с каемкой в крапину.
И будто бы с глаз платок:
Как благодать, плывет гармония –
Шуршание влажных шин,
И песня дождя,
И осень, и я,
И ягоды – нотки рябин.

* * *

Кружатся листья: «раз-два-три!»
Фигурам нет конца.
Наверно, в этом есть экстрим –
Кружиться у лица.
Взлетает за листвою сад,
И музыку шуршит.
Так было много лет назад,
И столько предстоит.
И если спрятан в этом смысл –
То падать, то взлетать.
То я готова с ними вниз,
Чтобы весной восстать!

ДОЧЕРИ

Запихивать слова любви
Подальше в сердце. Без оглядки?
А ты попробуй, позови,
Кому нужны такие прятки?
Сама не можешь? Так спроси
У музыкантов и поэтов,
Что жили вечно на Руси.
И воспевали чувство это!
Домашний ужин и носки,
Конечно, многое расскажут.
Но дом такой похож на скит,
И сердце выстрелит однажды!

НОЧЬ

Чёрная девушка – Ночь –
Прижалась щекой к стеклу.
Звезды – веснушки – точь-в-точь,
И дымка – кудряшек клуб.
С вечера дядька Мороз
Грозится, снежком скрипит.
А город мой не замерз,
А город спокойно спит.
В снежных тулупах дома,
В домах разомлевший люд.
Крепкий колючий туман
Медведицы тихо льют.
После повесят ковши
На месяца светлый крюк...
Не спит в полуночной тиши
Лишь лампы настольной – круг.

* * *

Моя душа весёлым петушком
Готова петь простым весенним утром.
Крылатый стих, обозванный стишком,
От этого окреп и вырос будто.
Ни величать и ни клеймить ему,
Конечно, не дано веленьем Бога.
Но и скамейка, вопреки всему,
Даёт надежду в дальнюю дорогу!

ОСЕНИ

Я ей вслед кричала: Подожди!
Мне еще запомнить много нужно,
Как шуршали листья и дожди,
Лили очень слаженно и дружно.
Убранных полей колючий плед
Расстелил сентябрь до горизонта.
И зари вечерней алый след
Над тайгою лег открытым зонтом.
Я молила осень: погоди!
Надышаться дай и наглядеться
На рулоны сена бигуди,
На прокосах, дорогих, мне с детства.
Крик мой горький эхом разнесет
И за Черный куст обрывки кинет.
Может быть, грибник потом найдет –
За гусиный клик тоскливый примет.

АПРЕЛЬ

Какая сила у весенних луж!
Возлягут поперёк любой дорожки,
Для них равны машины, люди, кошки –
Оступишься, и превратятся в душ!
Какая сила у весенних луж?
С пути прямого каждого заставят
Свернуть и прыгать. Ведь там солнце тает,
И поровну получают бомж и муж.
Такая сила у весенних луж!

ОТПУСК

Проснулась радостной, свободной
От утренней узды секунд, минут.
В колени ткнулся нос холодный
Китайской собачонки. Подождут
И ящик с новостями, и компьютер,
И враг стихов – болтливый телефон.
И ощущение новое, как будто
На финише. Окончен марафон!
По-прежнему вращаются планеты,
Торопятся все люди, но не я!
За долгий год я заслужила это
Схождение с орбиты бытия.

* * *

По застывшей жесткой тропинке
Я шагаю за октябрем.
По белесым матовым льдинкам,
Легшим лужицам в окоём.
Покосившиеся домишки,
Остов рощи, огонь рябин,
И ликующий крик мальчишек,
И из прутьев плетенный тын.
На Иртышной глади воронки,
И колдобины на земле,
Груды дров нарубленных, звонких –
В пику близкой теперь зиме –
Я в себя неспешно вбираю.
И хотелось бы мне понять
Чистоту и праведность края,
Где приходится выживать.

* * *

Моя Пальмира – горстка деревень,
Разрушенная тихо, без бомбёжки.
В домишках ветхих крыши набекрень,
В колдобинах усталые дорожки.
Обиженный китайцами Иртыш
Грозится смыть весною к океану.
О, как ты, Русь моя, заголосишь,
Когда терпеть сибиряки устанут.

ТОПОЛЬ

Пилили старый тополь. Всем мешал.
Корявы и огромны стали ветви.
Он небо, как атлант, один держал,
Но листья к окнам не пускали света.
О том, как дни людские коротки,
Безжалостным стоял напомниманьем.
Бесцветно доживали старики,
А тополь жил с особенным стараньем.
Смотрели на расправу из-за штор,
Кивали одобрительно: виновен!
Но долгожданный голубой простор
Вдруг испугал их – ошущеньем новым.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ЧУДО

1

Души детей нерождённых
Со звездочек смотрят на землю.
В дни святочного веселья
Себе подбирают семьи,
Соседей, родных и знакомых.
Чтобы потом родиться,
Согласно Божественной воле
Принять и нести свою долю –
Жить и любить, доколе
Сердца не устанут биться.
Но теперь, когда небо открыто,
Любознательность побеждает.
И каждый из них мечтает,
Что его на Земле ожидает
Любви материнской защита.
Каким бы ребенок ни был –
Встретят надежные руки.
Колыбельной тихие звуки...
Потом будут дети и внуки.
И звезды в рождественском небе.

2

В небе много окошек –
Лучится каждое светом.
В одном из них наша крошка.
Вглядываюсь безответно
Рождественской ночью в звезды,
В деревья под снежным мехом.
В воздухе стылом, морозном
Звенят переливы смеха.
Так радость сама смеется.
Мне это не может сниться.
В душе занимается солнце,
И хочется помолиться!

ТРИПТИХ

*Тарской Спасской
церкви посвящается...*

1

Когда сказали: «Бога нет!»
Надолго замолчала...
От белых стен струился свет.
И горожан встречал он
Рассветным зимним, летним днём,
Под солнцем, в непогоду.
Смирились, замолчав о нём
Сказавшему в угодю.
Но тем запретам вопреки
Под ликованье птичье –
Был в потаённом «помоги»,
И в крашеном яичке.
Добром и памятью земли
Ласкал из глаз старушек.
И выстоял. И не смогли
Нам веру в свет разрушить!

2

Белой девой, в зелёной вуали,
Посредине бескрайних снегов...
И в чести ты была, и в опале
У служителей разных веков.
Не сломили! Сломать не посмели.
Люд простой отмолил за тебя.
И восторг не скрывают метели
Твой ремонтный наряд теребя.
Словно дева в зелёной вуали,
Крепко стан охватили леса,
И разобранных окон провалы
Распахнулись, впустив небеса.

3

И вновь сияет купол над тобой.
И значит, снова быть и жить надежде!
По-новому, конечно, не как прежде,
Меня ты встретишь светлою главой.
Свечи моей затеплится огонь,
Просительно взлетят в молитве руки,
И с просьбою придут сквозь время внуки...
И ты им тоже светом души тронь.
Предвидеть будущее не берусь.
Ведь каждый день приносит потрясенье.

Но видимо, уверена в спасенье,
Раз златосветит куполами Русь!

ОЛЬГА СТАРИНСКАЯ

Родилась в 1960 г. в Таре. Работает в Тарской центральной районной библиотеке. Стихотворения печатались в периодических изданиях и коллективных сборниках Тары, Омска, Москвы. Автор сборников стихов «Зачем в апреле снегопад?» (Тара, 2004), «Душа распахнута для счастья» (Тара, 2009), «Предзимье» (Тара, 2011). Лауреат районной премии им. В. А. Шевелева «За общественное признание заслуг в развитии культуры Тарского муниципального района» (2013). Награждена лермонтовской медалью (2014). Член Союза писателей России.

* * *

«Счастливые часов не наблюдают».
Мои часы замедлили свой бег.
В который раз с деревьев облетает
Листва, отжившая коротенький свой век.

Вновь потянулись вслед за журавлями
Ненастные осенние деньки.
И бродят тучи низко над полями,
И плачут ветры в ивах у реки.

Приветит лес последними дарами.
Несу корзинку, полную опять,
В мой тихий дом, где столько лет ночами
Звучат стихи и ходики стучат.

* * *

Покупала бабка две картошины,
У прилавка мелочью звеня.
«Божий одуванчик» в ботах сношенных –
Где её семья и где родня?

Как в войну – две маленьких картошины...
Бродит старость по земле с сумой.
Спит Россия, снегом запорошена.
Нищенка спешит к себе домой.

* * *

Обрели покой на разных кладбищах
мама и отец – земля одна,
как и небо. В небе души прадедов,
сверху им Россия вся видна.

Русь, Россия. Голосочек к голосу.
А беда случится – встанет рать.
Знаю, будет поле спелым колосом
Нам свои богатства отдавать.

Только б не забыть, как севы сеются –
Нищета сгубила мужиков.
Но очнется Русь, мне в это верится,
И стоять ей испокон веков.

* * *

На окошке аленький цветок,
За окошком плачущая осень.
Кутается в старенький платок,
Платье из заплат, да ноги босы.

Осень мне не жаль, мне жалко птиц,
Взмывших над рекой прощальным кругом.
И озябших под дождем синиц, и ворон,
Прижавшихся друг к другу.
У дороги жалкий воробей –
Выбирает из травинок крошки.
А в моём лукошке – шум полей
И следы ушедших по дорожке.

* * *

Тишина и падающий снег.
И озябший листик на ладошке.
Сохраню его, как оберег
От тех бед, что оставляю в прошлом.

Говорят – «жизнь с чистого листа».
Даль чиста, белым-бела от снега.
Лишь пылают жаркие уста
У рябины, занесенной снегом.

КОНСТАНТИН АТЮРЬЕВСКИЙ

Родился в 1979 г. Таре. Работает юристом частной практики. Лауреат выездного семинара молодых литераторов (Тара, 2010), литературного фестиваля «Макаровская осень» (Омская область, 2015). Член литературного клуба «Вечера на Александровской».

* * *

В исконных владеньях татар,
Подмятых крылом Империи,
Живу я в старинной Таре,
Для магометан – неверный,
Для православных – свой
(но грешный, а значит – скверный),
А для иудеев – гой,
Для атеистов наивный,
верящий в старый миф...
А городок мой дивный –
Родина – целый мир!

* * *

Кто на юг, кто на север,
Разбрелись все друзья.
Поразъехались семьи,
одиночки, а я,
Старожил мест сибирских
Притаежной глуши,
Вод холодных иртышских
сохранитель души,
Здесь живу от рожденья,
Здесь, быть может, умру,
Здесь ловлю вдохновенье
И молюсь поутру.

МОЛИТВА

Прости мне, Господи, грехи моих отцов,
И матерей, и всех далеких предков,
Прости и то, что сам молюсь я редко,
Вложи мне в сердце Веру и Любовь.

Прости мне, Господи, терзания страстей,
Гордыню, похоть, алчность и унынье...
Прости меня, такой стою я ныне
Перед тобой в ничтожности своей.

Прости все то, по знанью иль незнанью,
Что было выражением греха.
Надменный тон речений иль стиха...
Болезнь души – кровящиеся раны.

Прости мне, Господи...
Господь, прости меня,
Отступника, безумца, фарисея...
И прорасти посеянное семя
Новозаветной праведности дня.

* * *

Ночами сильнее слышится скрип половицы
В старой квартире
дома
времен Хрущева,
В полой,
густой
темноте
вдруг вспорхнула птицей
Мысль,
полетела,
собою наполнив слово.

ТОГДА И ТЕПЕРЬ

1

Я был и счастлив, и любим –
Но это в прошлом.
Теперь, когда мы говорим,
Тебе лишь тошно.
И ты скорей отводишь взор,
Холодный очень.
И этот ледяной узор
Мне сердце точит.
Сейчас, когда уж все прошло
И нет возврата,
Зачем относишься ты зло
К тому, кто рядом?
Я знаю: чувству чересчур –
Большому чувству,
Без самых действенных фигур
Уныло, пусто...
Пустынность в мире наших мер
Весьма реальна,
Но стоит ли лишаться веры
Одной, начальной?
Безынтересное письмо

В неровных строчках.
Я уйду к себе домой,
Поставив точку.

2

Живой! И счастлив, и любим!
И в настоящем,
Когда с тобой мы говорим,
Я просто счастлив!
И полон нежности твой взор
И откровенья,
И наш чуть слышный разговор –
Сплошное пенье.
И раскрывается душа
Душе любимой,
И сердце ёкает, дрожа
Чуть уловимо.
И хочется так сохранить
Навек все это
И вместе этот век прожить
В любви Завета!
И этот стих – почти письмо
В неровных строчках...
Как хорошо прийти домой,
Обнять сыночка,
Обнять тебя, моя душа,
Моя родная!
И тихо-тихо, не спеша
Понять суть рая.

* * *

Опостытели
 обстановка,
 вид из окна,
 округа,
заброшенная остановка,
отсутствие рядом друга,
почти бесконечные зимы,
прохожие без участия,
не то, что невыносимо, –
тяжело выносимо часто.
Хандра, как излом болезни,
вывернет наизнанку
 душу,
болезнь исчезнет,
отгонит оттепель, стужу;
апрель оперится завтра –
судьба нас отдаст апрелю,

и вот за окошком автор
и исполнитель трели
 копошится
 и чистит перья.

* * *

Добро и зло порой так сплетены...
И отличить невероятно сложно,
Что истинно, а что по сути ложно,
От Бога что, а что от сатаны.

* * *

Небо спит, укрывшись одеялом,
На земле воюют племена.
Истина всегда сокрыта в малом,
А в большом – теснятся времена.

Солнце светит, и под этим солнцем
Столько и всего совершено.
Человек стремится влиться в социум,
Социум влечет его на дно.

Жизнь идет. А по каким законам?
Писаным, неписаным? Куда
Мчится поезд, а за ним вагоны?
Мчатся наши жизни-поезда?

Небо спит, укрывшись одеялом,
На земле воюют племена.
В мире падший ангел правит балом,
Только власть его на времена...

* * *

Пусть в стороне кричат политики,
Пусть обещают «рай земной»...
Я чувствую весну!
А критики
Пускай смеются надо мной.
Февраль красив –
 и чувством полнится,
Неизъяснимостью –
 слова!

Морозно,
 малоснежно,
 солнечно...
И на окошках кружева.
Из состоянья спячки
 зимнего

Мы просыпаемся...
Капель!
Ты вновь идешь ко мне,
Любимая!
Я оживу –
и буду петь!

ДУША

Душу не вычистишь щеткой зубной
И не отмоешь водицей,
Лишь Покаянье подарит покой,
И воспарит она птицей,
Легкость почувствовав
и Благодать
Божью,
Наполнится высью,
Чтобы от Троицы-Бога принять
Дар, называемый Жизнью.

* * *

Наступает февраль,
а я только сменил календарь.
Отчего-то в душе непогодит:
уныло, неловко...
Голова,
будто старым хламьем переполненный ларь,
А по сути пуста,
как в газете плохая статья
под большим заголовком...

* * *

Утро умыто дождем.
Пасмурный день обещают.
Плечи покрою плащом
Из свежетканной печали.
В доме приятно тепло
От чуть подтопленной печки,
Мне несказанно свезло
Жить в этом милом местечке!

СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА

Все утро плачут Небеса.
Что предначертано – случится.
И над Голгофою гроза
Ужасным громом разразится.

Померкнет солнце.
Темнота,
Как ночью, все собой накроет.
И смерть Спасителя-Христа
Невинной кровью мир омоет.

Вечеря тайная вчера
Причастьем укрепила веру!
Страстная.
Пятница.
С утра
Скорбим и молимся усердно...

Ждем Благодатного огня –
Свет Воскресения Христова!
И зазвучит через два дня
В церквях: «Вначале было Слово...»

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ

Родился в 1977 г. в Таре. Работает преподавателем в Тарском индустриально-педагогическом колледже. Стихи публиковались в коллективных сборниках и периодических изданиях Тары, Омска. Лауреат выездного регионального семинара молодых литераторов Омской области (Тара, 2010), районного конкурса самодеятельных поэтов (Тара, 2014). Член литературного клуба «Вечера на Александровской».

* * *

Подари мне снегопад.
Зимним вечером нас двое.
И снежинки наугад
Тычутся в мои ладони.

Подари мне снегопад,
Небо вечером так звёздно.
Я уже и сам не рад,
Что любовь пришла к нам поздно.

Подари мне снегопад,
Чтоб кружился снег подольше.
Я тебе и друг и брат,
Но любимый всё же больше...

О СТИХАХ

Слетела с губ невольная строка,
Присела на бумагу сиротливо.
Воздушна, как седые облака,
Легка и, как дитя, нетерпелива.

А вслед за нею бусинами в ряд
Скатились на страницу строчки эти.
И мне на ухо что-то говорят
О самом сокровенном на планете...

* * *

Паутиной осень занавесила
Жёлтые дорожки сентября.
Улетают птицы, и невесело
Звёздочки холодные горят.

Подарила осень день рождения,
Чтобы непогоду оправдать.
Дни летят – субботы, воскресения,
Сколько же ещё просвета ждать?

И в ответ на мой вопрос украдкою
Зарычит за городом гроза
И водой наполнит бочки с кадками,
Чистой, как хрустальная слеза.

* * *

Я знаю, что лето зелёного цвета,
Что солнце – звезда, а совсем не планета.
Что ночью мечтателям долго не спится,
Что в небе журавль, но надёжней синица.

Что счастье – оно словно синяя птица,
К поимке которой не всякий стремится.
Я знаю, что было с тобою и мною
Прошедшей холодной и снежной зимою.

Я знаю – то было и не повторится,
Я помню то время – дрожали ресницы,
Шептали признанья замёрзшие губы,
В нас мир не вторгался, безумный и грубый.

Мы были одни на далекой планете,
Любви беззащитные слабые дети.
...Я помню, что было с тобою и мною
Той нашей последней холодной весною.

* * *

Предчувствуя дни разлук,
Сжимаешь тростинки-пальцы.
Мне стоило стольких мук
Сказать: «Нам пора расстаться...»

И будто бы рухнул мир,
Погрызший во лжи и фальши.
И бродят в тиши квартир
Слова, что сказал я раньше.

* * *

Успех науки! В космос корабли
Летят сквозь межпланетное пространство.
А мы с тобой никак не обрели
Обычного земного постоянства...

* * *

Только крест над колокольной
Виден из окна.
Веет революционно
Ранняя весна.

За окном тужурки в моде,
«Кожа» вновь в цене.
Кто не с нами – при народе
Ставь лицом к стене.

Пострелять кого, угробить –
Только позови.
Скоро снова будем строить
Храмы на крови...

ПО-ДЕТСКИ

Люблю городок я свой старенький,
На картах больших его нет.
Здесь в лютый мороз в моде валенки,
В сугробы весь город одет.

И как не любить город маленький,
Родной для меня столько лет.
Окошек скрипучие ставеньки,
Брусничный пирог на столе,

Иртышские дали безбрежные,
Осенней листвы хоровод.
И теплится светлой надеждою
Небесный искрящийся свод.

Люблю городок я свой старенький,
Я здесь отдыхаю душой.
Себя снова чувствую маленьким.
Уютно здесь и хорошо...

АЛЕКСАНДР ТИХОНОВ

Родился в 1990 г. в п. Большеречье Омской области. Работает заведующим научно-краеведческим центром в Тарской центральной районной библиотеке. Стихи и проза публиковались в периодических изданиях, коллективных сборниках Москвы, Санкт-Петербурга, Самары и др. За дебютную книгу стихов «Облачный парус» (Омск, 2014) удостоен звания лауреат Всероссийской литературной премии им. М. Ю. Лермонтова (2015) и региональной литературной премии им. Ф. М. Достоевского. Член литературного клуба «Вечера на Александровской».

* * *

Последний день в году морозно свеж.
Печным дымком пропах старинный город.
Заря ещё полным полна надежд,
Но слышится сигнал сирены «скорой».

Проносится спасательный наряд.
Кому-то праздник, а кому-то. Впрочем...
В распаханное небо декабря
Сквозят ветра первоянварской ночи.

Они уже по-новому свежи,
Но до сих пор не наболтались с теми,
К кому сегодня «скорая» спешит.
Спешит, спешит... Опережает время.

* * *

В душном автобусе нынче народу битком.
И не поймёшь, как все разом
в салоне расселись.
Божьи цветки – одуванчики из-под платков
Смотрят в окошки на жгучую
майскую зелень.

Здравствуй, весна. Мы с тобою
не виделись год.
Время летит и событий вмещает
с избытком.
Что у тебя, кроме смены времён и погод?
Что у меня? Разве только рутинною пытка.

Редкий маршрут от райцентра
до створок литых.
Ездим раз в год
побродить меж могильных оградок.
Бабушка здесь по весне поселилась.
Цветы
Смотрят искусственно, делают вид,
будто рады.

Искренне рад одуванчик. В густой пестроте
Этих бумажных уродцев
проклюнулся чудом.
Желтую голову клонит к могиле и тем
Людам заметен, кто к жизни
приветлив и чуток.

С утлого холмика листья смахнём, а траву
Вырвем и свежей олифой
оградку покрасим.
Знаешь, весна, я порой так бесцельно живу
Вместо того, чтобы жизнь принимать,
словно праздник...

Надо встряхнуться от долгого зимнего сна
И в небесах отыскать обжигающий лучик.
Вновь говорю тебе: «Здравствуй.
Ну, здравствуй, весна!
В душном автобусе я твой всегдашний
попутчик».

* * *

Я прошу, распиши этот день по пунктам.
Честь по чести, от «А» до «Я»:
В пункте «А» я под вечер ловлю попутку,
На пустой остановке устав стоять.
В пункте «Б» на столе догорают свечи,
В пункте «В» – жгучей страсти жар.
А-Б-В... пусть подольше
продлится вечер.
Но иуды-часы, как назло, спешат.

* * *

Гудит просёлок, раскалён от зноя.
Окаменел и лопнул по оси
Земной. И всё вокруг сейчас земное,
Привычное... лишь птица голосит,

Да вдалеке, где встал могучий, древний,
Лес вековой, уже шипит разлом.
Там танки выезжают за деревню,
Как в древности – на смертный бой со злом.

С другого края лопнувшего мира
Идёт, корёжа траками межу,
Во имя полоумного кумира
Корявая, грохочущая жуть.

Но сделан шаг навстречу исполину,
О сокрушенье змея вопия!
Так превращают подвиг свой в былину
Мехвод Добрыня и стрелок Илья.

А чуть поодаль от сраженья, лёжа
За бруствером из дёрна и песка,
Совсем безусый, молодой Алёша
Гранату поднимает для броска.

Над прохоровским полем реют флаги:
Там – свастика, здесь – пламя кумача.
И падают невызревшие злаки,
Когда от боли воины кричат...

* * *

Лес в реке отражается – зелен и юн,
Прорастая насквозь в цветокопию неба.
Листья падают в воду и в ней создают
Отраженье, а может, причудливый слепок.

К октябрю в отраженье поселится хмарь,
Чернота, чернотал, полуголые вёглы,
Острый клин журавлей,
неба чёрствый сухарь.
В отраженную осень ударятся вёсла.

С лодки, ткнувшейся в берег,
сойдёт человек
И цевьё вертикалки мозолисто стиснет.
Ранней зорькой для утки окончится век.
Выстрел.

Над зеркальной границею смежных миров,
Словно символ недавней гибели лета,
Будет долго по ветру кружиться перо,
Прежде чем погрузиться в холодную Лету.

* * *

Ну, здравствуй, время гулких,
хриплых гроз,
Опавших листьев, сырости и прели.
Из чёрной тучи лёгкий дождь пророс
Ростком ещё не вызревшей метели.

Он копит силы – хлипкое дитя,
Питается тончайшей паутинкой,
Плодами сентября, вот-вот слетят
На землю обезвоженные льдинки.

Он зацветёт, сугробы распушив,
Он даст плоды – снеговиков и горки.
Дыши, росток зимы, смелей дыши,
Осенний воздух впрок глотая горький.

* * *

Мне стихи сочинять бы, да вот
Прочитал тут на днях у психолога,
Что поэты немного... того.
Шизофреники, в общем, на голову.

Не пишу. Размышляю о том,
Отчего ум заходит за разум.
Если учат поэтов в лито,
Значит, тамошний гуру заразен?

Но в ответ лишь скрипит тишина.
Что ж психолог вдруг пишет об этом?
Может, зол, что сбежала жена
От психолога прямо к поэту?

Или, нам про болезнь говоря,
Он когда-то и сам увлечённо
О любви рифмовал втихаря,
А теперь записался в учёные?

В общем, столько вокруг чепухи!
Так что, ну её, эту науку!..
Огляделся... и прячу стихи
От себя самого в дальний угол.

И тихий шелест вековых берез
Звучит над всей Россией величаво.
Моя страна, любимая до слез...
Россия, Русь – великая держава.

* * *

Снег заметет следы,
Вдаль за собой маня.
Я далеко. А ты?
Помнишь еще меня?

В прошлом обрывки фраз,
Нагроможденья лжи.
Если забыть про нас,
Можно спокойно жить.

Хочется взять разбег,
И не хватает сил...
Снег. Это просто снег
Душу разбередил.

* * *

Предновогодье. Суета зимы.
И снег, как в детстве, пахнет мандарином.
Давно не существует слово «мы»,
Хотя когда-то были мы единым.

А в детстве? Ни забот и ни хлопот,
Лишь елка, мишура и звон посуды,

И веришь: наступает Новый год,
А значит, непременно будет чудо.

Но жизнь опять дает для веры шанс
И открывает чистую страницу.
И оживает в Новый год душа,
Чтоб вместе с дочкой
в детство возвратиться.

* * *

Старый дом утолит печаль,
Королевы, увы, не плачут...
Ты зачем меня приручал,
Если я ничего не значу?

Но в тумане горит окно,
И пустоет на троне место.
Мне, наверно, судьбой дано
Сохранять твое королевство.

* * *

На излучинах Иртыша
Потерялась моя душа,
Догорела без лишних слов
В янтаре рыбацких костров.
Ей теперь без меня тепло
Там, где детство мое прошло...
Но она приходит во сне,
Видно, ищет дорогу ко мне.

АРТЁМ КУЧЕРЕНКО

Родился в 1995 г. в Таре. Обучается в БПОУ «ТИПК». Работал в Центре детского творчества. Номинирован на всероссийскую премию «Поэт года – 2015». Публиковался в альманахе «Поэт года – 2015». Музыкант. Автор проекта «Please. leavemealone».

ВСЁ НЕ ТАК УЖ И ПЛОХО...**Pt.1**

Вы бы чувствовали эту тишину? Ту, что завоёвывает всё, от главных улиц до безымянных переулков. Уже к трём утра улицы нашего города пусты, и лишь редкие габаритные огни проезжающих авто режут замысленный темнотой взгляд. Только со стороны можно прочувствовать всё великолепие тишины, пускай мнимо, но заглянуть в самые безмолвные, самые тёмные проулки, и если бы меня попросили изобразить её, то я бы запечатлел именно эту улицу. Центральная улица Ленина – апогей молчания и парадокс современного города. Она проходит через весь город почти прямой линией и полностью погружена в своё молчание. Светофоры меняют свой свет впустую. Ни для кого.

Pt.2

Закутанное в свою серость июльское небо надрывно выплёвывало из себя раскаты грома. На часах было ровно 03:21, когда мелкий дождь заморосил, отбивая ломаные ритмы по металлическим подоконникам. Было не по-летнему холодно, и дождь, попадая за шиворот, заставлял последние обрывки души безвозвратно вылетать и не возвращаться. Глаза невольно заглядывали в зарешёченные окна первых этажей, но, не найдя ответного взгляда, голова снова опускалась вниз, и взгляд, упёршийся в мокрый асфальт, прятал от капель дождя запотевшие от дыхания очки. Уже к четырём часам ноги автоматически поднимались на второй этаж панельного дома, где после настойчивого звонка в двери появится сонная девушка.

Pt.3

День сменялся ночью, утро – вечером, и ничего в этих переменах не было. Но даже такие простые ночи, как эта, могли безвозвратно утопать в памяти, а позже всплывать в виде грязных и небрежных скетчей: освещения было мало, но зато жилые многоэтажки могли похвастать огромной палитрой оттенков света из окон. Почти каждый из них был индивидуален. Нечто тянуло сознание вверх, по давно проторенной лестнице произвольных воспоминаний. И те огни, будто тысячи дверей, из которых можно выбрать только одну, ставили в ступор и не давали выбрать единственную на сегодня дверь памяти. Приходилось подолгу засиживаться на мокром асфальте и размышлять о дорогах: прошлого, будущего и настоящего.

Pt.4

Ноги прохожих бежали вслед друг другу, сталкивались и сливались в огромную серую волну, смывающую на своём пути эмоции и боль. Настойчивый ветер подстерегал на улицах города «жертв» и размахивал юбками, плащами и длинными волосами спешащих девушек. Август плавно пожирала осень. Полдень в моих глазах становился ранним вечером и не уступал ему в хмурости красок неба. В этом небе теряли крыши и головы габаритные небоскрёбы, что плавно перетекали в облака, и только телевизионные антенны, увешанные голубями и крикливыми воронами, выдавали последний этаж...

Pt.5

Холодный воздух глотался надрывисто, часто, с неподдельным чувством свежести и... так охотно. Кого-то встречала тёплая постель, ну а мои ноги безуспешно дрейфовали по асфальту и неслись навстречу новой осени. День становился короче, ночи холодали. Зато звёзд на небе было очень много, но тянуться к ним не хотелось и вовсе. Хотелось лишь со стороны наблюдать за их неярким, но приятным светом. Как обычно,

вечера наполнялись шумом ветра, стрекотанием насекомых, но теперь перевес был на стороне первого, а вторые же всё чаще отмалчивались. Уже через пару часов наступила бы осень. Если бы не раскалённые добела ночные звёзды и пепельная луна, осмелившиеся сегодня согреть эту (последнюю ночь), то я бы не ждал. Здесь, внутри

застеклённого балкона, царила тишина, снаружи было не лучше, и лишь громкий и режущий слух дребезг секундной стрелки разносился на весь дом. Казалось, что ровно в полночь станет невыносимо пробираться холод, и листья, ещё крепко хватавшиеся за ветки, вдруг резко упадут на тротуары огненно-жёлтой волной.

ВИКТОР БОВАН

Родился в 1982 г. в Казахстане. Рассказы публиковались в антологии «Годовые кольца» (Омск), журналах «Чиж и Ёж» (Санкт-Петербург), «Литературный Омск», газете «Большая медведица» (Екатеринбург). Лауреат II степени Всероссийского литературного фестиваля-конкурса «Хрустальный родник» (Орёл, 2016). Член литературного клуба «Вечера на Александровской».

НЕИЗМЕРЯЕМЫЙ СУГРОБ

В самом начале декабря вдруг закружила вьюжка и намела сугроб. Был сугроб маленьким и невысоким. Его даже сугробом назвать было трудно. Не сугроб, а так, сугробик! Наступишь ногой – даже сапог не скрывает.

– Сугробик, ты когда сугробом станешь?

– Приходи ко мне в январе, тогда узнаешь!

Прихожу через месяц. Вижу, и впрямь сугробик подрос, вытянулся. Да и не сугробик это уже, а самый настоящий сугроб. Лежит, холодом дышит. Снежинки туда-сюда перекатывает.

Залез в сугроб, а он выше колен!

– Вижу, ты и правда вырос. Раньше я тебя перешагнуть мог, а теперь по тебе лезть надо.

– Это ещё что! Ты ко мне в феврале приходи. В феврале по мне не то что лезть – ползти придётся!

Прошёл ещё месяц. Да такой – ой, ой, ой! С метелями да буранами!

Дай-ка схожу, погляжу, как там сугроб поживает.

Пришёл и ахнул! Да какой же это сугроб?! Это не сугроб, это сугробище! Широкий, высокий – настоящая снежная гора!

Ползу к вершине. И на коленях, и на животе, и боком. Кое-как взобрался! Сижу на сугробе, и пар из-под бушлата валит.

– И как я тебя – огромного такого – собой измерю? Тут не то, что колени, тут меня с головой скроет!

– А я теперь не простой сугроб. Я – неизмеряемый сугроб. Так что даже не пытайся!

ИСТРЕБИТЕЛЬ КОМАРОВ

Вечер. Летняя зелёная полянка. На полянке я. Вокруг меня комары. Туча комаров!

Вдруг, откуда ни возьмись, ласточка.

Ш-ш-в-и-и-и!

Пролетела, словно маленький пернатый истребитель. Да так пролетела, что крылышком чуть моего лица не коснулась. Близко-близко!

– Эй! Ласточка-касаточка! Смотри, куда летишь! Того и гляди разобьёшься!

А ласточка опять:

– Ш-ш-в-и-и-и!

Чуть мою кепку с головы не сбила.

– Ты чего? – говорю. – Глухая, что ли? Или комар в глаз попал?

– Попасть-то попал, да не один, а целая куча! И не в глаз, а в рот! – прошебетала ласточка. – Вокруг тебя комаров много летает. Вот и мне приходится чуть крылом тебя не задевать, чтоб комариков поймать. Рядышком с тобой носиться, чтоб насытиться. Уяснил?

– Уяснил!

– А теперь не мешай. Иду в атаку!

– Ш-ш-в-и-и-и! – тут же просвистело над ухом.

– Ну как? – интересуюсь.

– Полный клюв!

Ай да ласточка! Не ласточка, а самый настоящий истребитель! Пернатый истребитель комаров!

ЖУК-ЩЕЛКУН

Быстро-быстро бежит жук-щелкун по тропинке. А как меня увидел, ещё быстрее помчался: вдруг раздавлю!

– погоди, жук-щелкун! Не спеши! А лучше расскажи, почему тебя щелкуном прозвали?

– А ты меня на спину переверни, тогда расскажу.

Перевернул. Лежит жук-щелкун на спине, лапками шевелит. Вдруг собрался весь, голову поднял да как треснет затылком о землю.

Щёлк!!!

Подлетел жук-шелкун кверху, перевернулся через голову и на лапки приземлился.

– Ну как? Рассказал?

– Не то слово!

ПЕРНАТЫЙ БАРАШЕК

Высоко в небе – даже не видно – поёт кулик-бекас. Поёт не как все – особенно поёт! По-своему – по-бекасьи. Хвостом!

Никто так не умеет, как бекас.

Поднимется бекас в весеннюю высь, а потом камнем вниз падает.

– Бе-е-е-е-у-у! – Разносится над болотом.

– Скажи, бекас, как у тебя так хорошо петь хвостом получается?

– Пёрышки на хвосте у меня особенные. Когда вниз камнем падаю, пёрышки трепещут и... блеют барашком! Вот так!

Взлетел бекас повыше и опять камнем вниз.

– Бе-е-е-е-у-у! – Вновь пронеслось над болотом.

Всю весну разносится песня бекаса. Удивительная песня удивительного певца.

– Бе-е-е-е-у-у!

Пернатый барашек поёт!

РАЗГОВОР С КОСУЛЕЙ

На полянке – Косуля. Прекрасной головой завертела, копытцами точёными застучала. Человека почуяла. Вот-вот прочь кинется.

– Не бойся, Косуля! Я не охотник! Я без ружья! – кричит Человек и выходит из леса.

Увидела Косуля, что Человек, правда, без ружья идёт, и немного успокоилась.

– Зачем пришёл на мою полянку?

– Пришёл на тебя полюбоваться. Красивая ты, да только вот пугливая очень.

– И откуда ты такой взялся? Кого ни встречу, все в меня пальнуть хотят. У всех ружья за плечами висят. Даже на этих ваших машинах и то за мною гоняются. А ты... красивая! Странный ты какой-то.

– Знаю, знаю. И на машинах тебя гоняют, и стреляют в тебя из ружья, и пугливая ты, потому что нас, людей, боишься. А таких,

как я, «странных», на Земле довольно много. Просто ты их, наверное, не встречала. А если встречала, то убегала. Вон и от меня чуть не унеслась.

– Все бы такие были, как ты, я бы и не убегала. Я бы сама подошла. Мне ведь тоже интересно на людей посмотреть, да только вот страшно.

– Ну так смотри! Перед тобою Человек!

– Вижу. Непутёвый двуногий зверь.

– Почему это непутёвый?

– Как почему? Бегать быстро, как я, не умеешь, прыгать высоко и далеко у тебя тоже не очень получается, да и крадёшься – так себе. Ну, и какой же ты после этого? Непутёвый! Одно тебя спасает – ум! Да и тот временами не работает.

– Это как это не работает? – опешил Человек.

– Если б у людей ум постоянно работал, вы бы уже давно ружья свои побросали!

– Это точно! – согласился Человек.

Посмотрела Косуля на Человека и говорит:

– Скажи, а я и вправду красавица?

– Ещё бы! Ты красивая! Грациозная! Живёшь неведомой людям жизнью. Своей жизнью! Особенной!

– Все мы в лесу такие. Красивые! Живём каждый своей жизнью! Особенной жизнью! Только вот люди этого не видят и не понимают.

– Поймём! Обязательно поймём! Рано или... главное, чтоб не поздно! – спохватился Человек.

– Вот и я о том же, – сказала Косуля и посмотрела Человеку в глаза. – Главное, чтоб не поздно!

Стоят, молчат. Косуля и Человек. Каждый думает о чём-то своём, о чём-то совсем не весёлом.

– Ну, мне пора, – встрепенулась Косуля. – Уже вечерет.

– Да, да! Конечно, иди!

– И все-таки странный ты, Человек, – произнесла Косуля и скрылась в неподалёку растущих кустах тальника.

А Человек шёл домой и думал: «Главное – чтоб не поздно! Главное – не опоздать!»

Да! Ведь, чтоб человек, пусть не словами, а только чувствами общался с дикими животными, нужно подальше забросить ружьё и зайти в полог леса с пониманием и любовью. А иначе будет ПОЗДНО! А когда будет поздно, человеку станет СТЫДНО и СТРАШНО. Страшно, что уже ничего нельзя изменить.

СВЕТИТСЯ!

Что за чудо светлячок! С виду червяк червяком и вдруг... светится! Энтомологи – люди, изучающие насекомых, – зовут его светляк обыкновенный. Какой же он обыкновенный, если светится?! Идёшь ночью по дороге, темно вокруг, хоть глаз выколи, и вдруг в кромешной тьме крохотный живой огонёк под ногами. И как бы ты ни торопился, обязательно остановишься. Ух ты! Светлячок!

Сколько бы я раз ни встречал этот огонёк, всегда удивлялся ему. Разве можно не удивиться? Часто ли мы видим живые огни? Все эти лампочки, фонарики, свет в окнах домов. Всё это неживое. Искусственное. И пусть они светят намного ярче и разнообразнее. Пусть ими окутана вся наша планета. Им никогда не затмить маленького, затерявшегося в ночной траве одинокого светлячка, который с виду червяк червяком и вдруг... светится!

СЛЕПНИ

Сижу, на удочку рыбачу. Хорошо так вокруг. Солнышко светит. Птички поют. Только вот слепни бы ещё не кусали, совсем красота бы была. А то кружат вокруг, жужжат своими прозрачными крылышками. Вглядываются большими разноцветными глазами. Куда бы присесть! За что бы укусить! Одним словом – злыдни! Вот вдарить бы им хорошенько, да руки заняты, удочку держу.

И вдруг... Бац!

Вот так так! Слепень со всего маху в удочку врезался. Вон он, лежит в воде, лапками шевелит. Думает, наверное: эка меня

угораздило! Видать, и правда я слепень, раз врезаюсь в кого ни попадя.

И так за день по нескольку раз. Один слепень брякнется, второй, третий. И хочется им крикнуть: «Ну что вы, слепни что ли, удочку не видите?» Но я не кричу. И не потому, что они меня не поймут, а потому что знаю. Ведь слепни они и есть слепни!

ЖУК

Ползёт жук по веточке.

– Привет, жук!

– Привет.

– Скажи, а почему тебя жуком назвали?

– Наверное, потому что я жужжу.

– Это как же ты жужжишь? Ползёшь себе тихонько, тебя и не слышать совсем. Не то что жужжания, шороха от тебя не дождёшься.

Взял и ткнул его легонько пальцем.

Поднял жук свои блестящие чёрные крылья и вдруг... жжжжжж! Улетел.

А я сижу и думаю. А ведь и правда жук, раз так жужжит. Не был бы жуком, не жужжал бы. Жужжит, как жук! А он и так жук, раз жужжит. Летит и жужжит!

Вот так жук!

СЕДАЯ ЕЛЬ

Есть такая загадка: зимой и летом одним цветом. И отгадка всем знакома. Это ель.

И правда. Ель и летом зелёная, и зимой.

Но не тут-то было!

Вышел я на улицу и... ахнул!

Каждое дерево, каждый кустик, каждая травинка и веточка принарядились в снежные кристаллики. Застыли все такие пушистые и нарядные! Застыли и не шевелятся. Будто боятся: вот сейчас качнёмся и осыпется с нас вся эта снежная одёжка. И будем мы тогда невзрачными и голыми! Нет уж!

А я стою как вкопанный и люблюсь всей этой зимней красотой. Каждым деревом, каждым кустиком, каждой былинкой!

И вдруг...

Смотрю на высокую ель, что растёт возле нашего дома, и... не узнаю её! От самой ма-

кушки и до нижних ветвей дерево преобразилось. Густой иней, тот самый, что разрисовал всё вокруг снежными красками, обволок каждую иголочку нашей ели! И до того ель нарядная стала, лучше всякой новогодней ёлки.

А ведь иней совсем, оказывается, не синый, как поётся в знаменитой песне. На ели иней седой! И ель уже совсем не зелёная. Ель седая!

Стоит у дороги седая ель и всем своим видом показывает, что она ну никак не может быть зимой и летом одним цветом!

ОЛЬГА СТАРИНСКАЯ

СОСЕДЕЙ НЕ ВЫБИРАЮТ

Рассказ для детей

Мир нежился в тёплых лучах апрельского солнца, слизывающего с крыш остатки снега.

Развешивая повсюду хрустальные сосульки и новенькие скворечники, город готовился к прилёту птиц.

Дети то и дело выглядывали в окно и спрашивали: «Не прилетели?» И сколько было радости, когда за окном раздалось знакомое птичье пение.

Скворцы, облюбовав однажды участок и построенный для них домик, прижились и стали из года в год возвращаться на старое место. Мы ожидали их каждую весну, успев соскучиться по прекрасному вокалу, которым они одаривали окружающих.

В этом году в нашей округе должно было стать на одну пернатую пару больше.

Сосед дядя Толя построил новый скворечник и прибил его на высокую жердь вблизи от нашего огорода.

Мы всей семьей стали наблюдать, кто же поселится рядом с нашими скворцами и как скворчки примут новеньких.

Вселение прошло незаметно для нас. Просто однажды утром мы обнаружили на крыше нового скворечника красивую пер-

натую пару. Их чёрные перышки волшебным образом переливались на солнышке, а радостное пение говорило о том, что домик понравился.

Старые скворцы были настолько увлечены обустройством семейного гнезда, что не обратили никакого внимания на вновь прилетевших. С восходом солнца и до позднего вечера они таскали в своих крепких клювиках то соломку, то пёрышки, которые собирали в ближайших огородах.

Новосёлы же приступать к работе, похоже, не торопились. Они целыми днями пели песни либо передразнивали мяуканье котов, что у них очень забавно получалось.

Но время шло, приближалась пора откладывать яйца. И тут нам открылась страшная тайна: новый скворец оказался не просто лентяем, а ещё и воришкой. Он садился на растущую рядом с домом яблоню и наблюдал. Как только наш скворец улетал за строительным материалом, воришка-скворец тут же нырял в скворечник, набирал в клюв уже готовые пёрышки и уносил их в свой домик. Так продолжалось не один день. Мы пробовали отгонять от скворечника незваного гостя, но как только мы уходили, воришка возвращался и продолжал своё дело.

Следующей весной вороватые наши соседи вновь вернулись на облюбованное место. Их дурные привычки не изменились, по этим самым привычкам мы их и узнали. И вот тогда мне стало понятно, насколько верна пословица «соседей не выбирают».

КАРОЛИНА ЧИСТЯКОВА

Родилась в 1982 г. в Таре. Работает методистом в Объединении национальных культур «Дом дружбы». Публикуется впервые.

ЧЕРНИЧНЫЙ ТУМАН

– А Она всегда будет? – сонный детский шёпот прорезался сквозь густую тишину.

– Она вечная, не бойся! – послышался быстрый ответ.

– А спой песню, ту Песню. Спой, ну спой, пожалуйста.

И тихо и неспешно полились слова и звуки, сплетаясь в причудливую то ли песню, то ли заговор. От этой песни, казалось, преобразалось пространство, расцветали причудливые тени, воздух наполнялся всё новыми и новыми звуками и запахами. Это была Её песня. Песня творения. И маленькая девочка знала её наизусть.

– А откуда ты знаешь эту песню? – вновь начал разговор уже засыпающий мальчишка.

– Её здесь все знают. Это песня рождается вместе с нами. И умирает, когда уходим мы, – ответила так же спокойно девочка.

Темнело. Густая синева заполняла пространство, и, несмотря на то, что на небе начали появляться первые звезды, было ещё довольно темно.

– А звёзды тоже будут всегда? – продолжал свои расспросы неугомонный мальчик.

– Звёзды... Они рождаются каждую ночь и разлетаются, как только наступает утро. Это Её птенцы, сначала лопаются скорлупки и небо наполняется миллионами светящихся точек, они беспрестанно машут крыльями, пытаются научиться летать, а нам кажется, что свет разгорается всё ярче и ярче. К утру крылья малышей становятся крепкими и они улетают, но уже на следующую ночь рождаются новые!

– А куда они летят?

– По всеми миру, конечно. Они влетают в открытые окна или двери домов и приносят людям хорошие вести.

– А к нам они прилетят когда-нибудь?

– Конечно, прилетят. Конечно...

– Расскажи о Ней ещё. Обещаю, я больше не буду ничего спрашивать, ты только о Ней расскажи, и я усну.

Девочка сделала глубокий вдох, закрыла глаза, как будто пытаясь представить то, о чём сейчас пойдет рассказ, и начала.

Её никто никогда не видел, но если бы не было Её, не было бы и нас. Она огромная,

как небо. Днём Она живёт в глубине нашего леса, что начинается за краем деревни. Там Она поёт, и от этой Песни больные и старые звери оживают, травы набираются необычайной силы, а там, где падает её перо, рождаются цветы и ягоды. Ягоды эти лечат все болезни, а чай из цветов помогает вспомнить дорогу Домой. Если у нас наступает ночь, значит, Она, заслонив собой всё небо, кружит над нашей деревней. Её большие, цвета спелой черники, крылья накрывают собой всех, кому холодно или просто грустно...

– А нас Она тоже укрыла? – так и не успокаивался мальчик.

– А разве ты не почувствовал, как стало тепло и как запахло хвоей и пряными травами? – загадочно ответила девочка.

Она хотела было продолжить свой рассказ, но, посмотрев на мальчика, поняла, что он уснул. Поцеловав его в лоб, она достала откуда-то из черничного, окутавшего детей тумана маленький клубочек шерсти и веретено и принялась прясть, незаметно для себя напевая какую-то ещё одну песню. Лёгкий, почти невесомый, пропитанный лесными запахами то ли пух, то ли туман закручивался в плотную нить, клубок становился больше и больше, а вот туман, наоборот, рассеивался, и постепенно становилось светлее. Песня девочки затихла – она уснула, так и не выпустив клубок из рук.

Высоко-высоко, над старым покосившимся домиком с продырявленной в нескольких местах крышей кружила Птица. Неизвестно, почему Она так часто, почти каждую ночь, прилетала к этому дому. И почему Она так охраняла этих детей – любопытного мальчишка с ослепительно белой кожей и девочку, которая пела Её песни.

И уж совсем неясно, откуда приходили к вот этому мальчику и этой девочке сны о звёздных птенцах и небе. И отчего во сне девочка еле слышно шептала: «Птица, где наш дом»?

ЕВГЕНИЙ ЗАХАРОВ

Родился в 1980 г. в Таре. Работает фотокорреспондентом в районной газете «Тарское Прииртышье». Участник регионального литературного семинара поэзии и критики «ПарОм» (г. Тара). Стихотворения публиковались в коллективном сборнике «ПарОм» (Омск, 2013). В 2012 и 2013 гг. участвовал в ПарОме.

ВСТРЕЧА С САМИМ СОБОЙ

Он шёл по улице. Ветер с опустошающей душу интонацией дул в горлышко пивной бутылки. Шёл молча, поскольку разговаривать было не о чем и не с кем. Гул и шелест, гул и шелест, и овладевающее всем его существом чувство осознания всего, что происходило вокруг, словно ветер распылял его в суть мира. Он любил такие мгновения. Казалось, что мир с ним предельно откровенен. Тем не менее он шёл домой, несмотря на то, что хотелось идти и идти. Абсолютно бесцельно идти мимо дома. Хотелось сбежать от всего, к чему привык.

– Ну, здравствуй. Что, опять пришёл домой?

Было сложно ответить на вопрос, поскольку он не чувствовал себя дома, несмотря на то, что уже сидел на привычном ему диване и собирался приготовить чай.

– А как же просторы? А... впрочем, какая разница... чего молчишь?!

– Извини, мне хочется побыть одному, – ответил он.

– Вы посмотрите на него! Одному ему захотелось побыть! Ты по сторонам посмотри!

Не меня выражения лица, он медленно просканировал комнату взглядом, смотрящим не «на», а «сквозь».

– И что? Чего я здесь не видел?

– А то! Ты один! Или ты ждёшь, что я сейчас вырвусь из тебя, материализуюсь и убегу? Кретин! Ты же сам с собой разговариваешь.

– Я знаю. Меня это не смущает. Хочешь, я тебе имя придумаю? И, кстати, по поводу

разговоров с самим собой и кретина: я ведь то же самое могу сказать в твой адрес, ты же тоже со мной разговариваешь. Так что не «я разговариваю», а «мы беседуем». – Некая недоумевающая пауза позволила услышать закипающий чайник.

– Хм... Ладно... Таак... а что ты там насчёт имени сказал?

– «Северным» будешь? Или, может, пойдём чаю молча попьём, а потом уж и обсудим этот вопрос, согласен?

– Заманчиво, конечно... – в разговоре вновь образовалась пауза, но уже не от недоумения, а от нерешительности рождающейся мечты. – Про имя ты это здорово придумал. Согласен.

Он взял свою дежурную кружку и отправился на кухню наливать чай. Проходя мимо зеркала, они встретились взглядами, смотрящими «сквозь».

РЕБЁНОК 21-ГО ВЕКА

– Пап, а пап, что такое жажда жизни?

– Ну, это, к примеру, когда дядя врач скажет человеку, что тот сильно болен и скоро умрет, а человек ещё очень долго живёт и делает полезные дела. Вот, значит, у этого человека есть жажда жизни.

– Мне воспитательница сказала, если я буду есть невымытые яблоки, то заболею и умру, а я не заболел и ещё долго не умер. Значит, у меня есть жажда жизни?

– Конечно, есть, сына! Только яблоки невымытые есть всё равно не стоит.

– Почему? Я же смотрю! Они чистые!

– Да заразу можно подхватить, от которой понос будет.

– Фууу... поноооос! Это как у Насти? Мама уже такууую гору пеленок перестирала! А у Насти есть жажда жизни?

– Обязательно! У маленьких у всех жажда жизни самая сильная.

– Хорошоо, значит, Наська не умрет, а то у нее давнооооо уже понос.

– Нет, конечно! В нашей семье от поноса не умирают!

– Пап, пап! Можно в сталкера поиграть? Я там артефакт нашёл новый. «Жажда жизни» называется!

– А давай вместе, по сетке! Покажешь, где нашёл?

– Ура! Давай!

ТИМОФЕЙ

Однажды Тимофею приснилось, что зацвели акации, но цвели они в декабре, то есть второй раз в году. Пробуждение обрушило на него шквал разнообразнейших чувств и ощущений, общее значение которых было близко к слову «осторожно!». Что-что, а опасность Тимофей мог разглядеть за версту, в какое бы обличие она ни была одета.

– Тааак... – сказал он в пустоту и принялся сгребать венки и искусственные цветы в один угол, а из другого угла начал выгребать краски, кисти и мольберт.

Слово «мольберт» в голове Тимофея ассоциировалось с молитвой. Следовательно, и назначение самого мольберта было несколько иным. Он собирался молиться, а не рисовать, что вполне естественно означало для него – запой.

– Зелёный! Возьми зелёный! – кричал Тимофей, лёжа у мольберта на седьмой день запоя, причём уже четверо суток не принимая вертикального положения. Он перемещался из угла в угол строго на четвереньках и периодически вспоминал трактат какого-то учёного об экономической выгоде для государства от пошива дамских перчаток и сумочек из кожи чертей.

Иногда Тимофей понимал, что он конечный эгоист, прячущийся от нравучений родных в подвале бывшей детской библиотеки. В этом же подвале он прятал свою страсть к похоронным венкам, уединению и пьянству.

– Зелёный! – почему-то заплакал. – Зелёный...

Он вспомнил игрушку, подаренную в детстве дедом: жестяной пропеллер, который раскручивался на юрке от ниток и взлетал. Вспомнил, как спал с этой игрушкой, пряча её под подушку, и прекрасно понимал, что

рано или поздно дед умрёт. Дед! А потом он! Тимофей решил ползти в угол с венками, но угол с холодильником, в котором лежала водка, оказался ближе. Пока он открывал холодильник и с трудом извлекал из него очередную бутылку водки, в голову пришла мысль: «Как было бы символично умереть в углу с венками, сделанными собственными руками, не придавая значения тому, чью могилу они украсят».

– Э, неее! Я ещё подвиг не совершил! – смело заявил Тимофей и припал к уже распечатанной бутылке. – Я ещё встану!

После затяжного глотка, с постепенно приходящим умиротворением, он вновь пополз к мольберту. В тот момент, когда Тимофей взял зелёный, перекрытия старой библиотеки всё же решили рухнуть.

– Итак! Дамы и господа! Последний лот аукциона! Работа Тимофея Неизвестного «Молитва в зелени». Начальная цена N тысяч! N тысяч – раз, N тысяч два...

КТО ТЫ?

Иногда я люблю вспоминать. Вот и сегодня, дождавшись, когда все уснут, я потихоньку включил Clan Zu и... В груди сразу стало хорошо и трепетно. Чудесный выдался август. Вершина холма. Теплый ветер. Неразговорчивая радость с капелькой грусти... Бесскорбные похороны былого и рождение невероятно нового.

Я уверен, что каждый листочек, каждая травинка и воздух знают всё, о чём я думаю и что чувствую. Они знают, что мне нужно, и помогли остаться с тобой. Теперь ты – мой тёплый ветер, ты – моя травинка, ты – мой лес, чувствующий осень. Я помню, как безудержно бежал по склону холма, одновременно плакал и радовался от необычайного чувства единения с природой, от любви к тебе. Если смешать радость, спокойствие, фейерверк, грусть, фонтан, лёгкость, тёплый вечерний ветер, рассвет, слезу, танец, закат и ночь, то получится моё счастье, которое я испытываю благодаря тебе. Кто ты?

ВЕРНЫЙ. ПРОЩАЙ И ЗДРАВСТВУЙ

–Тише-тише.

Шептали деревья.

– Ты был, ты видел, ты помнишь. Тише-тише.

Ветви тянулись к лицу, пытались врасти в глаза, поднимали тело высоко над кронами, подставляя его первым лучам рассвета. Этим утром мох напоил его росой, а сосны доверили янтарные слёзы. Осталось дожидаться Ветра.

От мощного порыва макушки крон покорно склонились. Деревья стонали, выли, скрипели, но это не было просто гулом... это была песня – Ветер выбирал сердце. Сделав свой выбор, он обрушил всю мощь на одно дерево, сломав его пополам. Сосны-соседки с треском подхватили сорванную макушку избранницы, не давая ей упасть. Они пели прощальную песню своей сестре, держа её на своих ветвях, как язык колокола. Теперь Ветер успокаивающе нежно принялся раскачивать избранницу, задавая нужные амплитуду и ритм. Снова порыв... треск... И... Ствол висячей кроны глухо ударился о ствол одной из соседок – это был первый удар сердца. Я вдохнул.

По всем мышцам прокатилась судорожная, подбрасывающая тело волна. Вспышка. Яркая мгновенная вспышка, которую столь же мгновенно сменила тьма, продёргивая меня сквозь пустоту, – выдох. Ещё один порыв ветра. Ещё один глухой удар вдалеке. Ещё один вдох. Тьма уходила двумя пятнами из глаз и, неторопливо прячась в тенях чащи, намекала на возвращение.

Белый пёс, с искрящейся как снег шерстью, тыкался мокрым носом в ладонь и, словно соскучившись, безмолвно заглядывая в глаза, упрашивал погладить его.

– Я тоже соскучился по тебе, дружище... – Не сдержавшись, я крепко обнял пса и прижал к себе. – Давно мы с тобой не виделись. Можно, в этот раз я назову тебя Верный?

Пёс довольно замахал хвостом и, выскободившись из объятий, всем своим видом призывал прогуляться.

– Веди.

Мы побрели в сторону мерцающих, пробивающихся сквозь гущу деревьев лучей. Каждое движение Верного было пропитано грацией, изяществом, лёгкостью и тишиной. Он призывал меня идти быстрее, то убегая вперёд, то возвращаясь, с недоумением заглядывая в глаза, и с искрящимся азартом вновь устремлялся вперёд. Очарованный псом и заражённый его радостью, я постепенно ускорялся. Спустя мгновение, сам того не заметив, я уже стремительно бежал наравне с Верным, легко и играючи преодолевая лесные препятствия. Мы были одним целым. Я был белым искрящимся псом! Впереди показалась широкая полоса просвета, запахло полевыми цветами и травами, воздух становился теплее. Охваченный новыми ощущениями, я одним рывком преодолел последние метры леса и с грацией пантеры выпрыгнул в залитое солнцем поле. Приземлился, кубарем прокатившись по душистой траве. Остановился. Обернулся. Замер. Верный, рассыпаясь на миллиарды ярчайших искр, уже спокойно брёл по прямой мной траве. В его взгляде отчётливо читалось: «Мне пора».

Порыв ветра. Ещё два ритмичных глухих удара из глубины леса. Вдох.

ИДИ-ИДИ, БРАТ, Я ПОСВЕЧУ

Не знаю, сможете ли вы прочувствовать всю глубину, простоту и какую-то необъяснимую, не постесняюсь слова, высокодуховность рядового тарчанина, которую я сейчас попробую описать на примере одного из своих поздних вечеров осенне-зимнего периода.

Итак, погружайтесь. Двадцатые числа ноября. Обилие снега и темень. Метёт так, как не в каждый февраль мело. Дорожники не успевают чистить дороги, а пешеходы не успевают протаптывать тропинки. Я, неумолимо пьяный, возвращаюсь домой.

Бреду под впечатлением от немногословной беседы с одним из музыкантов, который хочет учить и учит тарских младших школь-

ников мастерству игры на духовых инструментах. Радуюсь тому, что не перевелись люди с ценным опытом и есть дети, которые перенимают этот опыт не из-под чьей-то палки, а по собственному желанию. Состояние настолько возвышенное и пьяное, что меня ничуть не смущают ни темень, ни сугробы, ни ветер и снег в харю, и даже безнадежная нетвёрдость собственной походки где-то далеко-далеко в стороне от испытываемой трогательной радости за людей. Иду, в общем, петляю... И вдруг сугробы узкой тёмной улочки посветлели, начали играть тенями, и ко мне стала, уменьшаясь, приближаться моя ожившая тень. Я прижался к обочине, понимая, что сзади приближается авто. Старался идти как можно ровнее, чтобы водитель мог не нервничая обогнать пьяного пешехода, но он всё не обгонял и не обгонял. Тогда я остановился и повернулся лицом к фарам, давая понять, мол, «проезжай». Вот в этот момент и случилось то, чего я никак не ожидал: из бокового окна высунулась голова водителя, и я услышал то, что уже ни когда не забуду: «Иди-иди, брат, я посвечу».

Может, кто-то и представит, что со мной творилось, пока я шёл каких-то сто метров под светом фар незнакомого автолюбителя, но у меня не найдётся слов, чтобы однозначно и точно передать непередаваемое. Скажу лишь, что я улыбался, слёзы текли ручьями, и я не мог и не хотел их останавливать, а в спину светил СВЕТ.

Илмир Колдашев

Родился в 1973 году в г. Андижан (Узбекистан). Руководитель физического воспитания Тарского медицинского колледжа. Стихи публиковались в периодических изданиях г. Тары, в коллективных сборниках «Ловцы слов» (Тара, 2002), «Студенческая весна» (Тара, 2008), «Вечера на Александровской» (Тара, 2011). Участник выездного семинара молодых литераторов при Союзе писателей России (Тара, 2010). Член литературного клуба «Вечера на Александровской».

* * *

Лишь звёзды нам расскажут о затонувших кораблях. Лишь они, случайные очевидцы, поведают о без вести пропавших и ушедших в никуда. Лишь ветра напоют о разбитых сердцах, превратившихся в прах, и душах, ушедших в вечный поход за счастьем. Лишь в романтических снах прочтём мы строки недописанных стихов и разорванных в клочья писем.

Судьба ведёт нас по жизненному пути, и всё увиденное – не случайно. Может, стоит приглядеться, прислушаться?

* * *

Закончилась зима, и вот уже третий месяц идёт наступление лета. Зелень начинает пробиваться к небу. С минарета мечети хорошо просматриваются ожившие от снега поля. Река на апрельском месяце.

По берегам реки Аркарки рыбаки играют с рыбами в молчанку.

Всё это дарит особое настроение, и, когда вечерний город погружается в таинственную тишину, кажется, постепенно умирает прошлое Вселенной.

А ранним утром, когда солнце пробьётся сквозь армию туч, по-восточному щедро даря своё тепло, станет ясно, что можно ещё улыбаться и жить.

* * *

Осень в городском парке – словно после выступления летнего оркестра, вся в ожидании разлёта уже ненужных, выброшенных нотных листов. Или пожухлых листьев? А ведь совсем недавно на узких аллеях гостило лето. В медленном вальсе цветов растворился, исчез куда-то пух тополей. Что же надо ей, этой осени печальных воспоминаний? Ждёт ли она нашего сочувствия?

Может, просто хочет указать на двух школьников, пригревшихся на скамейке в сигаретном дыму?

Спросишь у них что-нибудь, но с крашенных губ девушек слышится лишь: «пацаны...», «пацаны...». Эти школьницы – чья-то юность.

Полуденное солнце облило жаркими лучами волосы одиноко гуляющей молодой женщины, во взгляде которой видна тень обиды на несовершенный мир. И это тоже чья-то юность.

В другом краю парка послышался звон перебираемых пальцами струн. Это светловолосый юноша бережно касался гитары. Друзья подпевали ему, уловив знакомую мелодию.

Осенний парк, огороженный железной изгородью, прощался с нами, и мне вдруг захотелось увидеть его, наполненный людскими голосами и силуэтами, с высоты птичьего полёта. Не хотелось верить, что скоро холодные ветра со снегом поменяют полную светлой грусти и ностальгии картину, а зима затушит желтое пламя из листьев догорающего в осени парка.

ТАТЬЯНА СИНЯК

Родилась в 1993 году в п. Муромцево Омской области. Работает учителем иностранных языков. Стихотворения и проза публиковались в коллективных сборниках и периодических изданиях Тары и Омска. Участница II регионального литературного семинара поэзии и критики «ПарОм», лауреат регионального литературного фестиваля «Макаровская осень» в номинации «Лучший самодеятельный писатель» (Больше-речье, 2015), лауреат районного литературного конкурса «Проба пера» (Тара, 2015), финалистка Всероссийского литературного фестиваля «Хрустальный родник» (Орёл, 2016). Член литературного клуба «Вечера на Александровской».

НЕВЕЗУЧАЯ

Наталья ждала в гости свою старшую сестру Ольгу. Они не виделись уже давно. Последним поводом для встречи стали поминки по умершей матери да консультация у нотариуса. На улице моросил дождь, а двор за окном был серый, продрогший и жалкий, как бездомная кошка. В такую погоду может

захандрить кто угодно, поэтому Наталья радовалась визиту Ольги в надежде поболтать с ней о чем-нибудь и развеять скуку. Она вытащила из холодильника тортик, поставила его на стол и начала аккуратно снимать пластиковую крышку. Раздался сигнал домофона. Наталья метнулась в прихожую и торопливо взяла трубку.

– Оль, ты?.. Открываю.

В подъезде послышались шаги. Это Ольга поднималась в квартиру.

В большинстве семей братья и сестры имеют что-то общее друг с другом. Этим «общим» могут являться внешность, поведение, темперамент... И всё же бывают исключения. Вряд ли кто-нибудь из незнакомцев догадался бы о кровном родстве Ольги и Натальи – настолько они разнились во внешности и характерах. Наталье от природы достались два роскошных дара – лицо и фигура. С юности она очаровывала своими белокурыми локонами, волновала воображение парней женственными изгибами форм. Старшей же повезло гораздо меньше. Ольга была невысокая ростом, полноватая, с темными и жесткими, как проволока, волосами. Пожалуй, единственное, чем она могла похвастаться, так это глазами, большими и выразительными, черными, как ночь, делающими ее загадочной и таинственной.

По-разному сложились и судьбы сестёр. Бойкая смешливая Наталья недолго сидела в девках и вышла замуж за достойного молодого человека. Ольга развелась с мужем-пьяницей и одна воспитывала дочь, оставшись ютиться с ней в комнате малосемейки. Шли годы, и в жизни женщин, в особенности Ольги, мало что изменилось.

– Привет. Как добралась? Нормально? – спросила Наталья, и сестры обменялись поцелуями в щеки.

– Да. Вполне.

Ольга сняла с себя пальто фасона и расцветки «сольюсь с толпой», разулась, и её глаза невольно начали изучать новую обстановку в квартире. На мгновение Ольгу посетило чувство неловкости, будто она очутилась в доме у посторонних людей.

– Давненько ты к нам не навещала, – игриво сказала Наталья. – Вот только на днях ремонт закончили. Давно хотелось перемен, да так увлеклись, что поменяли всё! – залилась звонким хохотом. – Ты не представляешь, какой тут был погром. Мы с Колюней чуть не развелись на нервной почве.

Наталья могла бы и дальше рассказывать о ремонте, но её остановил уставший вид Ольги.

– Ой, вот дура! Что же я тебя держу на пороге? – опомнилась Наталья. – Проходи, заодно покажу тебе, как тут все у нас.

Квартира после ремонта казалась просторней, светлее, новее. Обстановка говорила о хорошем вкусе хозяйки и благосостоянии хозяина.

Последним пунктом в домашней экскурсии была кухня, где сестры расположились для общения.

– На работе дурдом! В отпуск хочу, – говорила Наталья, бережно опуская нож в рыхлое тело торта. – Достали эти бесконечные отчеты, авралы, пятое-десятое... – медленно вынимала лезвие, стараясь не размазать кремовые розочки. – Сижу в этом офисе как проклятая, с утра до ночи. Дома сил хватает только на ужин и сон, а утром всё сначала.

Ольга заметила, что дома нет Ильи – сына Натальи и Николая.

– Как Илюшка? – поинтересовалась она.

– Это наш умничка, – с удовольствием протянула Наталья. – Я так в свое время не училась! Куда мы его только не отдавали: на танцы, на акробатику, английский. А тут заявил недавно, что хочет заниматься хоккеем, представляешь? Ты же знаешь, с ним не соскучишься. Сейчас он с классом в Питере, некому нас веселить. Ну а ты-то сама как? – Наталья подвинулась поближе к сестре. – как Маринка?

– Маринка нормально. Целыми днями в институте. – Ольга на какое-то время замолчала. Потом посмотрела на сестру своими большими, грустными глазами. – Наташ, я к тебе с просьбой приехала. У меня проблемы.

– Боже мой. А что случилось? – наигранно удивилась Наталья.

– Ты можешь мне занять свою долю?

Полгода назад у Натальи и Ольги не стало родителей, и сестры продали дом в деревне. Вырученные деньги поделили поровну. Такая просьба явно шокировала Наталью. Она смущенно отвела взгляд в сторону, а над переносицей возникли две вертикальные морщинки. Наталья сидела, положив ногу на ногу и скрестив руки на груди. Ей хотелось завязаться в узел, свернуться клубком, как ёж, потому что она понятия не имела, что надо говорить в таких случаях.

– Оль, понимаешь, такие решения не принимаются сразу, – начала с трудом Наталья. – Тем более что у меня уже были планы на эти деньги: я хотела дело свое открыть, уже с нужными людьми связи наладила. Подожди, а почему тебе не...

Речь Натальи неожиданно прервалась отчаянным рыданием Ольги. Громкие грудные звуки казались раскатами грома среди ясного неба.

– Они... Они всё время мне звонят, – не унималась Ольга.

– Да кто, кто звонил тебе?

Минутой позже Наталья нетерпеливо вытрясала капли пустырника из пузырька в стакан с водой. Мятно-горький запах наполнил воздух, делая атмосферу более напряженной.

– А теперь расслабься и расскажи все подробно.

Ольга залпом выпила успокоительное, глубоко вздохнула и принялась рассказывать.

– Я взяла микрозайм. Один раз не смогла заплатить. Через несколько дней начали звонить коллекторы. Подняли бешеные проценты, говорят, что с каждой неделей сумма будет расти, если не заплачу сразу половину. – Лицо Ольги скривилось в горестной гримасе. – Но самые страшные слова были: «А ты за дочку свою не боишься?» Вчера с Маринкой заметили под окнами каких-то странных людей. У меня нет столько денег, ты – моя единственная надежда. Твой Коля все поймет, он не станет возмущаться, а я буду отдавать помаленьку.

– Подожди, давай подумаем обо всем

трезво и без истерик, – твердо начала Наталья. – Эти люди, что тебе звонят, – простые вымогатели. Понимаю, ситуация неприятная, но у них цель – тебя запугать, а ты уже расклеилась. У Колюни один знакомый в прокуратуре работает, я узнаю его номер и пришлю тебе. Мы этих козлов быстро на место поставим.

Все время, пока говорила Наталья, Ольга вытирала слезы и молчала. Она сминала в руках бумажную салфетку и думала о чем-то своем. Затем сказала:

– Я ведь матери перед её смертью поклялась, что моя половина Маринке на учебу пойдет.

– Господи, да что же ты у нас такая невезучая? – Наталья обняла сестру и начала гладить ее по густым, жестким волосам. – Все будет хорошо, что-нибудь придумаем, – напевно успокаивала. – Тебе отдохнуть просто надо вот и всё! – начала разглядывать Ольгу. – Вон и мешки какие у тебя под глазами. Давай, когда придет Колюня, я с ним поговорю, и мы вместе решим, что можно сделать. А сейчас я вызову тебе такси, ты поедешь домой и постарайся отдохнуть. Ладно?

Вечером Наталье позвонила племянница.

– Тётя Наташа, мама напилась таблеток, приезжайте скорее, мне страшно!

Наталья с мужем примчались после злополучного звонка. Врачи скорой помощи успели вовремя. Встревоженных родственников на пороге встретил высокий худощавый врач с непроницаемым лицом, отвёл Наталью в соседнюю комнату, где рыдала Марина, и попросил не мешать работе медиков. Наталья тут же принялась успокаивать девушку.

– Я нашла у неё это, – часто всхлипывая, племянница протянула скомканный листок бумаги.

Ровным, чуть дрожащим почерком, было написано предсмертное послание: «У меня не осталось сил. Я живу в страхе перед коллекторами. Они угрожают, звонят день

и ночь. Я не могу выплачивать огромные проценты по микрозайму. Так жить невыносимо. Прошу об одном – пусть сестра позаботится о моей дочери, пока та учится в университете. Прощайте».

Муж Натальи курил на лестничной клетке. Из квартиры вышел врач, прислонился к перилам, глубоко вздохнул и словно ответил на незаданный вопрос:

– В рубашке родилась! Еще немного, и не откачали бы. Сейчас в реанимацию повезем. За неделю уже третий суицид. Позавчера на вызов приезжали, соплячка одна уксус выпила, представляешь? Вот где мозги у людей? Теперь всю жизнь с трубкой в животе ходить будет.

Два дня спустя Наталья пришла в больницу навестить сестру.

– Там такая мегера дежурит! Говорит: «Без бахил не пущу». Пришлось идти в конец отделения за бахилами. Ну да ладно, смотри, что я тебе принесла, – суетливо раскладывала содержимое шуршащих пакетов на больничную тумбочку. – Здесь курица-гриль, котлеты, фрукты...

– Мне нельзя мясное, – вяло произнесла Ольга.

– Тогда фрукты ешь, сок пей. Тебе сил надо набираться.

Наталья присела на край свободной больничной койки.

– За Маринку не переживай, она пока у нас поживет. Колюня уже поговорил с кем надо, твоих бандитов ищут. Так что все будет хорошо. Прорвемся, – положила свою ладонь на слабую, прохладную ладонь Ольги. – А у меня новости, – оживилась Наталья. – У нас с арендой помещения уже все решилось, ремонт начали. Так что скорее поправляйся, и жду тебя в своем салоне. Слушай, а почему бы тебе на парикмахера не отучиться? Бросай свой магазин, иди ко мне работать. И зарплата у тебя будет больше.

Они еще какое-то время молчали. За окном выпал первый снег.

Константин Тигов

Родился в 1950 г. в с. Павлополь Новоазовского района Донецкой области. Работал учителем, журналистом, заведующим отделом культуры. Стихи и проза публиковались в периодических изданиях Омска, Ноябрьска, Новосибирска и т. д. Автор книги прозы «Байки Жоры Мариупольского» (Седельниково, 2015), сборника стихотворений «Капля росы» (Седельниково, 2015). Член литературного клуба «Вечера на Александровской».

БАЙКИ ЖОРЫ МАРИУПОЛЬСКОГО

ЧЕЛЮСТЬ

Если говорят, что от великого до смешного один шаг, то давайте так прямо со смешного и начнем, потому что в обратном направлении идти, оказывается, ой как далеко!

Капитан Свиногонов напился, я бы сказал, «до поросычьего визга», если бы это не звучало оскорбительно по отношению к его фамилии. Шел он по улице, буквально расталкивая дома. Улица вела вниз, к порту. А далее надо было по причалу – к пирсу, где пришвартованным стоял катерок с его корабля.

Настроение у капитана было скверное. Одно то, что спор продул в кабаке знакомому. Тот пять «балдометров» (граненый стакан) водки принял на грудь, а Свиногонов на четвертом скис. А другое – официантка Людка предпочла его тому же знакомому, что выиграл пари.

«Стареешь, брат, – подумал он про себя. – Раньше такого с тобой не бывало. А Людка тоже хороша!» – ворочал в замутненном алкоголем сознании свои переживания капитан.

И дело тут не в количестве «балдометров», а в качестве купюр, которые она успела разглядеть у него в бумажнике. Ремонт – вот и остались моряки без «прикупа». А если бы он из плавания вернулся! Как раньше бывало. Разве б он на Люське остановился?! Закурив у причала, он вспомнил эту ехидну Люську.

– А рожа-то, рожа! Феллини бы дорого дал – готовый типаж для фильмов ужаса. Да и Спилберг не поскупился бы, и еще на компьютерной графике сэкономил бы!

Кинув с причала окурок в набежавшую волну, Свиногонов презрительно плюнул и... Начисто выплюнул вставную челюсть! А там у него золота – на тучу баксов в виде зубов напихано.

Пьянь как рукой сняло. А в порту-то глубоко возле пирса. Побежал к водолазам: «Мужики, выручайте, в долгу не останусь!»

– Ладно. С тебя по бутылку на рыло.

– Об чем разговор!

Водолазы надели свои водолазные костюмы и начали шуровать возле пирса. А в это время фотокор из газеты «Приазовский рабочий» возвращался с задания. Видит, мужики суетятся. Чем, мол, занимаетесь? А тем неловко капитана подставлять, отвечают, что ценный груз затонул. Сам капитан командует операцией. Фотокор давай щелкать, записывать фамилии. «Чем увлекаетесь в редкие минуты отдыха, то, се, пятое, десятое»...

Свиногонов заплетающимся языком отвечает как положено: «Музыкой, мол, и живописью...»

«А почему так поздно на работе?» – «Шторм, говорят, надвигается, поэтому спешим».

Назавтра – передовая в газете. «Трое против шторма» называется. Весь героизм нашего доблестного флота «с времен очковских и покоренья Крыма» в ней описан. И нетрезвая морда Свиногонова (без челюсти) – на полполосы!

А какой, спрашивается, шторм в акватории порта?

Но этим дело не кончилось.

Водолазы челюсть-то нашли. Капитан выставил водку. Кирнули как полагается. Начал пьяный обладатель дорогой челюсти всем ее показывать. Сначала знакомые подходили: Люська, официанты, музыканты, работники кухни, даже швейцар полюбпытствовал. А потом челюсть просто по столикам пошла.

Водолазы с капитаном уже шестую бутылку приговаривали, а когда хватились – челюсти-то и нету! Сперли челюсть с золотыми зубами!

Свиногонов кричит:

«Верните, гады!»

А кто ж ее вернет? Тут уже ни менты, ни водолазы не помогут!

МЕТОД «НОГИ, МОИ НОГИ»

Это сейчас мотоциклы вышли из массового пользования. А в шестидесятые-семидесятые годы даже велосипед служил показателем достатка семьи, не говоря уже о мопедах, мотоциклах и тем более машинах. А сколько интересных историй связано с нашим двухколесным другом!

Оставим в стороне профессиональных байкеров и мотогонщиков, будем иметь в виду широкий круг мотолюбителей. У Жоринаго папаша в разное время каких только «железных мустангов» не перебывало! Сначала был «козелок», потом пошли «кировец», «ява», «ямаха», «панония», «ижак», «ирбит» и наконец К-750 и БМВ с люлькой.

С восьми лет Жора подпрыгивал на заднем сидении, крепко обхватив отца за талию. Касок тогда не требовалось, а про фуражку ему всегда напоминали. Вы думаете, для здоровья? Не совсем. Впрочем, мотоциклетную науку постигать пришлось постепенно.

Первый урок интеллектуальной глубиной не отличался. Просто встречный мотоциклист построил и показал Жоре какую-то конфигурацию из трех пальцев. Жора на тот момент знал только одну такую конфигурацию, она была обидной. Поэтому он очень энергично ответил обидчику не менее известным жестом. Таким жестом хвастливый рыбак обычно показывает, что поймал рыбу величиной по локоть. Отец, наблюдавший в зеркало заднего вида, действия сына не одобрил. Оказалось, что «конфигурация» – это не совсем то, что Жора подумал. Комбинация из трех пальцев на языке жестов у мо-

тоциклистов означала в данном случае, что впереди – «крючок». То есть, впереди стояли гаишники. Благодаря предупреждению отец с сыном их на этот раз благополучно избежали. Объехали место, где «паслись» гаишники, по грунтовой дороге. Предупрежден – значит вооружен!

Другой раз Жора с отцом ехали вечером без света, а впереди маячил самосвал. Они его догоняли. А самосвальщик взял и высыпал прямо посреди дороги кучу песка, которая по цвету сливалась с грунтовкой, и они на мотоцикле заметили ее в самый последний момент. Скорость была под сотню, поэтому в оставшееся мгновение отец только и успел рвануть руль, как штурвал самолета, на себя, и мотоцикл пошел на взлет. Седоков развернуло на заднем колесе, и, по всем законам физики, увлекаемый центробежной (или центростремительной?) силой Жора полетел по касательной в ближайшие заросли кукурузы.

Отец руль из рук не выпустил, но сам не мог вылезти из-под мотоцикла. Раскаленная выхлопная труба жгла ему ногу, и он орал, перекрикивая ревущий двигатель.

Подскочив, Жора каким-то чудом в одно мгновение успокоил обоих: и папашу, и его ревущего двухколесного друга. До сих пор удивительно, откуда у подростка взялись силы в одну секунду поставить тяжелый мотоцикл на колеса.

Потом они долго искали ключ от зажигания. Перерыли чуть ли не всю кучу песка.

Наконец батя вспомнил, что иногда вместо ключа вставляют в замок зажигания три спички и таким нехитрым способом заводят мотоцикл.

С этого момента и Жора научился угонять мотоцикл тремя спичками. А ключ от зажигания нашелся в кармане Жориной фуфайки, куда он его сунул впопыхах, выдернув его и заглушив таким образом ревущий мотоцикл.

Теперь пришел черед рассказать про фуражку. Помните, в самом начале я сказал, что Жора надевал ее не потому, что боялся простудиться. Она была нужна для других целей.

Едут они как-то с отцом домой, и у них – последний трояк в кармане. Есть охота, и бензин на нуле. Но решили все же дотянуть до дома. А тут, как назло, гаишник стоит на дороге. Отберет, зараза, последнюю трёшку! Техосмотр-то опять не пройден.

Останавливает. Отец отправляет Гошу в столовую, подальше от «чудес дипломатии». А в столовой – запахи борща с молодой зеленью и картошечкой, сметанка в граненых стаканах... Жрать захотелось – прямо сил никаких!

Батя тоже зашел в столовую. Невеселый – не сработала, видать, народная дипломатия.

– Не берет трояк чертяка, пятерку требует! А где я ему пятерку возьму?

Запахи на батю тоже, видать, сильно подействовали. Вот он и говорит сыну:

– А, была не была! Заказывай поесть, только так рассчитай, чтобы рубль бумажный остался.

В те времена на рубль можно было поесть «от пуза». Подкрепились они тогда отменно. Отдал Георгий родителю рубль сдачи. Он этот рубль скомкал, зажал в кулаке – и снова к менту поганому.

Специально выбрал момент, когда мент с другим водителем разбирался. Подрулили они с батей к менту за документами, вроде как «одумались», протягивает батя зажатый в кулаке рубль, как будто там уже приготовленная пятерка. Гаишник при свидетелях не станет же проверять, что ему там подсовывают. Принимает скомканный рубль, отдает документы. Батя толкает Жору локтем в бок. Тот наклоняется и отработанным движением натягивает свою фуражку на номер мотоцикла. Пока гаишник приходит в чувство, они благополучно проскакивают мимо него. Рассмотрев скомканный рубль, он только кулаком погрозил им вслед!

– Ну вот, не хотел трояк брать, довольствуйся рубчиком!

Весело ездить с отцом, особенно на сытый желудок! А свой цирковой номер с фуражкой они ещё не раз применяли на практике.

ОСВАИВАЯ НОВЫЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ

Нанялся Жора к одному частнику колодец копать. Дело происходило все в тех же окрестностях Азовского моря, где вода чаще всего соленая или горькая. Чтобы найти хорошую питьевую воду, приходится рыть глубоко и в самых неподходящих местах. Пять метров копают, десять, двенадцать... Месяц копают без техники. Хозяин уже изрядно поистратился: кормит, поит работников, бетонные кольца купил для укладки, а воды все нет.

Вдруг на пути попадает скала. Долбили ее, долбили вручную – увы! Вся работа окончательно стала. Скалу не обойти, только бурить или взрывать надо. Уже думали к шахтерам или дорожникам обратиться. Но хозяин жадный, захотел сэкономить. Тут вспомнили, что у одного тамошнего соседа гранаты есть. Вы спросите, откуда? Так по тем краям война туда и обратно не один раз прокатилась. И Гражданская, и Отечественная. В каждом дворе что-нибудь да найдется для самообороны. Вот и сосед копал подвал – откопал гранаты. Девять штук. Жора впервые видел такие в натуральную величину: увесистые, здоровые, с длинной ручкой, взрыватель рассчитан на девять секунд, пацаны проверяли! Говорят, польские, со времен Великой Отечественной. Хорошо, что не с Первой мировой!

Спецы из местных присоветовали выдолбить углубление в скале, заложить туда пять-шесть гранат и зацементировать их для верности. Взрыв получится направленным. Всей своей силой ударит вниз и разобьет скалу. К детонатору подвели электричество, чтоб привести боеприпасы в действие на безопасном расстоянии. Всё по уму, всё по науке, всё по логике вещей... Только скала-то об этом не знала. И вообще оказалась тупой и крепкой!

Короче, когда рвануло, содрогнулись все близлежащие села: Раздольное, Гуляй Поле, Пологи и даже хутор Веселый. Жители города Запорожья наблюдали гриб на горизонте, как над Хиросимой и Нагасаки. Когда дым

рассеялся и подрывники потянулись из укрытия, неуверенно отыскивая место, где должен быть колодец, то обнаружили неглубокую, но очень широкую воронку, приваленную бревнами и досками от ближайших сараев. В то время как на месте былых добротных построек оставались только фундаменты. Вся живность с диким визгом и воем из деревни умчалась в лесопосадки. Хозяева долго звали по кличкам своих питомцев обратно. Но они, контуженные, увы, ничего уже не слышали! Говорят, до сих пор в тех краях попадаются мутанты, доселе науке неизвестные.

Да что там животные, даже жены с детьми сбежали от наших копателей, чтобы в другой раз не быть взорванными вместе с постройками. Вот как трудно достается вода в тех краях и что приходится терпеть Жоре, осваивая все новые и новые нужные человечеству профессии!

МАХНУЛ НЕ ГЛЯДЯ

Однажды Жора в сильном подпитии после душевной вечеринки с друзьями собрался ехать домой на машине, за рулем. Как его ни отговаривали – бесполезно!

Выезжает он, значит, на трассу, включает автопилот и едет. Ну, естественно, его где-то там, на полдороге, останавливают ребята-гибэдэдэшники. Поскольку время было уже довольно позднее, останавливать практически было некого.

– Ваши документики?!

Жора выползает из машины, достает права...

– О, да вы пьяны, батенька!

И тут позади наших общих друзей – гибэдэдэшников визжат тормоза и случается просто жуткая авария!

– Обождите!!!

Менты оставляют Жору без присмотра и бегут к месту происшествия.

Жора ждал, ждал... Надоело! Он сел в машину и уехал.

Приезжает домой и жене строго-настроено наказывает: «Если придут менты, я весь

день был дома, никуда не выходил: болею гриппом!»

Высказался и уснул сном праведника.

Часа через полтора – звонок в дверь. Жена открывает, а на пороге – родная милиция!

– Такой-то, такой-то тут проживает?

– Ну да, а в чём дело?

– А он сейчас дома?

– Он весь день дома, у него грипп, он болеет.

– А где он машину ставит?

– У нас гараж возле дома.

– Пойдёмте, посмотрим.

– Ну, пойдёмте.

Подходят они, значит, к гаражу, открывают. И что вы думаете?

А в гараже – гаишная «шестёрка» с мигалками!!!

ЧУДИКИ

Чего людям надо? Жить, что ли, скучно? Или блажь какая находит? Эх, загадка – человек для самого себя. Нет ему ни сна, ни покоя. И плюет он на рассудок и благоразумие!

Где-то вычитал, будто интересно рот наш устроен: внутрь электролампочку засунешь, а назад не вытащишь. Надо ж проверить! Хватит лампочку из комода – и в рот. Вошла! А назад? Точно, застряла!

Тебя ж предупреждали. Факт. Не соврали? Вроде нет. Теперь глянь на себя в зеркало – смех один: щеки раздуло, глаза провалились, уши оттопырились, а изо рта патрон торчит. Стоит это чучело перед зеркалом, носом сопит, думает, что ему дальше делать. Ни ругнуться теперь, ни со смеху прыснуть. А тут еще – звонок в дверь – приятель пришел. Он, конечно, с порога ржет, чуть не кубарем по полу катается, а не догадывается, что если бы не удивительное устройство моего рта на этот момент, с такой бы силой плюнул ему этой самой лампочкой в лоб, что убил бы его на месте! Отсмеявшись наконец, друг понимает, что мне нужна врачебная помощь, и собирается сопровождать меня в больницу. Его

шутку насчет намордника или противогАЗа ты, конечно, молча сносишь: ответить-то все равно нечем – уже давно и челюсть свело.

Выходите в подъезд. На удивленного соседа можно, конечно, и свысока посмотреть, мол, знай наших! А чего ему объяснять, и так всё понятно. Лишь бы приятель твой снова не заржал. Сосед, разумеется, повис от смеха на перилах, отдышаться не может. Дальше – больше. На улице народу-то, народу... Словно кто нарочно оповестил: только на тебя и смотрят. Быстрей в такси – и ходу! Черт с ним, с водителем, тут уж никуда не денешься, лишь бы он не забывал иногда на дорогу поглядывать. И не надо демонстративно отворачиваться к окну, вид у тебя всё равно глупый, а в профиль ты такое же недо-разумение господне, что и в анфас.

В больнице народ более сдержанный, да и сострадание – часть их профессии: стараются улыбаться в сторону. Кто не выдерживает – шаст из кабинета и визжат в коридоре. Бог с ними!

Вот хирург действительно молоток, где-то что-то нажал, за ушами треснуло. В мозгу в это время другая лампочка вспыхнула, а первая – пожалте! – у него в руках! Быстренько забинтовали, как Шарикова; нижнюю челюсть головы к верхней подвязали, чтоб не потерял, – и будь здоров! На прощание только не удержался экскулап и серьезно так порекомендовал с люстрами и лампами дневного освещения не экспериментировать. И на том спасибо

Скорее домой. В такси, конечно. Водила разговорчивый, любознательный попался, поинтересовался, почему челюсть подвязана, что за травма такая? Дружок, естественно, отвел душу, снова расписал все в самых ярких красках. Гогочут.

Подъехали к дому. Расплатились, вышли из машины. Обернулся я – глядь, а водитель открывает бардачок, достает оттуда лампочку и аккуратно так засовывает ее в рот. Раз – примите наши поздравления! Я столбенею. Дружок на карачках буквально уползает в подъезд. Там с ним даже может случиться худо. Опасения мои не напрасны: два снаря-

да в одну воронку – такое не часто увидишь! Я молча гляжу на шофера, шофер (тоже, естественно, молча) смотрит на меня. И мы друг друга прекрасно понимаем буквально без слов.

В следующую секунду, постучав себя по голове (что тоже, в принципе, логично) он дает газу. «Езжай, дорогой!» – чуть не маша ему ручкой вослед, думаете вы. Ты хоть на колесах, да и куда ехать, теперь знаешь, только что нас там подбирал. Интересно, что доктор ему посоветует? А может, и сам попробует?!

АЛЕКСАНДР ТИХОНОВ

ПОЛНЫЙ НАЗАД

Когда-то давно разгневанное Баренцево море выплюнуло из штормовой круговерти этот довольно крупный корабль. В видах морских судов ни Лёнька, ни Олег не разбирались, поэтому без зазрения совести величали безымянную ржавую махину кораблём. Гигантская туша была буквально нанизана правым бортом на скалу, а левым черпала холодную северную воду. Именно поэтому пол во внутренних помещениях оказался на-кренён, а в некоторых из них и вовсе неславахту пугающе чёрная жижа, на поверхности которой плавали кусочки гнилой древесины и крохотные водоросли. Вода плескалась в каютах, текла с палубы в трюм через зияющий пролом, лилась с неба нескончаемым дождём...

* * *

– У меня в сапогах хлюпает, – шмыгая носом, пожаловался Лёнька, – простыл, мля.

Он перекинул ремень фонаря через плечо и ухватился обеими руками за одну из ручек ящика.

– Кончай ныть, сопляк! – огрызнулся терпящий терпение Олег. – Давай подымать. Лечиться завтра будем.

Схватился за ручку с противоположного торца и скомандовал:

– Взяли...

Парни разом потянули вверх, но ящик остался в мутной воде, будто огромный утёс, непоколебимо сносящий жалкие попытки сдвинуть его с места.

– Килограмм двести, – констатировал Олег.

– Ну да, – Лёнька оценивающе постучал сапогом по выступающим из воды стенкам. Зелёный бок ящика отозвался глухим гудением. – Если бы не вода, можно было... Хотя, если зацепить верёвку.

– Нет верёвки, – сказал, как отрезал, Олег и тут же добавил, признавая правоту друга: – А без неё не вытянуть. Надо вскрывать и всё, что внутри есть, постепенно поднимать. По-свети-ка сюда...

* * *

В конце июля девяносто шестого заказчик высмотрел в одном из баров Мурманска полупьяного Олега, по прозвищу Мутный, подсел к нему, заговорил. Когда выяснилось, что парень несколько месяцев назад пришел из армии, а на работу так и не устроился, предложил «неплохо заработать». Нужно было всего-то отыскать на побережье какое-то ржавое судно, достать из его трюма два металлических контейнера и переправить их на берег. Проще только пить не просыхая. Тем более заказчик заверил парня, что милиция в тех краях не рыщет и проблем с законом не будет.

Напарника Олег нашел быстро – позвонил другу детства Лёньке Зубову, который скрывался от армии в одном из посёлков на побережье, перебиваясь случайными заработками. На двоих заказчик пообещал заплатить парням пятьдесят миллионов рублей. Капитал, по разумению Мутного, немалый, особенно в селе, да в наше мутное время, когда Ельцин вот-вот развалит страну и русские люди пойдут по миру с протянутой ладонью...

* * *

– Может, ножом попробовать? – Лёнька беспокойно маячил за спиной товарища. По

ржавым, покрытым конденсатом стенам метался запыленный луч фонаря.

– Хлебрезку завали и свети, – зло бросил Олег, склонившийся над гробоподобным металлическим ящиком. – Твою мать... тут чё, запаяно? Да ё... Ленин, свети сюда!

Лёнька послушно направил фонарь на ящик, чем-то неуловимо напомнивший ему советский холодильник – такой же монструозный, с хищно очерченными гранями.

– Ножом... – подал голос Олег после нескольких секунд пристального разглядывания, – не получится ножом. Надо монтировкой поддеть. В лодке должна быть...

Он запрокинул голову, всмотрелся в тусклое, почти чёрное ночное небо, заглядывающее в трюм корабля через раскуроченную палубу.

– Дождь кончился... Заметил?

– Ага, – не сразу отреагировал Лёнька. – Да тут и без дождя сырость. Как открывать-то будем?

* * *

Плыть условились в ночь на первое августа. Середина рабочей недели – во всех смыслах лучшее время. На закате от неприметного рыбацкого мостка отчалила моторная лодка с единственным пассажиром. В посёлке его видели немногие, особые приметы не назвал бы практически никто. Возраст – чуть за пятьдесят, волосы коротко стрижены, тронуты сединой. Дорогие на вид, недобро поблёскивающие металлом оправы очки. Ещё, пожалуй, отметили бы впалые щёки и острый подбородок. Человек в лодке был одет в тёмную водолазку, светлую ветровку и джинсы. В крупном городе ему хватило бы пары секунд, чтобы раствориться в толпе таких же людей в ветровках и джинсах. В посёлке это было куда сложнее, но и здесь незнакомца отчего-то принимали за своего.

У старой метеостанции, кирпичная коробушка которой давно рассыпалась и поросла мхом, в лодку запрыгнули ещё двое – одетый в шерстяной свитер с высоким горлом и плотные штаны Олег и Лёня в чёрной

вязаной шапочке, комбинезоне защитной расцветки и явно великоватых сапогах. На фоне крепкого, скупого в движениях Олега этот низкорослый, юркий паренёк выглядел комично.

– Ну, ты ваще красавца, – шмыгнув носом, одобрительно заметил Лёнька, – где такое шмотьё тиснул?

– От деда осталось. Он во время войны на Балтике служил...

– А я отцовскую одежду взял. Он в ней на рыбалку мотается. Куртку там, штаны, шапку...

– Фонарь взял?

– И фонарь...

Парни не задумывались о том, что может храниться в загадочных ящиках, за доставку которых заказчик готов заплатить по двадцать пять миллионов каждому. Не пытались понять и то, как умудрились охотники за металлом проглядеть корабль, валяющийся на берегу недалеко от посёлка. В лицо хлестал прохладный ветер, ревела моторами лодка, которую заказчик настырно именовал катером, а впереди ждал заработок. Лёнька, которому надоело жить с родителями и бояться армии, а в месте с ней – чеченской мясорубки, мечтал вырваться в Мурманск или дальше, в Москву. Заказчик намекнул ему, что если в сегодняшней вылазке Лёнька проявит себя хорошо, тот попытается пристроить парня охранником в свою столичную фирму. И Лёнька поверил – дьявольски убедителен оказался заказчик. Дорогая лодка, хорошая одежда и поблёскивающая в закатных сумерках оправа очков действовали на парня гипнотически.

Олег думал об ином – вспоминал военную службу, боязнь оказаться на Кавказе, ощущение эйфории, когда сошел с поезда в дембельском облачении. Тогда, полгода назад, в феврале девяносто шестого, для него должна была начаться совсем иная жизнь. Девушки – толпами, пиво – бочками, работа – в радость. И каждый день – праздник, праздник, праздник... Когда в беспробудную пьянку ворвался заказчик, Олег готов был молиться на этого человека. Заказчик...

Он просил не называть имён, и Олег охотно принял такую конспирацию. Мужик в очках – заказчик (а за глаза – очкарик), ржавая посуда – корабль. Излишние сложности ни к чему. Главное, их с Лёнькой ждало настоящее дело. Морской ветер выдует из мозгов остатки глупости, позабудется приклеившееся ещё в школьные годы прозвище Мутный, и всё начнётся заново...

* * *

– Очкарик сказал, не портить сундук, – боязливо напомнил Лёнька. Ссориться с будущим работодателем ему совсем не хотелось, но ещё меньше хотелось навлечь на себя гнев Олега. Мутный мог и по морде настучать.

– Ну, что там? – Видимо, заказчика насторожил их бубнёж, и тот решил проверить, как идёт работа. Наверху, заслоняя пролом, возник чёрный силуэт человека.

– Мы ящик нашли, – запрокинув голову, сообщил Олег.

На палубе какое-то время было тихо, потом заказчик произнёс:

– Ну, так вытягивайте. Олежа, мы же договорились.

– Нам вдвоём не поднять... – прогнусавил Лёнька, – тяжелый.

– А мне что прикажешь делать? К вам лезть?

– Ну и залез бы... – буркнул Лёня, но так тихо, чтобы заказчик не услышал.

– Можно его вскрыть, – выкрикнул Олег, – и поднять содержимое по частям. Иначе никак. Если бы нас было человек шесть да ещё верёвка, то подняли бы. А так –дохлый номер.

Заказчик с минуту молчал. Начинало казаться, что ему всё меньше нравится происходящее и, если что-нибудь в очередной раз пойдёт не так, он наплюёт на договор и ни копейки не заплатит.

– Так вскр-р-рывайте, – раздраженно зарычал он.

– Он, сука, крепкий, – подал голос Лёнька. – Запаян. Мы его шас монтировкой того...

– Ящик не может быть запаян. Он открывается.

– А мы слепошарые, да, дядя? – спокойно, с вызовом проговорил Олег, отчего Лёньке стало не по себе – всё, можно проститься с денежками. Заказчик после такого оскорбительного обращения их без копейки оставит.

– Он не запаян. Там сбоку, – со слабо скрываемым раздражением принялся объяснять очкарик, – должно быть отверстие под ключ. Нашли?

Лёнька направил луч фонаря на ящик, а Олег принялся осматривать стенки чудосундука. Несколько минут без толку оглядывал находку, шепча себе под нос какие-то ругательства. Наконец вытащил из кармана нож и аккуратно поддел кончиком лезвия едва видимую заглушку на боковой стороне крышки. Та сдвинулась, и стало видно узкую щелку замочной скважины.

И всё стихло: их торопливые шаги по залитому водой полу, тяжелое сопение Лёньки, хриплые ругательства Олега. Лишь булькала где-то в потрохах старого корабля вода и доносились снаружи далёкие, едва различимые раскаты прибойных волн.

– Нашли? – вновь долетел сверху голос заказчика.

– Да, – рявкнул Олег, которого навалившаяся тишина пугала куда сильнее, чем ржавый корабль, мрачный заказчик и ящик, напоминающий цинковый гроб, вместе взятые.

– Поищите ключ. Он должен быть в каюте старпома. С брелоком в форме шара.

– Где это?

– Вы сейчас находитесь в трюме. Поднимитесь на нижнюю палубу. Это... этажом выше, там каюты экипажа. Пусть Леонид сходит, поищет.

Услышав это, Лёнька обратил к напарнику бледное, вытянутое лицо и яростно замотал головой:

– Не-не-не, Мутный... Мне стрёмно ваще. Я не пойду никуда один.

– Не ссы, Ленин. Здесь и без того сыро, – подбодрил его Олег. – Вместе пойдём. Ща найдём этот ключ, отопрём сундук...

– Ага, достанем утку, потом зайца, а потом иглу, – всё так же невесело пробубнил Лёня.

– Достанем что достанем. Хватит причитывать.

Лестница, ведущая из трюма на нижнюю палубу, проржавела настолько, что ступени начали крошиться под ногами, когда Олег попытался взобраться наверх. Пришлось держаться за поручни, подтягиваться, будто на турнике, и уже потом закидывать тело на стальную пластину лестничного пролёта. Для неподготовленного Лёньки такие выкрутасы оказались едва выполнимы. Забираться в рассечённый скалой трюм, прыгая по камням, было куда проще.

Втянув Лёньку на палубный этаж за ворот отчаянно трещащей по швам куртки, Олег огляделся. Они, как и говорил заказчик, оказались на нижней палубе – прямо от лестницы брал начало длинный, узкий коридор, по обе стороны которого обнаружили двери кают.

– Четыре, шесть, восемь... – принялся считать парень, но голос Лёньки сбил его с мысли.

– Слышь, Мутный... получается, под нами трюм, а сверху – палуба, – откашливаясь после подъёма, заговорил Лёнька. – Во махина была!

– «Титаник», Ленин, настоящий «Титаник». Давай ключ искать.

Олег дёрнул дверь первой каюты справа. Та не поддавалась. Попробовал левую – то же самое. Когда две следующих двери также не захотели отпираться, Олег вернулся к началу коридора и саданул плечом в одну из хлипких фанерных переборок, которая тут же слетела с петель.

Зрелище, представшее перед парнями, было жутковатым – когда-то каюта представляла собой довольно уютное помещение, обшитое изнутри листами ДСП и ДВП. От сырости и времени панели выгнуло, покорежило. Шляпки саморезов, на которые те крепились, заржавели и обросли грязно-бурыми потёками. Пол был усеян гнилыми древесными волокнами. Вкупе с заметным креном пола каюта смотрелась словно декорация из фильма ужасов.

Олег вошел в помещение первым, присел

на корточки, на мгновение заслонив луч фонаря, зажато в трясущихся руках напарника. Как ни странно, за окном было заметно светлее, чем в помещении. Относительно тёплая и ясная августовская ночь слепо тыкалась в круглый глазок иллюминатора, а из чрева корабля на неё смотрела густая, вязкая тьма. И августовской ночи делалось жутко, прибрежные скалы трясло в ознобе, когда в них ударяла очередная вспененная волна.

– Мутный, чё там?

Олег сдвинулся в сторону, пропуская Лёньку в каюту.

– Чё-то нашел?

Парень молча протянул напарнику тронутый ржавчиной револьвер.

– С патронами? – ни к кому не обращаясь буркнул Лёнька, откинул барабан и расстроено хмыкнул. – Пусто. Может, пошарим там?

Он ткнул стволом револьвера в сторону разбухшего от сырости шкафа.

– Можно.

По наклонному полу Олег аккуратно приблизился к шкафу, стоящему в дальнем углу каюты, попутно выглянув в грязный иллюминатор. Потянул на себя одну из створок и вдруг изменился в лице, застыл, точно гипсовое изваяние, глядя в разверстую пасть шкафа.

– Чё там? – Лёнька, казалось, забыл о только что найденном пистолете. Едва не поскользнувшись на забирающем кверху полу, он подскочил к Олегу. Заглянул в шкаф и с воплем отшатнулся от него. Кубарем покатился к двери каюты, по пути приложившись плечом о выступающий край стола.

– Там трупешник, Мутный! Трупешник!

Олег продолжал молча смотреть в полутёмное нутро шкафа, не обращая внимания на трепыхания напарника. Наконец Лёньке удалось встать на ноги. Мокрый, грязный, в сбившейся на затылок шапке он снова шагнул к шкафу.

Мертвец сидел, прислонившись плечом к боковой стенке. Длинные спутанные волосы закрывали лицо покойника, да оно и к лучшему, потому что от вида одной толь-

ко выступающей нижней челюсти по спине пробегал холодок. Серо-коричневая кость – поблекшие, но всё же идеально здоровые зубы.

– Дай фонарь, – едва слышно попросил Олег.

Лёнька молча сдёрнул с шеи ремень фонаря и протянул громоздкий полупрожектор напарнику. Успел заметить, что стекло треснуло, наверное, в момент падения. Всё, теперь отец точно пришибёт его. Фонарь батя покупал в городе, специально ездил за ним в магазин и радовался, как ребёнок, столь удачному приобретению. А теперь ночная рыбалка накрылась. Да какая, к чертям, рыбалка, когда в метре от тебя труп!

Пучок света выстрелил из стеклянного ока фонаря, озарив покойника, точнее покойницу, целиком. Скелет оказался обряжен в длиннополое платье, из-под которого торчали полуистлевшие колготки. Когда-то белые, а теперь грязно-серые.

– Как она не рассыпалась, – забубнил Олег и потянулся к страшной находке.

– Ты чё творишь, Мутный?! – задохнулся от ужаса Лёнька.

– Вот сюда. Посмотри. На дверце...

Дверка шкафа с протяжным скрипом качнулась, и Лёнька разглядел на внутренней её стороне странные царапины.

– Надпись, – пояснил Олег. Опустился на корточки, стараясь удерживать равновесие на скользком полу, приблизил фонарь к дверце и попытался прочесть накарябанное гвоздём послание.

– Прос... прости... ма... То ли «мама», то ли «Маша»... Жуть. Ещё бы понять, чем оно нацарапано... – он принялся шарить взглядом по полу, потом вдруг сунул руку в складки платья покойницы и протянул Лёньке патрон. – Она это ободком гильзы нацарапала... Слышь, Ленин, пошли отсюда.

– Очкарик же сказал – искать ключ.

– В каюте старпома. Но баба явно не старпом.

Лёнька судорожно закивал.

– Точно, Мутный. Ты ваще голова. Давай, валим отсюда... А волюну брать?

– Брось! С ментами проблем захотел?

– Всё-всё... я усёк.

Бледный как полотно, Олег поднялся с колен, аккуратно закрыл шкаф, обернулся к не менее бледному Лёньке:

– Такое ощущение, что она чего-то испугалась, хотя у неё был револьвер...

– А нафиг было его разряжать?

Олег молча выдернул из рук напарника фонарь, поднял его, и желтый пучок света уткнулся в стену коридора напротив выбитой им двери каюты. Там отчётливо виднелись три чёрных отметины.

– Ого как... По ходу, она тут в кого-то папила. Три раза... А сколько в пистолете пуль?

– В револьвере, – машинально поправил Олег, – и не пуль, а патронов... Шесть должно быть.

– А тут всего три дырени. Видать, ещё где-то пошмалять успела.

– Или эти три пули она успела в кого-то всадить. А этот «кто-то» ушел вместо того, чтобы сдохнуть, – парень зябко повёл плечами, – и дверь за собой запер. Не нравится мне всё это, Ленин... Мы на такое не подписывались.

– А я тебе о чём, Мутный! Я о том же толковал...

– Если на этом корабле лежит труп, то сюда до нас никто не забирался, иначе бы уже давно менты кругом были. Так?

– Ну.

– Значит, очкарик никому об этом месте не говорил, и никто по глупости сюда не попадал. Ни рыбаки, ни военные... А это плохо. Мы тут можем остаться вместе с этой девицей как ненужные свидетели. Всё зависит от того, какая хрень в ящике. Вдруг оружие? А если наркота? Не знаю, может ли дурь храниться долго, но мало ли... А если это такой цинк под уран или плутоний? Я в армейке повидал всякие такие ящички... Тогда вообще хана. Мало ли, вдруг там бомбы какие-нибудь для чеченов?

– А чё делать?

Олег пожал плечами:

– Найдём ключ, откроем ящик. Если там ничего опасного, получим деньги и разбе-

жимся. Про скелет в шкафу будем помалкивать.

– Точно, Мутный. У этого мужика «скелеты в шкафу»... А это... если там бомбы?

Олег извлёк из кармана уже виденный Лёнькой складной нож:

– Будь готов к чему угодно. К очкарику спиной не поворачивайся, всегда настороже будь. И вот ещё... держи нож. Нажимаешь на кнопку, и лезвие само выпрыгивает. Если что – бей в шею.

* * *

Ключ нашёлся в противоположной каюте. Тамошний обитатель в шкафу не прятался и не имел привычки обшивать стены древесиной, поэтому ассоциаций с замусоренным курятником не возникало. Вполне себе опрятно. Хозяин будто пять минут назад вышел – так всё чисто, если не сказать стерильно.

– Аккуратист тут жил, – хмыкнул Олег, заметив, как по-военному ровно заправлена кровать. – Кто-то из экипажа.

Он не ошибся. На стене в рамке обнаружился пожелтевший фотоснимок, запечатлевший семью пышноусого морского офицера. А в ящике письменного стола, придвинутого к самому иллюминатору, нашёлся ключ с тяжелым стальным брелоком, некогда изображавшим земной шар. Со временем насечки параллелей затёрлись, покрылись ржой, лишь угадывались при касании острые берега континентов.

В трюм спускались неохотно, стараясь идти как можно медленнее, оттягивали неизбежный момент истины. Наконец вновь окунулись в хлюпающую сырость, увидели высоко над собой клок неба, обрамлённый огрызками стальных балок.

Узнав о том, что ключ удалось добыть, заказчик охотно спустился с палубы на скалы, а оттуда быстро забрался в трюм. Светлая ветровка была вымазана в грязи, но он будто не замечал этого. Всё внимание привлекал огромный ящик – гроб, в котором покоилась истина.

На вопрос: «А чё, подымать не будем?» – наниматель сухо ответил:

– Не будем. Придётся на месте открывать.

Он аккуратно вставил ключ в замочную скважину и принялся проворачивать его. Один оборот, второй, третий. После каждого нового поворота в недрах ящика что-то щёлкало, будто внутри лязгали неведомые шестерни.

Под плотно закрытой, прорезиненной изнутри крышкой оказалось нечто странное – металлическая, совсем не тронутая ржавчиной панель, на которой располагались какие-то кнопки, тумблеры, два круглых, похожих на иллюминаторы, портала, в каждый из которых сантиметров на пятнадцать были утоплены циферблаты с ромбовидными стрелками. Они бешено вращались в своих наглухо запечатанных темницах. А по правой стороне монолитной стальной панели тянулись замочные скважины, напротив которых белой краской были выведены порядковые номера.

– А чё это? – опасливо поинтересовался Лёнька.

Заказчик не ответил. Улыбнулся, снял с шеи небольшой ключ на тонкой цепочке, внешне похожий на тот, коим был открыт ящик, вставил в первую скважину, повернул до щелчка, затем scomандовал:

– Ищите второй ящик. Он где-то в соседнем отсеке. Здесь же, в трюме.

– Э, не... – отрицательно мотнул головой Олег, – в те отсеки мы ни за какие деньги не полезем. Там стопудово всё затоплено. Вода холодная...

– Даже если я скажу, что на берегу вы получите ещё по... пятьдесят миллионов сверх обещанного?

– Жизнь дороже.

Заказчик неприязненно скривил тонкогубый рот. Помолчал немного, после чего вымученно изрёк:

– Пусть так. Проверьте хотя бы незатопленные отсеки.

Делать было нечего – пришлось соглашаться, ведь на берегу условились, что ящиков будет два.

– Ленин, посиди, отдохни, – как бы между прочим бросил напарнику Олег, взглядом

дав понять, чтобы тот не спускал глаз с заказчика и странной находки.

Лёнька всё понял. Кивнул, отыскал в дальнем углу отсека полуразвалившийся деревянный короб с оцинкованными уголками и уселся на него напротив заказчика. Лучшее время, чтобы завести разговор о покойнице из шкафа... Но ведь напарник запретил... Незаданный вопрос грыз Лёньку изнутри, царапался, взбираясь по гортани к сомкнутым губам, дёргал за язык. «Спроси у него про кости! – вопил он. – Спроси!». Когда шаги Олега стихли и пропало мельтешение отцовского фонаря, парень произнёс:

– А почему вы нам про труп в шкафу не сказали?

Заказчик, любовно поглаживавший найденный ящик, вдруг дёрнулся и зло посмотрел на парня.

– Нашли, значит, Раю... Как она?

– Скелет из шкафа? Трупешник она. Кости, в шмотьё завёрнутые, и надпись на стене: «Прости, мама».

– «Прости, Мамай»... Она меня так называла. В шутку... Фамилия у меня Мамаев... Была когда-то... Раз уж вы её нашли, у меня будет одна просьба к вам, Леонид. Только после этого вы с Олежей поймёте...

– Какая просьба?

– Вы должны умереть, чтобы поверить мне.

– Чё?

Два года занятий в спортивной секции, которую Лёня посещал в нежном возрасте, не помогли. Не помог и нож. Заказчик оказался настолько быстр, что Лёнька и опомниться не успел. Уже заваливаясь в воду, он осознал, что очкарик выбил из-под него короб. А потом... Парень с ужасом наблюдал, как человек в очках опускает ему на лицо узкую ладонь. Сначала в воду погрузился затылок, и холод пробрал до корней волос. Затем – уши. Пропал слух. Затем... Лёнька попытался кричать, но с ужасом почувствовал, как холодная вода хлынула в рот. Заломило зубы... А потом он с ужасом понял, что уже не может дышать.

* * *

Олег не сразу разобрался, что произошло. Сначала он увидел сидящего на ящике заказчика и удивился, куда это мог подеваться напарник. Потом он заметил Лёньку и едва не завопил: тот лежал в дальнем углу трюма, едва освещаемый фонарём. Из воды торчала лишь набрякшая от влаги куртка, да виднелся затылок с растрёпанными волосами.

– Ленин! – завопил Олег, кинулся к приятелю, поднимая тучи брызг.

– Не переворачивай его, Олежа, – вонзился в спину исполненный стального спокойствия голос заказчика.

– Почему?

– Он мёртв. Я его утопил.

Мутный медленно повернулся к очкарику.

– Это... ну, как бы объяснить... демонстрация...

– Чего, мля?!

– Возможностей «будильника». Тут, в ящике лежит «будильник», который разбудит твоего друга. Минутку терпения...

– Ты это у меня просишь терпения? Да ты моего друга утопил! Кореша!

– Он сейчас проснёт...

Тяжелый кулак ударил в узкое лицо заказчика, не дав договорить. Как раз в этот момент лежащий в воде Лёнька вдруг вскинул голову, с хрипом втянул в лёгкие воздух, закашлялся, отплёвываясь от воды.

– Мутный, он меня утопить хотел, – хрипел парень и вновь зашёлся булькающим кашлем.

* * *

Это было невероятно. Лёнька, пятью минутами ранее лежавший в воде бездыханным поплавком, теперь сидел на треклятом ящике, поджав ноги и искоса смотрел то на Олега, то на заказчика. Правая линза очков у того была расколота, из разбитого носа обильно текла кровь. Олег не стал церемониться. Увидев, что Лёнька мёртв, он со всего маху заехал заказчику кулаком в переносицу, а затем скрутил тому руки за спиной широким армейским ремнём, продев поблёскивающую пряжку в одну из ручек

найденного ими ящика. То, что происходило теперь, Олег назвал «настоящим допросом».

– Как это умер? – шмыгая носом, спросил Лёнька. – Типа трупешник?

– Ленин, не мешай! – зло огрызнулся Мутный, занёсший над заказчиком пудовый кулак для очередного удара. – Живой ты и здоровый. Сейчас с этим Герасимом разбираться будем, с какого перепоя он людей топтит. Говоришь, и про скелет из шкафа знает?

– Стопудово. Он эту бабу Раей называл.

– Вот как? – Олег ухмыльнулся. – Слышь, друг мой ситный, ты говорить будешь, или ещё раз кулаком сопатку помассировать?

Заказчик часто-часто закивал.

– Ну ещё бы. Звездюлей огрести никто не хочет... Давай по порядку и без вранья. Лады? Лады, мля?!

– Хо-о-рошо, – вновь закивал очкарик. – Мы вышли из Мурманска в октябре семьдесят девятого...

– Кто «мы»?

– Это судно. Ну, то есть мы... Экипаж из тридцати пяти человек. Матросы, учёные...

– Ты к ним каким боком?

– Я служил на корабле. Матросом.

– Ну, теперь понятно, – с видом знатока закивал Лёнька. – А куда плыли?

– Шли, – яростно прошипел заказчик, бросив на парня ненавидящий взгляд. – Тогда в Афган войска хотели вводить, боялись провокаций американских, вот нас и отправили стеречь, – он хмыкнул, – рубежи Родины. Вроде как научное судно, а на самом деле разведывательное. На случай большой войны. Сыро было, холодно. – Заказчик зябко поёжился. – Дождь постоянно шёл. Такая морось мелкая, противная. Видимость никакая.

– Ты нам про погоду не задвигай! Она и сейчас не лучше. Про корабль рассказывай.

– Так я и рассказываю... Дождь, видимости никакой. И тут вдруг корабль появляется. Сперва решили, что натовское судно. Тревогу подняли, все дела... Потом поняли, что посудина совсем ржавая. Жуткое зрелище – видеть, как посреди моря из мороси вдруг возникает этот сыплющий металличе-

ской трухой призрак. Капитан приказал нам подняться на борт и осмотреться. Кругом – стреляные гильзы, вповалку трупы. Уже истлевшие все, в форме эсесовской. А в трюме нашли эти ящики. В последние часы перед тем, как всё закончилось, на корабле шёл страшный бой. Вроде как команда взбесилась. Друг в друга палили – больше не в кого – и даже гранату взорвать умудрились. Ну, мы ящики, естественно, перегрузили на свой корабль, заодно тушенку с продсклада взяли, кое-что из оружия. Сопляки совсем были, хотели потом находками в порту щеголять. Но старпом у нас был лютый – Иваныч. Сразу пригрозил, что находка наша секретная и о ней мы должны молчать, а трофеи – выкинуть. Отобрал всё, даже ключи, которые мы с немецкого офицера сняли. У того брелок был классный – шар металлический.

– Нашел кучу трупов, а самое запоминающееся – брелок?

– Я же говорю, сопляк был, как и все наши матросы.

– А ключи старпом себе забрал, да? – проявил чудеса сообразительности Лёнька.

– Часть он, остальные – капитан. У фрица связка была здоровенная. Капитан себе ещё документацию всю взял, журнал бортовой. Они там со старпомом пытались понять, что написано, но не разобрались. Позвали меня. Я в институте немецкий учил. Как раз с первого курса на флот...

– А кроме тебя не было никого со знанием немецкого, да? – ехидно заметил Олег, чувствуя фальшь в рассказе заказчика.

– Были. Просто я эти бумаги нашел, вот меня и привлекли их переводить. Оказалось, что ящики везли то ли с подлодки, то ли с базы немецкой в Норвегию. Когда Гитлер застрелился, они решили его оживить с помощью «будильника». В документах было написано, что хранится в ящиках, как их отпирать, как запускать «будильник» и прочее. Вроде инструкции. По идее они должны были эти бумаги вскрыть в порту, но какой-то умник прямо во время плавания это сделал. Прочитали, обалдели от обилия секретной информации и решили открыть ящик.

– Не понял, – прервал рассказ Лёнька, – а на фига?

– Национальный лидер погиб, весь их великий Рейх сыпался. Представь, что творилось. Да они от отчаянья, наверное, с ума посходили посреди моря.

– Не, я не про бумаги. На фига они ящик открыли, зная, что там внутри.

– Когда у тебя в руках такое, соображать перестаёшь. Это же власть. Они могли наплевать на Гитлера и плыть куда угодно. Их бы с таким даром приняли хоть у нас в Союзе, хоть в Штатах. С «будильником» можно оживить любого мертвеца.

– А тебе эта штука на кой чёрт? Кого оживать думал? – Олег принялся перебирать в памяти имена одиозных деятелей, умерших в последние месяцы. – Дудаева, что ли?

Заказчик хмыкнул:

– А хоть бы и Дудаева, – с горькой усмешкой согласился заказчик. – Этой машинке пятьдесят лет. Если современные учёные поработают, она многое сможет. Мне она нужна на два часа, а потом... За неё обещали бешеные деньги. Отпустишь меня и получишь долю...

– Или пулю.

– Долю, Олежек, долю... Я знаю людей в Москве, которые за ящики заплатят нам огромные деньги. Всё до последнего бакса получишь, только отпусти.

Олег на минуту задумался, потом отрицательно мотнул головой.

– Вот что, Ленин, бери ключ, фонарь и ищи второй ящик. Отопри его, достань всё содержимое и раздолби, чтобы ни один Кулибин потом не собрал. Понял?

– Мутный, я один не...

– Не жуй сопли, кулёма! – брызжа слюной, рявкнул напарник. – Живо! Надо всё это уничтожить, пока есть шанс. Иначе нас потом завалят, как ненужных свидетелей.

Лёня безвольно кивнул, развернулся на сто восемьдесят градусов и, как кролик из рекламы батареек, побежал в следующий отсек. Заказчик с яростью смотрел ему вслед.

– Не надо разбивать ящик... – прошеле-

стел его тихий голос. – Пожалуйста, позволь мне закончить начатое...

– Деньги деньгами, а жизнь дороже, – рассудительно заметил Мутный.

– Да какие деньги?! Это вам, тупые животные, лишь бы денег захватить! Это вы двое про Дудаева вспомнили. А мне на хрен не нужны ни деньги, ни Дудаев. Никто! Я лишь хочу вернуть любимую женщину!

Олег растерянно смотрел на яростно вопящего заказчика. Женщина? Будильник? Деньги?

– Ты... – потянул он, – про тот скелет в шкафу?

Человек, прозванный очкариком, вскинулся и хриплым от слёз голосом произнёс:

– Я ждал столько лет... Надеялся, что корабль найдут затонувшим на дне моря. Весь квадрат обследовал, где наш корабль пропал. Думал, найду, достану денег, чтобы поднять со дна, и оживлю Раю. А он как сквозь землю, как сквозь воду провалился! И тут вдруг сообщают: Сергей Валентинович, на берегу нашли остов корабля. Я первым рейсом прилетел в Мурманск, поехал сюда. Издали в бинокль смотрел, плакал. Я ведь думал, что никогда не увижу...

– Как пропал корабль?

– Капитан решил открыть ящик, чтоб его! Собрал всех учёных в кают-компании. Не знаю, что ему в голову ударило и всем остальным тоже, но они согласились. И моя Рая тоже. Мы хотели пожениться... Любили друг друга. Знаешь, Олежа, что такое любовь? Это когда у тебя одно имя на языке, одно лицо всегда перед глазами...

– Не знаю. Наверное, не встретил той единственной... В общем, бабы себе не нашёл подходящей.

– А я нашёл, – заказчик вновь дёрнулся, пытаясь высвободиться. – Я её умолял не ходить в трюм, не открывать ящик. Я ведь знал, что её ждёт! Я ведь читал документы! Но она всё равно пошла с ними, а меня отправили на мостик. Часа через полтора услышал шаги, обернулся. На мостик поднялся капитан. Смотрю, он взволнованный, улыбается. Я спросил его, что в ящиках, а он

говорит: «Ты не поверишь, сынок...» и набросился на меня. Я сразу понял, что с ним такое.

– То же, что и с немцами? – догадался Олег.

– Наверное, то же самое. Я сразу в каюту Раи побежал и увидел старпома. Он в дверях стоял, что-то говорил, а Рая ему отвечала, мол, зря мы отрыли их... теперь все умрём. Потом она начала стрелять. После третьего или четвёртого – точно не вспомню – старпом упал, а Рая ещё несколько раз выстрелила и закричала. Я хотел броситься к ней, но старпом вдруг поднялся на ноги, захлопнул дверь каюты и ко мне повернулся. Пуля попала в голову, но он был жив. И я побежал. Испугался дико. Наверх, на мостик, попытался связаться с базой, но ни черта у меня не получилось. Тогда я выгреб из карманов капитана ключи, схватил бушлат и – на палубу.

Заказчик вдруг конвульсивно дёрнулся, словно через его тело пропустили электрический разряд.

– Спустил шлюпку, поплыл к нацистскому судну. В темноте я потерял наш корабль. Там погасли все огни, и вокруг стало так темно, что я испугался. Схватил ракетницу, выпалил в небо. Знаешь, Олежа, каково это – видеть в свете красной ракеты только один корабль, огромный, немецкий. А мой пропал. Исчез. Как сквозь воду провалился. Ну или, может, это я убедил себя, что его не стало... Но меня можно понять! Холодно, сыро, и эта ржавая дрянь поскрипывает вдалеке.

– И ты поплыл на немецкий корабль?

– Нет... Испугался, что трупы фашистов оживут... Остался сидеть в шлюпке. Меня нашли только через двое суток. Наше судно. Когда начал рассказывать о случившемся, на смех подняли, мол, здоровый парень, да ещё коммунист, и вот струхнул. Отправили в Мурманск, там моему рассказу тоже не поверили, хотя намекнули, что про оживление Гитлера – это хорошая идея для книжки. Даже лечить собирались в психбольнице, но я убежал. Другое имя, работа хорошая. Всю

жизнь положил на то, чтобы найти корабль, все деньги в это вбухал. А несколько дней назад корабль нашли. Рыбаки из вашего посёлка. Я подсуетился, информация до военных не дошла. Думал, найму пару булдырей, они мне ящики вытащат, а я потом потихоньку Раю достану, на берег перенесу, и там...

– Оживишь?

– Да, Олежа! Теперь есть шанс её оживить. Ты видел, как я твоего друга вернул. Думаешь, зачем? Чтобы ты увидел, чтобы помог! Это чудо. Понимаешь? Чудо. Надо только всё как в инструкции сделать... Мне Рая каждую ночь снится, просит вернуться. Я же её бросил там как трус последний... А теперь могу всё вернуть.

Мутный встряхнул ошалевшего от собственных слов заказчика за плечи:

– Очнись, баран! Она умерла. Много лет назад. Её не спасти. Нам повезло, что на сей раз никто не спятил, кроме тебя.

– Я могу её спасти... Я ведь спас твоего друга... Убил и спас... Я знал, какой ящик нужно открыть, а какой не следует...

Заказчик запрокинул голову и завывл.

– Пусти-и-и!.. Пусти меня! Я заплачу! Верну кого захочешь, только от-пус-ти-и-и...

– Если ящики так безопасны, почему экипажи двух кораблей сгнули после их открывания? А?!

– Они открывали не тот ящик... – заскулил пленник. – Только я знаю, какой нужно открывать... Я ведь читал документы.

– Так они не вот этот ящик открывали? – Олег ударил кулаком по корпусу железного монстра.

– Нет, – отрицательно замотал головой за-

казчик. – Не этот – второй. И вам его нельзя открывать. Там сидит смерть. Один ящик – чтобы будить мёртвых, другой – чтобы сажать туда их смерть.

– Чё ж ты раньше молчал, когда я Ленина отправлял эту бандуру вскрывать?!

– Я же говорил, что его нельзя... Нельзя трогать. Нельзя разбивать. Нельзя его...

Олег не дослушал. Вскочил с места, кинулся в соседний отсек, на ходу выкрикивая:

– Ленин, не отпирай ящик! Не открывай!

И в этот момент где-то в дальнем, затопленном конце трюма корпус протяжно загудел, будто неведомая сила гнула металл, как фольгу, сминая переборки.

– Всё... – на выдохе прошептал заказчик, – смерть на свободе. Рая меня уже заждалась. Одна здесь, бедняжка.

Никогда не веривший ни в какую чертовщину, Олег вдруг осознал, что заказчик прав – нечто жуткое приближалось к ним из дальних отсеков. Нечто страшнее оживляющего мертвецов будильника.

Хлюп-хлюп-хлюп...

Шаги по мокрому полу.

Хлюп, хлюп...

И вдруг в соседнем отсеке вспыхнул Лёнькин фонарь, а через секунду послышался гнусавый голос:

– Я нашел его. Ящик. Второй ящик.

– Ты ведь его не открывал? – немея от ужаса, прошептал Олег. – Ленин, не открывал ведь?..

Лёнька опустил луч фонаря вниз, освещая грязную, мутную воду, отер ладонью мокрое лицо и торжественно произнёс:

– Ты не поверишь, друг...

От зелёных глаз и чёрных,
 От нелепостей и слов,
 От докучливых учёных,
 От всезнающих глупцов.
 Ищет тихого приюта
 И ушедшего тепла.
 Вдоль по улочке безлюдной
 Тень сиренево легла.
 В сумеречном вялом свете,
 В тусклом свете фонарей
 Всё никак не приметит
 Дверь одну из ста дверей.
 Позади все листопады
 И воронья толчея –
 Пёстро-яркие наряды
 Надеваю молча я.
 Словно память будоражу,
 Словно силуюсь не забыть,
 Как волнуясь и куражась
 В осень
 ветрено
 любить....

* * *

На что мне день, коли тепла в нем нет.
 На что мне ночь, коль немоту пророчит.
 Болят стихи, я вижу между строчек
 Измученный, затравленный сюжет.
 На что мне страсть, когда посыла – ноль.
 На что мне слёзы, омывать пустое –
 Вопрос душе, – спасительным настоем
 Или на рану брошенная соль?
 Но всякий сон, который жжёт под корень,
 И все слова, горячие внутри,
 Целительны...
 Ведь что ни говори,
 Добро и нежность побеждают горе.

ТАТЬЯНА ЧЕТВЕРИКОВА

Родилась в 1949 г. и живёт в Омске. Автор поэтических книг для взрослых и детей. Лауреат ряда региональных и всероссийских премий, в том числе и Большой Литературной Союза писателей России. С 1980 г. член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры РФ.

* * *

Вздохну и загорюю снова
 Под дождь, что день стоит стеной:
 Моя небесная родова
 Куда обширнее земной.
 Там деды-прадеды и тетки,
 Друзья мои и братьовья,
 Отец в небесном околотке
 И мама нежная моя.
 Припомню песни их, присловья,
 Их тягу вечную к добру
 И снимки старые с любовью
 В который раз переберу.

Всё дождь. И небо не синее,
 Но боль перерастает в грусть.
 И вроде жизнь люблю сильнее,
 И вроде смерти не боюсь...

ЯНВАРЬ

Что ни день – то весна,
 Что ни ночь – то без сна...
Е. Бачурин

1

Высотки смотрятся красиво,
 Они видны со всех сторон.
 А старый дом мой там, где ива
 Сложила ветки на балкон.
 Хоть от машин в округе тесно,
 Но современным дом не стал.
 Под снегом дремлет мой ровесник...
 Пусть далеко ему до ста,
 Но видел он уже так много!
 И потому грустит, грустит
 И прячет он меня до срока
 В своей горсти...

2

Да, конечно, обидно весьма:
 Что ни день – то, представьте, зима.
 Зеленым-зелено –
 Это было давно,
 Облетели мои терема...
 Не торчать бы зимой у окна:
 Никого не минует весна.
 Но я кутаюсь в шаль,

* * *

Приходи ко мне на чай
Полечить свою простуду
Медом. Вспоминать не буду
Вроде, как бы невзначай,
Сумасшедший тот мороз,
Деревянный дом в сугробах...
Ну а если вспомним оба,
То, конечно, не всерьез.
Посидим да поглядим:
Чай, печенье, мед алтайский...
Глупо, только верить в сказки
Очень хочется седым.
Пониманье – острый нож:
Даже Золушки стареют.

Печь, конечно, батарея
Не заменит. Ну так что ж,
Мы минувшее с тобой
Размотаем, словно кокон:
Дом без пластиковых окон,
Ночь, не ставшая судьбой...

* * *

Пожить бы еще на планете нескладной,
Где то наводнение, то взрыв, то цунами.
Подол замочить бы росой прохладной
И утро домой принести бы цветами.
Душа не стареет? Конечно, стареет,
Куда его денешь – свой опыт вчерашний.
Уже не трепещет при имени Грея.
А так трепетала – и вспомнить-то страшно!
Конечно, стареет душа неизбежно,
Не хочет ни битв, ни страстей повторений.
И все-таки плачет неслышно и нежно
От первого снега и первой сирени.
От новых стихов и от песни старинной...
Но если ты можешь, судьба, то пожалуй
И битвой, и страстью, полоскою алой –
Заря или парус – не всё ли едино?

ТАТЬЯНА МАЛЬГАВКО

Родилась в 1954 г. в Таре. Работает библиотекарем МБОУ ДОД «Тарская школа искусств». Лауреат региональной премии им. Владимира Шевелева за общественное признание заслуг в развитии культуры Тарского муниципального района (2015). Руководитель литературного клуба «Вечера на Александровской».

ПИСЬМО

АНТОНУ ПАВЛОВИЧУ ЧЕХОВУ

Глубокоуважаемый Антон Павлович, здравствуйте!

Не зря говорят, что слухом земля полнится: вы едете в Сибирь, и радостно забилося сердце, а вдруг да заедете в наш затерянный в сибирских просторах городок – Тару.

Название ему дано по правому притоку Иртыша – речке Таре. История это древняя, коей уже без малого триста лет. Дело было так... В наказе государя князю Андрею Елецкому с войском в тысячу пятьсот человек было велено, что город должен быть на реке. Но места воеводе не приглянулись. Выбрал более пригожие, ниже устья Тары, на берегу речушки Аркарки. Название справедливо рассудил дать по речке Таре. Постройка города была вызвана военными целями – разгромить Кучума, который был главным соперником русских в крае. До начала восемнадцатого столетия город оборонял государство Российское от набегов степных кочевников на юго-востоке Западной Сибири. Примечателен Тарский уезд озёрами с самосадочной солью, известными ещё до основания Тары в 1594 году. Солью город обеспечивал пол-Сибири. А вот 1722 год для жителей моего города памятен печальными событиями: Пётр Великий опубликовал указ о наследовании престола, где объявлял своим подданным о воле государя передать престол по собственному усмотрению. Кому захочет, тому и наследство определит. Но семьсот жителей города отказались принять присягу, и тогда карательный отряд из Тобольска жестоко расправился с

бунтовщиками. Полилась кровь. Тарчан с той поры стали называть «коловичи» – посаженные на кол. Говорят, что головы казнённых насаживали на колья и выставляли на всеобщее обозрение.

Тара стоит половиной на пригорке, половиной внизу, примкнув одним углом к Иртышу. Полноводные потоки шумят в таволге и осоке. Поедем с вами, Антон Павлович, на рыбалку. Муж и сыновья – заядлые рыболовы, а рыбы в наших речках и озёрах полным-полно: стерлядь, щука, язь, судак, лещ. К самому городку подступает вековая тайга. Мне нравится жить в городе с деревянными одноэтажными-двухэтажными домами и деревянными тротуарами. Я живу в бревенчатом пятисотенном, с большими окнами, приятно пахнущем смолой лиственницы доме. Вас мы поселим в самую уютную – бабушка называет её светёлкой – комнату, с видом на Николаевский кафедральный собор, построенный в честь Святителя и Чудотворца Николая в 1788 году. В городе шесть православных храмов, синагога и четыре часовни. Звонят, перекликаются ранним утром колокола храмов Спаса Нерукотворного Образа 1755 года постройки, Успенского, Тихвинского, Пятницкого, Богородице-Казанского и нашего самого родного Николаевского. Звон поднимается над городом, как дымка начавшегося рассвета. Ощущение радости заполняет душу. Помню наизусть ваши воспоминания детства о том, как «можно было, задыхаясь, вбежать на колокольню, как охватывал истинный восторг от простора и радостного ощущения того, что торжественный музыкальный звон колоколов слышится далеко окрест». Лучше не скажешь. По воскресеньям хожу на литургию. Золотой блеск иконостасов, подсвечников, кадилый дым и запах ладана, река свечных огней, сияние лампад, стройное песнопение. Красота. Лики Спасителя, Пречистой, Николая Угодника, Сергия Радонежского... смотрят с икон и как бы спрашивают: а так ли ты живёшь? И наблюдают, и молятся, и благословляют, и скорбят, и помогают.

Вернусь к тарским домам. Есть у нас и трёхэтажный купеческий с железной кровлей кирпичный дом, построенный на... болоте. Рассказывают, что на глубине полутора метров – деревянный настил из толстых, в 60–70 сантиметров в диаметре листовенничных кряжей. От дома идёт подземный ход в направлении к Иртышу. Дальше проходит под Иртышом и выходит к древнему городищу и курганному могильнику.

Ныне это сиропитательный дом, где воспитываются и обучаются разнообразным ремёслам круглые сироты и нищие. Каждый приезжий считает долгом посетить заведение купца Немчинова. Вот вам и сюжет для небольшого рассказа, Антон Павлович.

Теперь весна. Всё цветёт: леса, луга. Всё как-то по-особенному празднично. Всё хочет жить, возрождаться: всякий кустик, каждый прутик. Недавно мы возвращались по тракту вдоль блестящей под лучами весеннего солнца глади Иртыша, а по правую руку – тайга, топи да болота сменяются зеленью березняков. Вот только дорога... И вспомнишь, кстати, Николая Васильевича Гоголя: «В России две беды – дураки и дороги».

И всё это моя родина, которую я люблю. И город преобразился, ожил городской сад. Его называют Щербаковским по его основателю, владельцу кожевенного, винокуренного, салотопенного и свечного заводов купцу Щербакову. Здесь ели, пихты, кедры соседствуют с зарослями крушины, черемухи, ивы. Хрупкие цветоносы пробиваются сквозь землю, расцвели ландыши. Их аромат так трогателен. Тарчане любят этот прелестный уголок с его запахами деревни и леса, освежающими пыльную, монотонную городскую жизнь. В моём садике зацвели яблоньки и два куста превосходной белой сирени, как на моей любимой картине Исаака Левитана «Весна. Белая сирень». А прошлой весной мне посчастливилось погостить у родственников в Ялте. Вот где рай – подумалось мне. Я бы хотела здесь жить. Теплое море, белые пароходы, магнолии.

Однако, к своему удивлению, уже к концу недели я загрустила, пронзительно захотелось домой.

Всё-таки тарские берёзки милее южных пальм. А как хорошо у нас летом, особенно после дождя, когда прозрачные бусинки дрожат на листьях, пахнет тайгой и липовым цветом, и воздух хоть пригоршнями пей. Мечтаю, как на моей цветочной клумбе расцветут любимые флоксы с лиловой, сиреневой, ярче солнечных лучей белой окраской и розовый, с малиновым глазком флокс.

Конечно, жизнь городка оживляется с прибытием новых людей или новостей из столицы. А для меня и каждое ваше сочинение – приятная новость и радостное событие.

Ошеломительное впечатление произвело на меня ваше письмо, адресованное брату Николаю Павловичу. Читала его, как талантливое литературное произведение.

У нас в городе есть литературно-творческих кружок, где я читала это письмо. Вы пишете: «Ты одарён свыше тем, чего нет у других: у тебя есть талант. Этот талант ставит тебя выше миллионов людей, ибо на земле один художник приходится только на 2 000 000. Талант ставит тебя в обособленное положение: будь ты жабой или тарантулом, то и тогда бы тебя уважали, ибо таланту всё прощается». Все слушают с интересом. А я продолжаю: «...недостаток у тебя только один – это твоя крайняя невоспитанность». Послышались шепот, смешки. Это молодой писатель, подающий великие надежды... только самому себе, хотя, справедливости ради замечу – слог у него хорош, умение существует, но наблюдательности мало и житейского опыта нет. Ну, да это дело поправимое, – что-то шепчет своей соседке Лидочке.

– Матвей, тебе тоже не мешало бы послушать, – говорю ему, а он вдруг неожиданно вскочил: «Т-ц-ц. А чё я-то? Невероятно. Воспитанные тут все!» – и выбежал, хлопнув дверью. Вот такая тонкая, нервная, впечатлительная натура...

До чего весёлый рассказ «Жены артистов», смеялась до слёз. В особенности над концовкой: «Знаете, что, девицы и вдовы? Не выходите вы замуж за этих артистов! Цур им и пек, этим артистам! – как говорят хохлы».

Работаю я в городской библиотеке. Книжный фонд пока невелик, всего тысяча пятьсот экземпляров, да и самой библиотеке всего-то шесть лет. Ваши книги читатели очень любят, мы недавно приобрели новый сборник «Сказки Мельпомены». Рассказ «За яблочки» меня взбудоражил и потряс

до глубины души – какая же скотина этот старый помещик, как изощренно глумится он над молодыми: заставляет их рассказывать сказки, читать «Отче наш», любитесь, как девушка бьёт своего жениха, а парень, войдя в азарт, зверски избивает невесту и как помещик, уходя, обещает им на свадьбу прислать «яблочков». Парень с девушкой больше не встречались. Душа разрывается от горя.

Вот и побеседовала с Вами. Благослови вас Бог, Антон Павлович.

Татьяна. Май, 1890 год.

БРОНИСЛАВА ПАВЛОВСКАЯ

Родилась в 1939 г. в Таре. Обучалась в колледже культуры и искусства. Четыре года работала библиотекарем в с. Хорошки Павлоградского района. В 1964 г. поступила в Омский сельскохозяйственный институт. Долгие годы работала на станции химизации в Таре и в училище № 25. В настоящее время находится на заслуженном отдыхе. Публикуется впервые.

ДЕТСТВО, ТЫ ПОМНИШЬ МЕНЯ?

Я всё чаще мысленно возвращаюсь в своё детство. Отчётливо и ярко стоят перед глазами картины тех далёких лет, словно всё было вчера. Чем старше становлюсь, тем чаще тревожат воспоминания, ведь там, в военном детстве, рядом были дорогие моему сердцу люди, мама и бабушка, рано ушедшие из жизни, но не исчезнувшие из памяти...

* * *

Мне пять лет, мама на работе. Она трудится школьным учителем «в полторы смены», как это тогда называлось. В колхозный садик я идти не хотела, поэтому нахожусь дома одна. Зимним днём сижу на подоконнике, проделываю небольшую дырку в намёрзшей на стёкла ледяной корке и подолгу смотрю на улицу. Там видны редкие прохожие и собаки, с лаем бегущие вслед за лошадьми. Постепенно начинает темнеть, и я со страхом поглядываю на углы комнаты, мне кажется, что оттуда выглядывают тёмные лица. Сижу, онемев от страха, поджав под себя ноги. Приходит с работы мама, и мои страхи исчезают сами собой.

* * *

Из разговоров старших узнаю, что идёт война и в деревне уже получили первые «похоронки», но, в силу моего детского возраста, не воспринимаю эти события всерьёз. У меня есть друг Шурка, летом мы с ним играем во дворе, зимой часто сидим на русской печке, где сушится сначала семя льна,

а затем колхозная пшеница с примесью гороха. Когда пшеницу увозят на склад, мы, сидя на тёплых кирпичках печки, выбираем горох и семена льна, застрявшие между кирпичей. Хорошо помню вкус пшеничного хлеба с примесью гороховой муки, лепёшки из толчёных в ступке семян льна.

* * *

Мама, уходя в отпуск, летом месяц работала в колхозе на трудодни. В конце года она получала на них горох, лён, рожь. Горох и рожь мололи на мельнице и получали муку. В детстве основной едой у нас была «затируха», драники, клёцки из картошки, гороховые лепёшки. Когда мне было шесть лет, у нас появилась корова Муська. Мама выменяла её у женщины, гнавшей гурт скота из Колосовки. За молодую нетель мама отдала свои новые туфли и красивое старинное покрывало.

* * *

Когда мне было семь лет, переехали в соседнюю деревню, где при школе была квартира для семьи учителя. Учитель в школе был один и вёл все уроки с первого по четвёртый класс. Так мама стала моим первым учителем. Мне нравились уроки географии, из них впервые узнала, что есть на свете другие страны и города. Очень любила уроки чтения, и уже в первой четверти моего первого учебного года я прочитала весь сборник для чтения «Родная речь». Во втором классе были прочитаны все книги нашей школьной библиотеки. Во время каникул мы с мамой ходили в соседнюю деревню, где в школе также была библиотека. Там я набирала себе столько книг, сколько могла унести. С большой сумкой бежала по дороге впереди мамы, подпрыгивала от радости. Книги были для меня окном, распахнутым в большой мир знаний. Страсть к чтению осталась со мной на всю жизнь.

* * *

Весна... Около нашей школы было большое болото, где водились лягушки, и в мае, когда у них появлялась икра, мы с

подружками ловили её. В воде икра была похожа на красивые шарики, но стоило вынуть её из воды, превращалась в бесцветный комочек. Из-за длительного пребывания в воде у меня появлялись «цыпки». Кожа на руках и на ногах трескалась при высыхании, и мама мазала мне их на ночь сметаной. Ранки затягивались.

* * *

Резиновых мячей у нас не было, и мы катали их из коровьей шерсти. Весной у коров выпадала старая шерсть, мы вырывали ее, мочили в воде и катали до тех пор, пока она не превращалась в круглый мяч. Такие мячи служили нам недолго, и приходилось катать всё новые. Летом ловили майских жуков, наливая в норку жука воду. Жук вылезал из норы, мы ловили его и садили в спичечный коробок. Я часто приносила жуков домой, ночью они скреблись в коробке и мешали спать. Утром коробок всегда оказывался пуст. Жуки или вылезали сами, или мама выпускала их на волю. Хорошо помню свою первую куклу, купленную мамой в городе, у неё была раскрашенная голова из глины, а туловище набито опилками. Это вам не мячи из коровьей шерсти и жуки в коробках...

* * *

Мы жили в двадцати километрах от бабушки и летом иногда ходили в город пешком, так как машины ходили редко, а автобусов и асфальта на дорогах не было.

Утром светило солнце, пели птицы, по обочинам дороги цвели разные цветы, и я бежала по дороге, впереди мамы, радуясь этой красоте. Иногда мама брала меня на руки и несла, часто она рассказывала мне сказки, отвлекая от усталости и долгого пути.

Однажды, увидев на земле перед собой красивую ленту, я подбежала к ней, но лента внезапно зашевелилась. Мама потом объяснила мне, что это не лента, а змея и трогать её нельзя. Подходя к городу, мы чувствовали прилив сил, двигались быстрее. Я до сих пор помню бабушкино лицо, помню, как она сидела за столом, надев очки, и читала книгу.

Спросив разрешения, я тут же шла в огород есть черёмуху и бобы. Бабушка, зная, что мы придём к ней, оставляла для меня конфеты, косточки из компота, крашеное яйцо и кусок кулича, если мы приходили к ней после Пасхи. Потом, когда мне было лет двенадцать-тринадцать, я часто летом приезжала к бабушке, и мне было строго наказано её слушаться. Однажды я залезла на амбар, где хранилось сено для коровы, кувыркалась на нём, превращая его в труху. Когда слезла с амбара, бабушка наказала меня большим прутом.

* * *

Мы с мамой жили вдвоём, отец погиб на фронте. В детстве и отрочестве я не понимала, как можно любить человека и называть его папой. Этого чувства меня лишила война. От отца я унаследовала фамилию и большую любовь к музыке, песням, особенно к русским романсам, которые я слушаю с замиранием сердца. Случилось так, что маме пришлось работать в сёлах, где жили люди разных национальностей, и я слышала в детстве речь белорусов, чувашей, зырян и чалдонов. Приезжая к бабушке, повторяла слова на их языке. Бабушка говорила моей маме, чтобы она следила за моей речью. Будучи полькой по национальности, она знала три языка, разговаривала на чистом русском. Дед был репрессирован в 30-х годах, но я никогда не видела у бабушки неприязненного отношения к советской власти. Кстати, все её семеро детей получили образование.

Моё детство прошло в деревне, где протекала Оша – река с чистой водой, на поверхности которой плавали жёлтые кувшинки и белые лилии. Доставая со дна реки стебли лилий, мы делали из них бусы. Вокруг реки росли ивы, красиво кудрявясь, наклонялись к воде. На Оше была «перетяга», своеобразный плот, на котором мы часто переплывали на противоположный берег, чтобы совершить «набег» на колхозный город и подсолнухи.

* * *

Летом я любила кататься на лодке вечерней порой. Садилась за вёсла и плыла далеко за деревню, проплывая широкий омут, где река делала крутой поворот. Постепенно солнце уходило за горизонт и начинало темнеть. Ивы, росшие на берегу, теряли свои очертания, сливаясь с рекой. Всё постепенно окутывалось бархатом летней ночи. Я плыла в лодке и пела песни, звуки которых разносились далеко по реке, пугая диких уток, свивших гнёзда в прибрежных камышах.

Изредка из воды выныривала голова рыбы, хватая ртом зазевавшихся насекомых.

Выплывала из облаков луна, освещая реку своим светом, и я плыла по лунной дорожке.

На небе загорались звёзды, всё ярче становился Млечный Путь, светясь россыпью серебряного бисера, и казалось, что я нахожусь в волшебной сказке.

* * *

Я очень любила бывать в лесу по весне, когда просыпается всё живое, и осенью, когда всё в природе начинает замирать, го-

товясь к зиме. Осенью, ступая по опавшим листьям и жухлой траве, я с печалью слушала прощальное курлыканье журавлей, улетающих в дальние страны. Видела оставшуюся одинокой алую ягоду шиповника, рдеющий куст рябины, цветок в траве. И у меня к глазам подступали слёзы, а душу томил непонятное чувство смятения и тоски по чему-то ушедшему.

* * *

Детство незаметно заканчивалось, и наступала пора юности, но это уже совсем другая история. Деревни Кузнецово, где я росла, уже нет. Река обмелела, заросла камышом и ряской. Ивы, росшие на берегу, постарев, упали в воду, засоряя дно реки. Только там, где жили мы с мамой, стоят несколько старых тополей, на которые я любила забираться на самую верхушку, раскачивать их и петь. Через много лет побывала у этих тополей. Погладила старые стволы и спросила их, помнят ли они меня, девочку с длинными косами, сидящую наверху и громко распевшую добрые, светлые песни? Тополя шелестели листвой – отвечали...

АНДРЕЙ КАЗАКОВ

Родился в 1971 г. в Таре. Работает в налоговой инспекции ИФНС № 2 в Таре. Автор книги «Записки смежного человека», поэтического сборника «Короткие замыкания» (Тара, 2008), «Тарский компендиум» (Тара, 2014). Публиковался в литературно-краеведческом журнале «Машина времени. Факт».

**АНГЕЛ, ИЛИ СЛУЧАЙ
В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ГОРОДКЕ**

*По мотивам рассказа Г. Г. Маркеса
«Очень старый человек с огромными
крыльями»*

Комедия в одном действии

Действующие лица:

Ангел – лысый, плохо одетый старик с огромными крыльями.

Семья Башмаковых:

Пётр – образованный мужчина, около 30 лет. Муж Марины. Окончил институт, но в силу жизненных обстоятельств работает на пилораме. Терпит все упреки жены с кротостью собаки, давно лишившейся иллюзий.

Марина – жена Петра. С виду грубоватая, достаточно властная женщина, не лишённая привлекательности, держащая мужа в ежовых рукавицах. Старше Петра.

Петровна – любопытная соседка Башмаковых.

Батюшка – настоятель местного храма, свято охраняющий каноны церкви. Крепко сбитый мужчина с прекрасным аппетитом. Бывший военный.

Варвара Степановна – болтливая пожилая женщина, следящая за хозяйством в доме настоятеля.

Соседи Башмаковых: трое весёлых и жизнерадостных мужчин разного возраста.

Фельдшер – местный врач.

Сцена 1

Наше время. Дом на окраине провинциального городка. Две комнаты: кухня и спальня. Скромная обстановка. У детской кровати сидит **Марина**, одетая в простенький халат, и качает ребёнка. Заходит муж, долговязый сутулый молодой человек в мокрой куртке и грязных сапогах.

Пётр (*снимает куртку и сапоги*). Третьи сутки льёт и льёт. Ё-моё. Ну и апрель нынче!

Марина (*громким шепотом*). Ты чё разорался-то? А? Я его еле утыркала, а ты орёшь как резаный! И куда, куда ты прёшься в грязных своих сапожищах?

Пётр (*замешкавшись на входе*). Чё, температура не спадает?

Марина. И не думает. Почти сорок. С ума сойти можно.

Пётр (*проходит в комнату*). Да, дела. Врач-то был? Что сказал?

Марина. Да разве это врач? Пришёл, температуру смерил, горло посмотрел. Вирусная инфекция, говорит. Рецепт оставил и смылся. В аптеку сходить надо. Он вот тут написал, что купить. (*Кивает на стол, там лежит рецепт.*)

Пётр (*подходит к столу и берёт со стола рецепт*). Да, не стало врачей совсем. Одни патологоанатомы. Сейчас схожу. Пожрать есть чё?

Марина. Там в кухне. Картошки пожарила. Капусту сам из холодильника достанешь.

Пётр. Чё, опять картошка?

Марина. А где я тебе мясо возьму? А? От себя отрежу? Да? Принеси, я приготовлю. Пять тысяч получает, а ему мясо подавай!

Пётр. Ну, курицу бы хоть забила.

Марина. Какую курицу? Несушку, да? Молчи уже лучше.

Пётр проходит в кухню. Берёт с плиты сковородку с жареным картофелем и ставит на стол. Из холодильника достаёт банку капусты. Перекладывает её в чашку. Потом на цыпочках идёт к двери, смотрит, где Марина. Убедившись, что она продолжает качать ребёнка, крадется к кухонному шкафу. Подставляет табурет и достаёт из дальнего шкафа початую бутылку какой-то тёмной жидкости и пьёт из горлышка. Увлёкшись питьём, он, не удержавшись на табурете, громко падает на пол. Входит **Марина**.

Марина. Ты что тут делаешь-то? Ты псих, что ли? Да? *(Подходит к Пётру и вырывает из рук бутылку.)* Совсем обалдел? Я же этим поясницу натираю! Идиот! А я думаю, что так быстро убывает! *(Убирает бутылку в шкаф.)* Траванёшься когда-нибудь! Траванёшься! Алкаш несчастный! Ослепнешь или оглохнешь. Или ноги отнимутся. Или сдохнешь! Кто тогда ребёнка твоего воспитывать будет? А? Я одна не потяну!

Пётр *(встаёт и отряхивает штаны).* А я что? Я ничего? Замёрз просто. Чтобы не заболеть. Завтра же на работу.

Марина. Ешь давай и в аптеку сходи. На работу ему. Другую уже пора найти работу. За копейки спину гнёшь. Зачем, спрашивается, в институте учился? Образование получал? Вот и молчи.

Марина уходит. **Пётр** ставит на плиту чайник, поднимает табурет, садится и начинает нехотя «клевать» опостылевшую еду. Внезапно раздаётся громкий звук чего-то ломающегося. **Пётр** пугается и давится едой. Кашляет. Входит **Марина**.

Марина. Ты что тут, совсем очумел? Не угомонишься никак?

Пётр *(кашляет).* Я-то тут при чём?! Это на улице что-то.

Марина *(подходит к окну).* Ох, ёёёёё. Крыша на курятнике провалилась. Придавило там, поди, всех моих куриц. Я тебе сколько раз говорила, что крышу там поправить надо? А? А ты что? Всё потом да потом! Что расселся? Пойдём скорей.

Пётр и **Марина** спешат к выходу.

Сцена 2

Пётр и **Марина** входят в курятник и видят **Ангела**, упавшего ничком на пол сарая. Несмотря на отчаянные усилия, он не может подняться, ему мешают его огромные крылья. Он выглядит как старик. Одет в ветхую, поношенную одежду. Несколько бесцветных прядей едва прикрывают лысый череп. Большие петушиные крылья, грязные и сильно облезлые, увязают в грязи и помёте.

Пётр. Твоюююю мать...

Марина. Что это за хрень! *(Обращаясь к Ангелу.)* Эй, ты кто такой?

Пётр. Ты что не видишь, это же ангел!

Марина *(Петру).* Какой ещё к чёрту ангел! Совсем спятил?

Пётр. Обычный ангел. Старый только.

Марина. И ты можешь так спокойно об этом говорить? Какой-то старик с крыльями упал с неба, проломил крышу нашего курятника, подавил всех моих несушек, а ты – обычный ангел! Что мы теперь жрать будем? И крышу чем латать? А?

Пётр. Так видно же, что ангел! Крылья, да и вообще.

Марина. Да иди ты! Эй *(обращается к Ангелу),* старик, ты чего молчишь-то? Пьяный, что ли? Хоть слово скажи! Аллё! Откуда ты взялся на нашу голову?!

Пётр. Марина, успокойся, это – ангел. Если он даже тебе и ответит, то вряд ли ты его поймешь!

Марина. Ты меня не успокаивай!

Входит соседка.

Петровна. Что у вас тут случилось? Я сижу, телевизор смотрю, слышу грохот такой, как будто метеорит с неба упал. Что тут у вас такое? *(Выглядывает из-за Петра и Марины.)* Ого, старик какой-то.

Ангел всё ещё выкарабкивается из грязи. **Пётр** подходит к **Ангелу** и помогает освободиться. Потом волоком оттаскивает его в угол сарая и прислоняет к стенке.

Марина. Вот и я говорю, старик. А мой: ангел, ангел.

Петровна *(подходит ближе).* Слушай, а крылья-то, смотри, какие! Ух ты? Это чьи?

Пётр. Чьи, чьи, его это крылья! Не видно, что ли?

Петровна *(рассматривает внимательно Ангела).* Маринка, а Петька-то прав, его это крылья, его.

Марина *(подходит и становится рядом с соседкой).* Да ерунду он говорит, а ты слушаешь.

Петровна. Нет, не ерунду. Он же институт закончил. Не может он ерунду говорить.

Марина. Институт-то закончил, а толку нет! И не слушай его. Он у меня сумасшед-

ший! Но ты-то нормальная! Сама подумай, откуда у нас ангел может взяться? Откуда? Вот чертей здесь полно, а чтоб ангел!

Петровна (*внимательно рассматривает Ангела и трогает крылья*). Но крылья-то есть! Факт!

Марина. Ну и что, что крылья есть. Может, нацепил. В театре вон, поди, слямзил. Там добра такого выше крыши. Вы посмотрите только на него! Какой же это ангел! Старик какой-то. Да и если бы это был ангел, разве бы он несущек моих подавил бы! Зараза!

Пётр. Да ты что говоришь-то такое, Марина! Это же ангел!

Марина. А что мне до того! Он Лёшку нашего прокормит? А? Ему сегодня здесь и сейчас жрать надо, а ангелы подождут. У него ещё все ангелы впереди.

Петровна (*задумчиво*). Нет, не нацепил. Его это крылья. Это ангел. Он, наверное, летел за ребёнком, но бедолага так стар, что его сбило дождём.

Марина. Ты шутишь?

Петровна. Да нет же, я серьёзно. Третьи сутки льёт.

Марина. Ну, и что мне теперь с этим делать?

Пётр. Ничего не делать. Он сейчас не сможет взлететь, надо, чтобы крылья просохли.

Марина. Ой, ты хоть помолчи! Так что же делать?

Петровна. Да, ангелы у нас не каждый день с неба падают.

Марина. Что вы заладили: ангел, ангел! Что же делать-то? (*Обращается к Петру*.) Так, ты давай-ка запри его до утра. Утром разберёмся. А может быть, ещё и улетит, чем чёрт не шутит, и нам забот меньше.

Петровна. И то правда. Утро вечера мудренее. Может быть, всё само собой к утру и рассосётся.

Пётр закрывает курятник на ключ, и все уходят.

Сцена 3

Дом священника, настоятеля местной церкви. Роскошная обстановка. Резная мебель «под старину», картины в духе Коровина. В переднем углу большая икона, перед ней горит свеча. Крепкий и румяный, пышущий здоровьем **Батюшка**, одетый в рясу, сидит за обеденным столом и аппетитно кушает яйцо, установленное в специальную подставку. За воротником белоснежная салфетка. Входит **Варвара Степановна**, налагает на себя крестное знамение и кланяется в сторону икон.

Варвара Степановна. Благослови, батюшка!

Батюшка. Спаси Господи, Варвара Степановна! Как погода? Дождь ещё идёт?

Варвара Степановна. Сегодня под утро закончился, слава Богу. Как спалось вам нынче?

Батюшка. Да всё слава Богу! Надо же, почти три дня лил. Давно такого не было... Что новенького в городе слышно?

Варвара Степановна. Новенького? Ой, даже и не знаю, как вам сказать...

Батюшка. А ты говори как есть. Ничего не скрывай. Как перед Богом. (*Крестится в сторону икон*.)

Варвара Степановна. Ой, батюшка... Такое... даже не знаю...

Батюшка. Ну, что ты заладила: не знаю да не знаю. Что с тобой такое?

Варвара Степановна. Да тут... Ой... Ну, в общем, у Петьки Башмакова со вчерашнего дня в курятнике ангел живёт.

Батюшка. Что?!

Варвара Степановна (*теряясь*). Ну, у Петьки, у Башмакова, того, ну, ангел с неба в курятник упал.

Батюшка. Что ты мелешь-то такое, прости Господи? Какой ещё ангел у Петьки Башмакова?! Кто-то сплетни распускает по городу, а ты повторяешь! Не стыдно? Грех ведь это, или не знаешь?

Варвара Степановна. Да знаю, знаю, батюшка, что грех! Да только я сама своими вот этими вот глазами его видела! Вот вам крест! (*Осняет себя крестным знамением и кланяется*.)

Батюшка (*встаёт и срывает с себя салфетку*). Да как ты смеешь? Крест ещё на себя налагаешь! Да я тебя...

Варвара Степановна (*падает на колени и крестится*). Истину, истину говорю, батюшка. Истину! Ангел там, ангел!

Батюшка (*немного успокаиваясь*). Я ничего не понимаю! Да какой ещё ангел? Откуда? Расскажи толком.

Варвара Степановна (*встаёт*). Значит, так. Он вчера упал с неба, прямо Башмаковым в курятник. Говорят, что он за ребёнком летел. У Башмаковых, как дождь пошёл, ребёнок шибко плохой был, шибко. Инфекция какая-то была, температура почти за сорок. Петька с Маринкой извелись все. Думали, что преставится младенец. И лекарствами, и травами разными отпаивали, а толку никакого не было ...

Батюшка (*перебивает*). Варвара Степановна, давай без этих лишних подробностей.

Варвара Степановна. Так я и говорю, что ангел этот за ним и летел, наверное. Да у него крылья намокли, третий день ведь как из ведра, вот он в Петькин курятник и упал.

Батюшка. Совсем ты из ума выжила, Варвара, прости Господи! (*Крестится в сторону икон*.) Да как же это такое может быть, чтобы крылья у ангела от дождя земного намокли. Это же ангел! Небесное создание!

Варвара Степановна. Батюшка, я сама не верила, пока не увидела и руками вот эти-ми вот не потрогала крылья его.

Батюшка. Ну и что, что потрогала? Ты этими своими руками много чего трогала, прости Господи (*крестится*). И какой он, этот ангел?

Варвара Степановна. Этот совсем не такой, как на иконах или в книгах. Этот как старичок такой, лысенький, крылья ободранные, взгляд грустный-грустный. Одно слово: святой... блаженный...

Батюшка. Ерунда какая-то! Так, хватит тут мне голову морочить старичками разными и крыльями ободранными. Пойдём, проводишь меня к Башмаковым, я сам всё свои-

ми глазами посмотрю. Сейчас, машину из гаража только выгоню и поедем.

Варвара Степановна. И то правда, пойдёмте. А машину не надо, они тут совсем недалеко живут, два шага шагнуть.

Батюшка. Нет, на машине поедем. Грязь вон на улице непролазная. Да и по делам мне потом надо будет ещё в одно место подскочить.

Уходят.

Сцена 4

Раннее утро в доме Башмаковых. Все спят. Вдруг ребёнок начинает громко плакать. **Марина** просыпается и начинает качать кроватку. Плач не прекращается. Тогда она встаёт, вытаскивает ребёнка из кроватки и даёт грудь. Ребёнок замолкает.

Марина. Надо же, кушать начал! Ах ты, мой маленький! Сладенький! Молодец какой! Кушай, кушай, давай... давай... вот так... (*Прижимает губы ко лбу ребёнка*.) А температура-то спала, что ли? Не пойму... Так, надо измерить... (*сильно толкает спящего Петра в спину*) Ну-ка, вставай! Вставай давай! Найди мне градусник. Быстрее!

Пётр (*поднимает голову от подушки*). Что? Сколько время?

Марина. Градусник мне найди. Сколько время... Время срать, а мы не ели. Давай, шевелись.

Пётр встаёт и начинает искать градусник.

Марина. Ну что ты там копаешься? Вон там, на столике посмотри.

Пётр никак не может найти градусник.

Марина. Да что же ты бестолковый-то такой! Вон там и там посмотри!

Пётр находит градусник и подаёт его жене.

Марина. Ну, слава Богу. Не прошло и года (*ставит градусник*).

Пётр. Есть, что ли, начал?

Марина. Да. И температура вроде как спала, сейчас измерим. Кушай, кушай, сол-

нышко моё (*качает ребёнка*). Молодец, молодец, умный мальчик, хороший, хороший...

Пётр. Это всё из-за ангела.

Марина. Что из-за ангела?

Пётр. Ну, кушать начал, и температура спала. Тут без ангела явно не обошлось.

Марина. А я что? Эти дни не лечила его, да? В горло не брызгала, свечи не ставила, сиропы не давала, да?

Пётр. Да нет же! Лечила, и ухаживала, и ночи не спала! Но тут же ангел...

Марина. Да ладно ты, ангел... Не ценишь ты меня совсем.

Пётр (*подходит и обнимает жену за плечи*). Да почему же, ценю, ещё как (*целует в щёчку*).

Стук в дверь. Входит **Петровна**.

Петровна. Здравсьте!

Пётр. Здравсьте!

Марина. Привет!

Петровна. Ну, что тут у вас? Дождь-то кончился. Во как. Сегодня под утро перестал. На улице хорошо так. Солнце яркое-яркое и вот такое большое.

Марина. А у нас новость, хорошая новость. Алексей Петрович вот на поправку пошёл. Кушает, тьфу-тьфу-тьфу, и температура вроде как спала (*достаёт градусник*). Так и есть, спала, тридцать шесть и шесть, прямо как в аптеке.

Петровна. Это всё ангел. Не иначе. И солнце во всё небо, и Лёшка вот поправляется, тьфу-тьфу.

Пётр. Вот. И я ей про то же. А она не верит.

Петровна. Нет, к бабке не ходи, это ангел.

Марина. Да почему же я не верю, верю! Лёшечке же, сладкому моему, легче стало! Но я же тоже лечила его, три дня лекарствами пичкала! Зря, что ли, всё?

Пётр. Да не зря, не зря! Но таблетки же с ангелом не сравнишь.

Петровна. И дождь сразу кончился. Сразу. И солнце. Вот посмотрите, солнце во всё

небо. Я такого не видела раньше ни разу. Пойдёмте, пойдёмте.

Марина. Да куда я с Лёшкой-то пойду. Пока не окрепнет, какая улица?

Петровна. Ну, а ты одень его хорошенько. Воздуха-то свежего ребёнку тоже надо хлебнуть. Столько времени в духоте.

Марина. Ой, а он уснул. Смотрите-ка. И не плакал совсем. Тихо. Смотрите, прямо с титькой во рту. Сейчас я положу его в кроватку и пойдём.

Кладёт ребенка в кроватку.

Марина. Раз такое дело, надо в курятник сходить и соломы свежей ангелу подстелить. Он же промок, наверное, весь до ниточки. Может быть, взять ему что-нибудь переодеться? Футболку там или рубашку, штаны, обувь какую-нибудь. А то неудобно как-то. Петя, посмотри, пожалуйста, что-нибудь...

Пётр (*открывает комод и начинает выбирать вещи для Ангела*). А может, мы его в дом возьмём, ну, или в баню. Я баню затопить могу.

Марина. Нет, в дом рано пока. Вот окрепнет Алексей, тогда посмотрим. А баню затопи, ага...

Петровна. А может быть, он есть хочет? С вечера голодный.

Марина. А чем ангелы питаются?

Пётр. Бога созерцают, тем и живы.

Марина. Ну, это на небе. Понятно. А здесь-то чем его кормить? У нас, кроме картошки и капусты, нет ничего. Ой, неудобно-то как (*качает головой*).

Петровна. Я слышала от бабки ещё, что ангелы камфорой питаются.

Пётр. Чем-чем?

Петровна. Кам-фо-рой.

Пётр усмехается и продолжает выбирать одежду.

Марина. Так где же её взять-то, камфору?

Петровна. Нууу, может, в аптеке есть.

Марина. А деньги где взять? Петя вчера в аптеку последние унёс. Врач-то много вся-

ких лекарств выписал. Вон, весь стол уставлен. Эх, знать бы раньше про ангела...

Пётр. Слушай, ты же в том году столько банок накрутила! Там же осталось ещё! Помидорчики, огурчики, икра кабачковая. Может, попробуем.

Марина. Видно, ничего не остаётся, кроме как ангела икрой кабачковой угощать. Дожились.

Пётр. Вот, смотри, футболка, почти новая, треники, кеды. Нормально?

Марина. Нормально. Олимпийку ещё возьми. Вдруг к вечеру похолодает (*берёт со стола тряпочную сумку*). Ты только прорези сделай.

Пётр. Какие прорези? Где?

Марина. Ну, для крыльев. Как он футболку-то твою оденет и олимпийку, без прорезей? Головой думай.

Пётр. Блин, точно.

Марина. Ладно, потом сделаешь. Пойдём, в погреб надо лезть. Все заготовки там.

Уходят.

Сцена 5

Двор перед домом Башмаковых. Перед курятником собрались соседи, которые, глядя на Ангела, без малейшего признака набожности развлекаются тем, что бросают ему кусочки еды, сквозь отверстия проволочной сетки, будто это не сверхъестественное существо, а какой-нибудь зверь в цирке.

1-й сосед. Как вы думаете, что теперь с ним будет? Маринка его же изведёт. Не баба, а сущий дьявол.

2-й сосед. Я думаю, его надо главой администрации выбрать.

1-й сосед. Не получится.

2-й сосед. Это почему так?

1-й сосед. Чтобы мы его выбрать могли, ему надо в партию вступить.

2-й сосед. В какую ещё партию?

1-й сосед. Как это в какую? Не знаешь что ли?

2-й сосед. А!!! Понял! Тогда администрация отпадает. Вряд ли он в партию вступить согласится.

3-й сосед. Нет, его надо в храм. Пусть службу ведёт. Расскажет нам о загробной жизни, как оно там на самом деле дела обстоят. Он-то точно всё должен знать, про ад и про рай.

1-й сосед. Он, наверное, и Бога видел.

3-й сосед. Конечно, видел, кому же, как не ему Бога-то видеть.

2-й сосед. Я вот что думаю, его надо на развод оставить. Повысить рождаемость в городе. Баб-то одиноких вон сколько. Опять же укрепится генофонд нации.

3-й сосед. Точно! Тогда можно, например, будет вывести новый вид крылатых, умных людей, которые возьмут на себя все тяготы и лишения нашей жизни. Все проблемы решат, мир обустроят. Мы-то вон как тут засрали всё. Тошно посмотреть.

1-й сосед. А может быть, его в поликлинику надо? А? Врачом? Он-то нас точно вылечит.

2-й сосед (*скептически*). Ага, ты ещё предложи его начальником милиции поставить.

Из дома выходят **Марина**, в руке тряпичная сумка, **Пётр** и **Петровна**.

Марина (*обращается к кормящим Ангела соседям*). Что вы делаете? Отравите! Это же ангел!

1-й сосед. Да ладно. Не очистками же кормим! Бананы, апельсины. Сашка вон орехи принёс кедровые. Экологически чистые. Без всякого ГМО.

Пётр. А с чего вы взяли, что ангелы апельсинами питаются? Или орехами кедровыми?

2-й сосед. Ну а чем же им ещё питаться? Не картошкой же?

Петровна. Я от бабки слышала, что ангелы камфорой питаются!

3-й сосед. Сама камфорой питайся!

Соседи смеются.

1-й сосед. Маринка, слышь, а чё вы теперь с ним делать будете? В цирк сдадите? Или в зоопарк? Может, в больницу? На опы-

ты. Я думаю, за него в долларах можно просить. Или в евро.

Соседи смеются.

Марина. Ну и злые же вы!

2-й сосед. Ну, это кто бы говорил!

Соседи смеются.

Входят **Батюшка** и **Варвара Степановна**.

Марина. Вот нам батюшка сейчас всё и расскажет! Здравствуйте, батюшка! Милости просим!

Батюшка. Мир дому сему! Мир вам, мир! Слышал, что у вас тут нечто неординарное произошло?

Пётр. Вот ангел вчера с неба упал. А эти вот отравить его пытаются.

Батюшка. Ангел, говоришь? Взглянуть позволите?

Пётр. Конечно!

Пётр открывает перед **Батюшкой** проволочную дверь в курятник. Перед тем как зайти в него, настоятель повторяет «Отче наш». Все это время **Ангел** сидит в углу курятника и сушит на солнце распротёртые крылья. Рядом ходят куры. Вокруг валяются куски фруктов.

Батюшка входит в курятник. **Ангел** поднимает на него глаза и что-то неразборчиво шепчет.

Батюшка. Здравствуй, раб Божий! Кто ты, откуда, расскажи. Как попал в наши края?

Ангел не обращает на **Батюшку** внимания, что-то чертит веткой на земле. **Батюшка** подходит к **Ангелу** и рассматривает крылья. Потом отрясает ладони.

Батюшка. Что же ты молчишь? А? Как обращаться к тебе?

Ангел занят своим делом. Что-то тихо шепчет на своём языке. **Батюшка** выходит из курятника. Достает платок и тщательно вытирает руки.

Батюшка. Давайте помолимся. (*Читает «Отче наш». Крестит троекратно всех присутствующих.*) Что хочу сказать вам, дети мои. Предупреждаю вас об опасности простодушия. Дьявол имеет скверную привычку прибегать к маскарадным средствам, чтобы смущать неосторожных и ввергать их в пучину греха.

Марина. Батюшка, а где же тут средства

маскарадные? Крылья же настоящие! Вы же сами всё видите. Растут вот прямо вот отсюда. (*Показывает на своей спине места, откуда растут у ангела крылья.*)

Батюшка. Ну и что – крылья? Это ещё ничего не доказывает! Разве могут служить крылья основным признаком определения разницы между птицей, например, и самолётом? А? Нет. То-то и оно. А это значит, что ещё меньше по ним можно распознать ангела. (*Пауза.*) Что мы знаем об ангелах? В Святом Писании сказано, что ангелы – существа духовные, бестелесные, одарённые умом, волею и могуществом и занимающие высшую ступень в ряду творения. А этот что? Сами же видите. Жалкое и отнюдь не духовное существо. Но в этом деле всё равно надо разобраться. Вот что: я напишу письмо митрополиту. Он, может быть, какую-нибудь комиссию пришлёт или ещё выше напишет, но вердикт, я в этом не сомневаюсь, будет в любом случае справедливый и исходить от самого высочайшего. А вы (*обращается к Баимаковым*) пока запирайте его на ключ. Мало ли чего. Вдруг он болен чем-нибудь? Вопрос пока не изучен. Я потом ещё приду. Благослови вас Господь! (*Оселяет всех крестным знаменем.*)

Батюшка и **Варвара Степановна** уходят.

Марина. Как же так-то? А Лёшка? (*Кричит вслед уходящему Батюшке*) Лёшка-то сразу выздоровел!

Петровна. И дождь вон кончился. Солнце-то вон какое! Посмотрите!

3-й сосед. Странно! Вот все мы уверены, что это ангел, а поп говорит – дьявол.

Петровна. Не поп, а батюшка!

1-й сосед. А какая разница?

Петровна. Большая!

2-й сосед. Выходит, что не знает наш поп-батюшка языка Божьего, раз не сумел приветствовать его посланца.

Марина. Ладно, всё. Хватит тут разговоры разговаривать. (*Обращается к Петру*) Петя, ты давай, отведи его в баню и переодень его. Я тут соломы подстелю. А в погреб потом слазим.

Пётр и **Петровна** поднимают **Ангела** и уводят в баню.

1-й сосед. Ха-ха! Соломы подстелю!

2-й сосед. Ну ты даёшь, Маринка! Не те-ряешься!

3-й сосед. Ну что, Маринка, готова пе-ринка?

Соседи смеются.

Марина. А ну пошли, пошли отсюда, черти языкастые! *(Прогоняет со двора соседей, махая тряпочной сумкой.)*

Сцена 6

Улица у машины **Батюшки**.

Батюшка и **Варвара Степановна**.

Варвара Степановна. Батюшка, спаси Господи, объясни мне, грешной и неразумной старухе, кто он на самом-то деле. Тот, которого мы за ангела приняли?

Батюшка. Вот что я тебе скажу, Варвара Степановна. Признаюсь, что издавеча он очень на ангела похож. И те, кто зрением слабы или верой не крепки, вполне могут увидеть в нем посланца Божьего. А вот при ближайшем рассмотрении много вопросов возникает. Сама посмотри, уж очень много в нём человеческого. От него непереносимо несёт сыростью, крылья изнутри облеплены водорослями, маховые перья все истрепаны ветрами. В его жалком облике ничего не напоминает нам о присущем ангелу достоинстве. Во всех святых книгах по-другому ангелы описаны. Как сказано в Святом Писании? «И видел я Ангела сильного, провозглашающего громким голосом». Гром-ким! Поняла? А этот мямлит что-то себе под нос. Или вот этот отрывок. Опять из Откровения Святого Иоанна Богослова. Глава восемнадцатая, стих первый: «После сего я увидел иного Ангела, сходящего с неба и имеющего власть великую; земля осветилась от славы его». А здесь? То-то. Так что пусть вера твоя, Варвара Степановна, будет крепкой, спаси тебя Господи!

Батюшка крестит **Варвару Степановну**, она кланяется ему в пояс и целует руку.

Варвара Степановна. Вот оно что? Значит, диавол это? Сам сатана к нам пожаловал?

Батюшка. Ну, не будем так категоричны. Я же сказал, что этот вопрос требует изучения. Сегодня же доложу митрополиту об этом непонятном происшествии. Возможно, что это вид каких-нибудь неизученных животных, которые стоят на грани вымирания. Или ещё что. Говорят же некоторые, что видели, например снежного человека. Вот и этот так называемый ангел тоже какой-нибудь человек. *(Открывает перед старухой дверь своего автомобиля.)* Присаживайтесь, Варвара Степановна. Я вас подвезу.

Садятся в машину и уезжают.

Сцена 7

Дом Башмаковых. **Пётр** сидит у детской кроватки и качает её одной рукой. В другой руке книга. Входит **Марина** с ведром, веником и совком. Держится за спину.

Марина. Слушай, Петя, у меня уже сил никаких нет. Спину даже прихватило. От этих паломников столько мусора! Какие-то пакеты, объедки, бутылки. Представь, даже презервативы попадают! И чем только люди думают! Это же уму непостижимо! *(Проходит в комнату и указывает на часы.)* Вот, смотри, я почти полтора часа убиралась! Оно мне надо?!

Пётр *(не отрываясь от книги)*. Что делать? Всё это человеческое. Слишком человеческое!

Марина. Хм, человеческое... А каких там только чудиков нет! Живём теперь, как в дурдоме. Представляешь, там одна женщина сидит, ну, чокнутая, одно слово. Она спать не может. Не спит уже несколько лет, даже сама не помнит сколько. Говорит, что ей мешают спать молоточки.

Пётр *(продолжая читать книгу)*. Какие ещё молоточки?

Марина. В голове. Стучат молоточки. Тук-тук-тук и спать ей мешают, представляешь?

Пётр. Да уж...

Марина. А другая вообще умора! Я даже не знаю, как это рассказать. Представь? В общем, к ней каждую ночь прилетает Мария Дюваль.

Пётр. А это кто?

Марина. Ясновидящая какая-то или целительница, я не знаю толком. Короче, она прилетает к ней, потом превращается в точку, летает вокруг кровати и жужжит. Спать не даёт. Представь!

Пётр. С ума сойти...

Марина. И ещё, мне кажется, ангел себя плохо чувствует. Да ты на меня-то хоть посмотри! В книгу свою уставился!

Пётр (*отрывается от книги и смотрит на жену*). Да? А что такое?

Марина. Во-первых, на улице жара и духота несусветная. А во-вторых, паломники там всё свечами и разными лампами масляными уставили. Прямо к сетке двигают, чтобы к ангелу поближе. Ему и так там жарко, дышать нечем, а тут ещё эти свечи и лампы. А в-третьих, некоторые, наверное наиболее благочестивые, камни в него бросают. До чего додумались, а?

Пётр. А это ещё зачем?

Марина. А затем, чтобы он встал. Он же в основном лежит, ну, или сидит. А всем же любопытно посмотреть, какого он роста.

Пётр. Ну, и что делать?

Марина. Мне тут, пока убиралась, одна мысль в голову пришла. (*Присаживается на колени к Петру и обнимает его за шею.*) У нас же горбыль за сараем лежит?

Пётр. Ну да, лежит. Забор надо делать, всё времени нет.

Марина. То-то и оно, что забор. Завтра же обнесёшь двор забором, да так, чтоб дощечка к дощечке, чтоб ни щёлочка, понял? Если горбыля не хватит, я у Петровны денег займу, ещё купим.

Пётр. Горбылём без щелей не получится.

Марина. Ну, а ты постарайся! Ты же мужик. Придумай что-нибудь. На нормальные доски у нас денег с тобой нет. Но это пока.

Пётр. А зачем всё это? И так нормально.

Марина. Что нормально? Ничего не нормально! Нечего просто так на нашего ангела

кому попало паяться! Пусть деньги платят, халявщики! Столько там народу! Если с каждого хотя бы по сто рублей брать, это сколько денег-то заработать можно!

Пётр. Да ты у меня предприниматель, я смотрю! Надо же!

Марина. А ты что думал? Я у тебя вообще – золото! А ты не ценишь.

Пётр. Слушай, а чё по сотке-то? (*Пётр и Марина встают.*) Чё щас сотка! Булка хлеба и пачка сигарет! А тут ангел! Чудо! (*Начинает ходить взад и вперёд по комнате.*) Предлагаю по пятихатке брать! Сама же видела, на каких там машинах некоторые приезжают! Для них пятьсот рублей – тьфу, мелочь!

Марина. И то верно. Молодец. Так, всё, решено. Пока Лёшка спит, пойдём, горбыль посмотрим. Прикинем, что к чему. Если его там мало, я сразу к Петровне зайду, денег займу.

Пётр. Да не надо занимать! Я с пилюрами привезу, если не хватит, там обрезков разных много.

Марина. И то верно. Ваньке позвони. Пусть поможет. Сколько водки вместе выжрали, а толку никакого. Вчера-то хоть помнишь, что вы вытворяли?

Пётр. Ну, так, смутно...

Марина. Смутно? Припёрлись всей компанией! С ума все походили, вот что было! Пытались ангела водкой напоить! Если бы не я, отравили бы его к чёртовой матери.

Пётр. Е-моё...

Марина. Вот тебе и ё-моё! Ванька ему под нос рюмку суёт, Серёга – кусок сала, ты их остановить пытаешься... Кошмар просто какой-то.

Пётр. Всё, всё, не рассказывай мне больше...

Марина. Нет, ты послушай! Умнее, может быть, в следующий раз будешь! Хорошо, я вас вовремя разогнала! Не знаю, что бы дальше было! Ангел бы, наверное, пешком из этого дурдома ушёл! Ладно, хватит болтать, пойдём, горбыль посмотрим, прикинем, что к чему.

Уходят.

Сцена 8

Батюшка обедает у себя дома. Аппетитно грызёт ножку курицы. Стол завален разнообразной снедью. Посреди стола – графин с красным вином. Входит

Варвара Степановна.

Варвара Степановна. Благослови, батюшка!

Батюшка (*пережевывая пищу*). Спаси Господи, Варвара Степановна! Спаси Господи!

Варвара Степановна. Вот письмо вам пришло. Без очков только не могу разобрать от кого.

Батюшка (*вытирает руки о салфетку*). Ну-ка, давай, посмотрим. Может быть, митрополит отписался. Время-то уже порядком прошло!

Варвара Степановна подаёт Батюшке конверт.

Батюшка. Действительно! Лёгко на помине, прости Господи! (*Крестится и открывает конверт*). Так... так... вот... ага. «Для установления принадлежности описываемого вами субъекта к святому воинству необходимо выяснить, имеется ли у пойманного пуп». (*Отрывается от письма.*) Во как, пуп. Хмм, да. Пуп искать придётся. Понятно. Так, далее, «не похож ли язык, на котором он говорит, на арамейский». (*Отрывается от письма.*) Да он вообще ничего не говорит, бу-бу да бу-бу, вот и весь его язык. Так, ага, «может ли он, без нанесения себе вреда, несколько раз упасть на булавочное остриё. О проведенных опытах следует доложить незамедлительно». Подпись и печать. Вот как. (*Наливает из графина вина и выпивает.*)

Варвара Степановна. Так что, они комиссию не пришлют, что ли?

Батюшка (*закусывая*). Выходит, что нет. Самому разбираться придётся.

Варвара Степановна. Дааа, дела...

Батюшка. А что там нового? Ну, как они там?

Варвара Степановна. Петька Башмаков ограду свою глухим забором обнёс и теперь аж по пятьсот рублей берёт за то, чтобы на ангела посмотреть.

Батюшка (*перебивает*). Ты это, ангелом пока его не называй. Не установлена пока высшим духовенством принадлежность его. Нам ещё вон опыты проводить надо будет.

Варвара Степановна. Не буду, не буду, батюшка, прости Господи (*крестится*). Так вот я говорю, что это всё Маринка! Сам бы он в жись не додумался, чтобы по пятьсот рублей брать. Она у него ещё та штучка, прости Господи (*крестится*). Вот в прошлом году...

Батюшка (*перебивает*). Варвара Степановна, ты мне про Марину Башмакову потом как-нибудь расскажешь. Хорошо? Что там ещё?

Варвара Степановна. Ну вот я и говорю, по пятьсот рублей берут, чтобы просто посмотреть, ну или попросить у него что-нибудь. Народу там тьма-тьмушая. Даже на дорогих машинах приезжают, вот с такими мордами, прости Господи, и с цепями на шеях, даже потолще чем у вас. То ли бандюки, то ли депутаты, их же не разберёшь. Все одним миром мазаны. Вчерась вот, говорят, из Москвы делегация была. Все на черных жипах, по нашим-то дорогам только на жипе, ну или на тракторе проехать можно. Намедни Славка Чаплыгин, сосед мой, выгнал свою дристалку, прости Господи (*крестится*). И квартала не проехал, как в колею сел. Куда же это годно...

Батюшка (*перебивает*). Варвара Степановна, ты это, с мысли не сбивайся, про Генку ты мне потом тоже расскажешь, ага?

Варвара Степановна. А что мне про него рассказывать, алкаш – он и есть алкаш!

Батюшка (*повышает голос*). Варвара Степановна!

Варвара Степановна. Ой, батюшка, простите! Простите меня, бабу болтливую, прости Господи (*крестится*). Грех это, людей судить. Старухи говорят (*шепчет на ухо Батюшке*), что от самого губернатора даже приезжали! Вопросы, говорят, государственные задавали. То да сё. Мол, как дальше жить? И будет ли война?

Батюшка. А что толку-то вопросы ему задавать, он же всё равно молчит, бормочет

что-то себе под нос, прости Господи (*крестится*).

Варвара Степановна. А говорят, что он отвечает некоторым, но не так, чтобы словами, ну, не как мы с вами вот говорим, а по-другому. Как-то так отвечает, что люди понимают всё. Сердцем, что ли. (*Пауза.*) А сколько там калек! Господи! Хромые, косые, слепые! Господиии!

Батюшка. Он их что, лечит?

Варвара Степановна. Ну да. Некоторые даже норовят перо у него вырвать, чтобы к больному месту приложить. (*Закатывается от смеха.*) Ванька тут, ну, Сидоров-то, чё учудил! Ха-ха! Ну, сосед Башмаковых, знаете, ну, через огород, вот так наискосок. Он это перо ангелово, ой, прости Господи (*крестится*), перо его к какому себе месту прикладывал, ха-ха-ха, сказать совестно, прости Господи! (*Крестится.*)

Батюшка (*обрывает Варвару Степановну*). Ты это, хорош тут подробности такие докладывать! Про места разные. Что там ещё?

Варвара Степановна (*резко прекращает смеяться*). Прости Господи! (*Крестится.*) Так вот, калек там видимо-невидимо!

Батюшка. Ты скажи толком, помогает? Помогает он людям-то?

Варвара Степановна. Ой, всякое там бывает. Всякое. Так сразу и не поймешь, что к чему. Помогает или нет...

Батюшка. Как это непонятно? Тут либо помогает, либо нет...

Варвара Степановна. А вы вот сами посудите. Такой случай: был там слепой один. Всё просил, чтобы зрение к нему вернулось. А у него, представляете, вместо этого три новых зуба выросло! Представляете! Белые-белые, крепкие такие! Вот бы мне так, а то у меня-то коренные все под корень сточились...

Батюшка. Ты не вздумай у него ничего просить! Грех это...

Варвара Степановна. Упаси Господи, батюшка!

Батюшка и Варвара Степановна дружно крестятся на иконы.

Батюшка. Ну, что ещё знаешь?

Варвара Степановна. Ещё... Был там паралитик какой-то один. Как же его звали-то? (*Пауза.*) Нет, не припомню. Не русский. Грузин или армян, что ли. Он всё ещё в пинджаке таком блестящем ходил, при галстукке, с браслеткой золотой на руке и кольцами, как же его звали-то? (*Задумывается.*) Ходил ещё вот так вот, криво. (*Показывает.*) Прости Господи. (*Крестится.*)

Батюшка. Да Бог с ним, Варвара Степановна! Что было-то?

Варвара Степановна. С ним? Просил, тоже просил. Ну, чтобы прямо ходить, понятно. Но прямо ходить он так и не стал, хоть и был тут цельную неделю. Зато, представляете, в лотерею выиграл! Говорят, какой-то джек-порт! Говорят, тыщи, а то и миллионы! Вот и пойми после этого... Помогает он людям али нет.

Батюшка (*наливает стакан красного вина и выпивает*). Да, дела... И мне одному всё это (*пауза*) разгрести, прости Господи! (*Крестится.*)

Варвара Степановна. Да вы разберётесь! Вы грамотный такой! Семинарию закончили.

Батюшка. Да, деваться-то некуда. Придётся. (*Пауза.*) Значит, так, Варвара Степановна. Нечего откладывать. Прямо сейчас и пойдём к Башмаковым. Чего тянуть-то?

Варвара Степановна. И я с вами, что ли?

Батюшка. А что? Судя по всему, ты там лучше всех обстановку знаешь. Вон и про зубы знаешь, и про джек-пот.

Варвара Степановна. А как мы опыты-то эти проводить будем? Вдруг он не согласится?

Батюшка. Пока не знаю. Будем действовать по обстановке. Думаю, врача надо взять. Проведём медосмотр. Давление, пульс, ну, и прочие параметры. Так, для общего сведения. Всё это запротоколируем. Мне же отчет надо будет митрополиту писать.

Варвара Степановна. А где мы врача-то возьмём? В область, что ли, ехать придётся?

Батюшка. Времени нет. С местным

фельдшером пойдём. Пусть он посмотрит. Анализы, может быть, ещё какие-то возьмёт.

Варвара Степановна. Так Виталька же только зубы драть умеет. И то слава Богу.

Батюшка. Ну, а если нет другого? Сойдёт и этот.

Встают, крестятся и кланяются на иконы.

Батюшка. Ну, с Богом!

Уходят.

Сцена 9

Двор перед домом Башмаковых. **Батюшка, Варвара Степановна и Фельдшер.**

Батюшка (Варваре Степановне). Ты же говорила, здесь полный двор? Где все-то?

Варвара Степановна. А мне откуда знать? С утра ещё тут табунами ходили.

На крыльцо выходит **Марина.**

Батюшка. А вот Марина вышла. Пойдёмте, спросим у неё.

Батюшка, Варвара Степановна и Фельдшер подходят к **Марине.**

Батюшка. Мир вашему дому! Мы узнать хотели, где все страждущие? Куда подевались?

Варвара Степановна. Их ещё с утра вон сколько было! Куда делись-то все?

Марина (подметая крыльцо). А вы что, не знаете? Сегодня же концерт на стадионе!

Батюшка. Концерт? Какой концерт?

Марина. А Бог его знает. Приехали гастролёры какие-то. Какие-нибудь: «Ксюша, Ксюша, Ксюша, юбочка из плюша» или того хуже. Пронюхали, поди, что здесь народ кучкуется. Пива привезли. Шашлыки жарят. Вот все туда и ломанулись.

Варвара Степановна. А ты что не на концерте?

Марина. А с ребёнком моим ты сидеть будешь?

Варвара Степановна. Так пусть бы Петька посидел.

Марина. Что ты ерунду-то говоришь? Петя за пиломатериалом уехал. Мы дом новый строить собираемся.

Батюшка. А мы к постояльцу вашему пришли. Осмотреть его нам надобно.

Марина. Ангела осмотреть? Заболел он. Жар у него и сильный кашель.

Варвара Степановна (батюшке). А может быть, у него это, как его... птичий грипп...

Батюшка (Варваре Степановне). Не болтай лишнего, Варвара Степановна (*Марине*). А мы с врачом. Он и осмотрит его сразу на предмет заболевания.

Марина. Да вижу я, с каким вы врачом пришли. Осмотреть, конечно, можете, только вот лекарств никаких ему давать не дам. Я народными средствами его на ноги поставлю. А то знаем мы вас.

Фельдшер. Зря вы так, Марина Геннадьевна. Я, между прочим, диплом имею. Фельдшера.

Марина. Тебе с этим дипломом на ферме только работать. (*Пауза.*) Так и быть, проходите уже, если пришли.

Все проходят в курятник к **Ангелу.** Он сидит, обхватив колени руками.

Батюшка. Мир вам!

Ангел не реагирует, что-то бормочет под нос.

Батюшка. Salve! Salutem tibi!

Ангел не реагирует.

Варвара Степановна. Совсем плохой, ничего не слышит.

Марина. А ты что хотела, чтобы он в пояс поклонился и перекрестился? Да?

Батюшка. Марина Геннадьевна, не ёрничайте. Давайте приступим к осмотру. Виталий Иванович, прошу.

Фельдшер надевает перчатки и начинает измерять **Ангелу** давление.

Батюшка. А чем это здесь пахнет, так...

Марина. А я тут перед самым вашим приходом карболкой мыла и миррой окуривала.

Батюшка. Миррой?

Марина. Ну, да. Чтоб зараза разная не распространялась.

Фельдшер. Ого! Давление-то высокое! 160 на 100! Давайте-ка я вас послушаю. *(Прикладывает к груди Ангела стетоскоп).* Тааак, дышите, не дышите.

Батюшка *(Марине).* Давно он недомога-ет?

Марина. Первое время уж очень он страдал от жары и от ламп, которые перед сеткой паломники жгли, потом ничего, пообвыкся. Даже кушать начал. Очень уж ему по вкусу моя икра кабачковая пришлась! Теперь только её и ест.

Батюшка. Ну, а заболел-то когда?

Марина. Сегодня с утра ещё хорошо себя чувствовал. Помогал Пете дрова рубить. Силища у него, я вам скажу. Комель вот такой ширины с одного удара – в щепки! А после обеда слёг.

Фельдшер. Давайте ещё и температурку измерим. Тааак. *(Ставит Ангелу градусник и осматривает его крылья.)*

Варвара Степановна *(фельдшеру).* Слышь, Виталька, ты это, глянь, есть у него пуп или нет.

Фельдшер. Что?

Варвара Степановна. Ты что, глухой? Посмотри, пуп есть или нет?

Фельдшер. Варвара Степановна, давайте пока оставим это вопрос, вы лучше сюда посмотрите. Надо же, а...

Батюшка. Что такое?

Фельдшер *(задумчиво).* Надо же... Как растут крылья? Вот, взгляните *(пауза).* Они настолько естественны для этого вполне человеческого организма, что остаётся только удивляться, почему их нет у остальных людей... Вот, видите? Удивительно... Они у нас должны быть...

Батюшка. Знаете, мне сложно судить об этом... Святое Писание...

Марина *(перебивает Батюшку).* А вы, я вижу, всё ещё не верите, что это ангел, да?

Фельдшер возвращается к осмотру Ангела.

Батюшка. Видите ли, Марина Геннадьевна, те знания, которые мы можем почерпнуть из священных книг, не дают нам повода однозначно признать данную особь ангелом.

Марина. А при чём здесь книги? Вот же он, ангел, перед вами!

Батюшка. Я могу привести десятки примеров из Священного Писания, где описываются ангелы. Вот, например, в Откровении Святого Иоанна Богослова...

Марина *(перебивает).* А люди? Посмотрите, сколько людей к нему пришло? Большая часть из них никогда не читала Святого Писания, а ангела в нём признала. Люди отовсюду сюда приехали.

Батюшка. Господь с вами, Марина Геннадьевна! Ну, и где все эти люди? Убежали смотреть очередную игрушку. Променяли его на мясо, пиво и юбочку из плюша. А эти его так называемые исцеления? У слепого выросли новые зубы, а хромой сорвал джекпот! Как это понимать?

Марина. Да ладно! Я вас убеждать ни в чём не собираюсь. Для меня главное, что я в нём ангела признала. И объяснения мне ваши не нужны. Я сердцем вижу.

Батюшка. Пусть так. Но если вы видите в нём Божьего посланца, почему вы тогда берёте деньги за его посещение? Ведь это грех.

Марина. Да, берём. А где нам их ещё взять? Петя мой с утра до ночи спину гнёт на пилораме, а ему там копейки платят! Куда это годно?

Фельдшер. Ну что, общий осмотр окончен.

Батюшка. Ну, и как он себя чувствует?

Фельдшер. Здесь целый букет. Повышенное артериальное давление, шумы в сердце, хрипы в легких, температура 38 и 5. Кашель. Ну, давление, скорее всего, возрастное, а вот температура и кашель свидетельствуют об остром респираторном заболевании. Необходимо прежде всего постельный режим, приём антибиотиков, ну и в горло можно побрызгать «Ингалиптом» каким-нибудь...

Марина. Никаких таблеток ему давать не разрешу! Сама вылечу. Мы с Петей ему сегодня в доме постелем. Сейчас куриным бульоном его покормлю. На ночь чая с мёдом дам. Банки поставлю или горчичники. Травы у меня разные припасены. Обойдёмся. Ему, главное, покой нужен.

Варвара Степановна. Что это ты командуешь? Нам ещё опыты проводить велено! Булавкой тыкнуть! У нас и бумага на этот счёт имеется! С печатью и подписью!

Марина (*заслоняет Ангела собой*). Себя тыкни! Не дам!

Варвара Степановна. Дашь, куда денешься! Он что, твоя собственность? А вдруг у него птичий грипп?

Марина. Это у тебя птичий грипп! Он в моём доме живёт, и мне решать, тыкать его булавками или нет!

Батюшка. Успокойтесь, успокойтесь, пожалуйста, не кричите. Действительно, давайте дождёмся полного выздоровления пациента и потом продолжим наше исследование. Вы, Марина Геннадьевна, всё правильно делаете. Заберите его в дом. Пусть отлежится. А мы пойдём.

Варвара Степановна. Ишь, командирша какая! Себя тыкни! Мы ишо придём!

Марина. Приходи, приходи! Как придешь, так и уйдешь!

Марина провожает Ангела в дом. Батюшка, Варвара Степановна и Фельдшер уходят со двора.

Сцена 10

Дом Башмаковых. Обстановка в комнате изменилась в лучшую сторону. Появилась новая мебель, плазменный телевизор и т. д. В комнате на диване лежит Ангел. Рядом сидит Марина, одетая в красивый и дорогой халат. Входит Петровна.

Петровна. Ну, как он?

Марина. Тяжело. Всю ночь бредил. Говорил что-то быстро, быстро. Я всю ночь его караулила. Сейчас вот уснул.

Петровна. Может, легче стало?

Марина. Не знаю. Температура вроде меньше. (*Касается губами лба.*)

Петровна. А вдруг он умрёт?

Марина. Да ты что? Типун тебе на язык!
Петровна. А что? Это дело такое... Все под Богом ходим.

Марина. Нет, всё хорошо будет, я верю.

Петровна. А вот помрёт если? Как думаешь, что с мёртвыми ангелами делают? А?

Марина. Да не помрёт он!

Петровна. Ну а вдруг?

Марина. Да не знаю я.

Петровна. Хоронить же, наверное, придётся. Так же не оставишь. А как его такого в гроб-то положить? А? Крылья вон какие огромные! По спецзаказу делать придётся.

Марина. Слушай, Петровна, не болтай ерунды.

Петровна. Я смотрю, все паломники-то разъехались.

Марина. А что им тут делать-то теперь? Они же о себе только думали. А как их желания исполнять стало некому, они и разъехались.

Петровна. Ой, ну а как он желания-то исполнял? Чудеса его эти на насмешки были больше похожи. У меня вон до сих пор вместо огурцов на грядке бананы растут! А я что, просила?

Марина. Что просила, то и получила. Сердцем надо было просить и душой. А то, что разъехались все, так я только рада.

Петровна. Почему?

Марина. Надоели они все! Как в дурдоме жили.

Петровна. Зато деньги! Начали вот дом новый строить.

Марина. Ты знаешь, в какой-то момент, я поняла, что не это главное. Конечно, всё это здорово. Новый дом будет, шмоток вон разных набрали. Петя решил бычков на продажу разводить. Теперь уже не думаешь, чем завтра ребёнка и мужика накормить. Но как только ангел заболел, у меня как будто всё оборвалось внутри. А потом словно глаза открылись. Не это, не это, вот всё главное. Когда вот здесь (*прижимает руки к груди*) покоя, мира нет, тогда и не надо ничего. Ни домов, ни бычков.

Петровна. Ну, ты даёшь, Маринка, рас-философствовались!

Марина. Я в какой-то момент поняла, что не то главное, что руками ухватить можно.

Петровна. Ну, раньше ты по-другому думала. Когда Петька пять тыщ домой приносил, я помню, как ты его костерила. А теперь-то, когда о жратве думать не надо, конечно, можно и о вечном порассуждать!

Входит Пётр с ребёнком на руках.

Пётр. Привет, Петровна!

Петровна. Привет!

Пётр. Марин, возьми Алёшку.

Марина. Чё, спит?

Пётр. Да, на свежем воздухе сразу отрубился.

Марина. Ну, надо было тогда ещё погулять.

Пётр. Да мы же с Ванькой договаривались за брусом ехать.

Марина берёт ребёнка у **Петра** и кладёт его в кроватку.

Пётр (*переодевается в старую куртку*). Как он?

Марина. Жар вроде бы спал. Уснул недавно.

Петровна. Ну, и что вы теперь с ним делать собираетесь?

Пётр. С кем?

Петровна. Ну, с ангелом, конечно. Он что, и будет вот так у вас жить?

Пётр. А что в этом такого? Пусть живёт.

Марина. Петя в новом доме даже комнату для него предусмотрел!

Петровна. Ну, вы даёте! Как вы с ним жить-то в одном доме будете? Крылья-то вон какие здоровенные! Тесновато будет! Вы о ребёнке-то подумали?

Пётр. Ничего. В тесноте, да не в обиде. Да и дом я не маленький строить собираюсь. Четыре комнаты и зал. На перспективу. Правда, Марин? Всем места хватит.

Петровна (*Марине*). Так у него же блохи в крыльях завелись! Сама говорила.

Марина. Блох мы выведем. Это не проблема. Главное, чтобы выздоровел.

Петровна. Ну, как знаете!

Пётр. Ладно, Марина, я побежал, всё, пока.

Марина целует мужа. **Пётр** уходит.

Петровна. И я, пожалуй, пойду.

Марина. Ладно, пока.

Петровна уходит. Начинает плакать ребёнок. **Марина** берёт его с кровати и уходит в кухню.

Сцена 11

Поздний вечер. Кухня в доме Башмаковых. **Марина** готовит ужин. Громкий стук в дверь.

Марина (*вытирает руки*). Ну, сейчас, иду, иду! Кто там ломится-то так?

Марина открывает дверь. Входит **Варвара Степановна** вся в слезах.

Варвара Степановна. Здравствуй, Марина! Горе-то какое! Горе! А-а-а!

Марина. Что? Что случилось?

Варвара Степановна. Горе! Какое горе! Как? Как пережить такое? А-а-а! И откуда изверги-то такие берутся? А-а-а! И, как таких земля только носит?

Марина. Да объясни ты толком, что случилось?

Варвара Степановна. Кто-то напал на нашего батюшку, на солнце наше ясное! А-а-а! Ему сегодня пожертвование принесли. Деньги на ремонт в храме. Вот кто-то и позарился на них. Два раза ножом ударили! А-а-а! Нелюди!

Марина. Когда это случилось?

Варвара Степановна. Часа три назад.

Марина. А батюшка-то жив?

Варвара Степановна. Отходит...

Марина. А врача-то, врача вызывали?

Варвара Степановна. Да вызывали. Говорит, рана, не совместимая с жизнью. Вот вот помрёт.

Марина. Ну, а ко мне-то ты чего прибежала? Я же не врач.

Варвара Степановна. Ангел...

Марина. Что ангел?

Варвара Степановна. Только он! Только он и сможет помочь! Христом Богом молю!

А-а-а! Уговори его! Пусть он спасёт батюшку! Он же всё может! Он же ангел! А-а-а!

Марина. Легко сказать, уговори! Да и вряд ли поможет. Батюшка же не верил в то, что он ангел, так что вряд ли он поможет.

Варвара Степановна. Но делать-то больше нечего, это последнее средство! Последнее! Мариночка, на тебя вся надежда! На тебя! А-а-а! Да и не думаю я, что он прямо уж вот так не верил. Просто у него положение такое было. Он же здесь власть церковную представлял. А тут, сама посудите: свалился с неба ангел, не похожий вовсе на ангела, ну, на такого ангела, который в книгах описан. И что ему оставалось делать? Как объяснять людям? Почему в Писании вон какие ангелы, а в курятнике вашем вот такой сидит. А? Одно слово, политика!

Марина. А людям и не надо было ничего объяснять. Люди сами всё видели. Глаза-то есть. А тем, у кого сердце открыто, глаза и вовсе не нужны.

Варвара Степановна. Марина, ну, давай попробуем! А-а-а! Как же мы без батюшки-то? Осиротеем!!!

В окно кухни врывается порыв ветра. **Марина** и **Варвара Степановна** выглядывают в окно и видят взлетающего **Ангела**.

Марина. Улетает!

Варвара Степановна (*всплеснув руками*). Куда ж это он?!

Марина. А мне почему знать? Не докладывал. Он себе дудочку вчера из вербы вырезал и играл сегодня весь день.

Варвара Степановна. Ну, вот последняя надежда улетела. Ладно, пойду я. (*Внезапно у Варвары Степановны подкашиваются ноги.*) Ой, что это со мной? Ноги аж подкосились. Марина, ты бы проводила меня. Сделай милость.

Марина (*помогая встать Варваре Степановне*). Конечно, конечно, пойдёмте, я вас провожу.

Уходят.

Сцена 12

Дом **Батюшки**. Хозяин, голый по пояс, в тренировочных брюках, отжимается от пола. Входят **Марина** и **Варвара Степановна**.

Варвара Степановна. А-а! (*Падет в обморок.*)

Марина (*испуганно, склоняясь над Варварой Степановной*). Я что-то не пойму ничего! А где же смертельно раненный священник?

Батюшка (*отжимается от пола*). Сорок восемь, сорок девять, пятьдесят! (*Заканчивает отжиматься и встаёт на ноги. Берёт полотенце и вытирает пот.*) Мир вам, Марина Геннадьевна! Рад вас видеть!

Марина. Здравствуйте. Но вы вообще-то, как мне Варвара Степановна сказала, должны уже предстать перед Создателем! А вы тут сорок девять, пятьдесят? Как это понимать?

Батюшка подходит к столу и берёт с него большое ангельское перо.

Батюшка. Вот, в этом всё дело. Я очнулся, а на полу вот, перо лежит.

Марина. Ангел? Ангел был у вас?

Батюшка. Да, ангел! Спас меня, можно сказать, воскресил из мёртвых. Сегодня люди состоятельные на храм пожертвовали. Денег дали, и много денег. Можно было хороший ремонт сделать. (*Пауза.*) Я домой пришёл, а дверь забыл запереть. Ну, а они следом за мной в дом. Видимо, знали о деньгах и следили.

Марина. А кто это они?

Батюшка. А Бог их знает. Лихие люди. Помню, острая боль вот тут, в районе печени, и всё. А потом как будто со стороны себя увидел. Описание такое, как в книге «Жизнь после смерти», помните?

Марина. Это про туннель где?

Батюшка. Ну, да. Эти двое, ну те, которые меня ножом пырнули, в черных таких куртках, в капюшонах, из сумки деньги вынимают и по карманам рассовывают. А я из-под потолка на них смотрю. Потом, помню, по туннелю несусь, а в конце него – свет! Яркий такой! Ослепительный! И тут меня

ангел на руки берёт. Мне так хорошо стало! Так хорошо! Слов нет таких, чтобы описать всё блаженство, которое я испытал тогда. Мне подумалось, что вот он – рай, вот оно, прикосновение Бога к душе! Или души к Богу. Хотя какая разница! А потом я очнулся у себя на диване. И такую силу ощутил в своём организме, какой никогда не испытывал!

Марина. И что, сразу отжиматься?

Батюшка. Даже не знаю, что со мной такое произошло. Встал и зарядку начал делать. А что в этом плохого? В здоровом теле – здоровый дух! Я ведь и в школе, и в военном училище боксом серьёзно занимался. Был, кстати, перспективным средневесом (*имитирует боксёрские движения*). Чемпионом Северо-Западного военного округа. В семинарию-то я уже в тридцать лет поступил, после того как из Югославии вернулся.

Марина. Ну, а рана?

Батюшка. Да нет никакой раны! Вот, смотри! Даже шрама не осталось.

Марина (*устало*). И слава Богу! Я пойду, пожалуй. А вы о Варваре Степановне позаботьтесь, пожалуйста. А то и ей ангела вызывать придётся, а он, по-моему, уже далеко.

Батюшка. Так он улетел, что ли?

Марина. Да, улетел. Ладно, пойду я. До свидания.

Марина уходит. **Батюшка** приводит в чувство **Варвару Степановну**.

Сцена 13

Марина приходит домой. **Пётр** ужинает на кухне. **Марина** садится на диван и начинает громко плакать.

Пётр. О, Мариша! Ты где была? Что плачешь-то? Ангела что-то не видать? Он обычно в это время уже спит.

Марина (*плачет*). Он, он, улетеееел....

Пётр. Как улетел? Когда? Ты сама видела?

Марина (*качает головой*). Да...

Пётр. Что? Прямо вот так улетел?

Марина. Да. Прямо вот так...

Пётр. Так и не сказал ничего?

Марина. Нет.

Пётр (*прижимает к себе Марину*). Не плачь, не плачь, родная. В конце концов, ангелам не место среди людей.

Марина. Ну а почему? Почему так?

Пётр. Потому что ангел – это в первую очередь посланец. Он явился, принёс нам весть от Бога и должен возвратиться вновь туда, откуда пришел. Таковы правила.

Марина. А какую весть он принёс нам?

Пётр. Пока не знаю, но, думаю, со временем мы это обязательно поймём. Только позже.

Марина (*продолжает плакать*). Но ему же у нас было хорошо, ведь правда?

Пётр. Конечно, конечно, хорошо. А помнишь, как он храпел? Ужас! Да?

Марина (*немного повеселев*). Да! Это кошмар какой-то был!

Пётр. Пока его на бок не перевернёшь, какие он звуки издавал, просто трубы Иерихонские!

Марина. И по хозяйству всё-всё помогал. Помнишь, как он кастрюли мои все отмыл? А? Как новые стали!

Пётр. А мой культиватор? Как новенький теперь работает! А то бензин жрал, как «Лексус»!

Марина. А как он с Лёшкой здорово играл!

Пётр. Да! Кстати, а дудочка его осталась.

Марина. Пусть Лёшке на память будет. Ладно?

Пётр. Пусть.

Марина снова начинает рыдать.

Пётр (*легко трясёт за плечи*). Марин, Мариинааа! Маришь, ну, не плачь, не плачь, родная.... Не плачь, потому что это закончилось. Улыбнись, потому что это было.

ТАТЬЯНА КОМЫЛИНА

Родилась в 1963 г. в Таре. Работает руководителем литературно-драматургической части Омского государственного Северного драматического театра им. М.А. Ульянова. Произведения печатались в периодических изданиях, сборниках и антологиях Тары, Омска, Ужгорода. Победитель и лауреат ряда городских и областных конкурсов, в том числе VI и VII региональных поэтических конкурсов «Омские мотивы» (Омск, 2013, 2014).

БАНКА СГУЩЕНКИ

Мелодрама военной поры

В основу пьесы положен сюжет из воспоминаний жительницы г. Омска Нины Даниловны Заборовской

Роли: женские: 6; мужские: 1; детские: 1; другие (животные, предметы и т. п.): нет; массовка: нет.

Оригинальный язык произведения: русский; период написания: XXI век, май, 2015 г.

Действующие лица:

Нина Даниловна, бодрая старушка, почти 80 лет

Нина в детстве, 10–11 лет, озорная

Коля – брат Нины, 16 лет, спокойный, рассудительный

Мария Ивановна, мать Нины и Коли

Луша, соседка, женщина средних лет

Катюша – 18 лет, самая бойкая

Танечка – 17 лет, самая маленькая, с кошечками

Наденька – 18 лет, самая скромная

Наши дни. Квартира Нины Даниловны. Кухня. Стол, посудный шкаф, табуретки. Тумбочка, на которой стоит телефон.

Нина Даниловна накрывает на стол. На столе тарелка с блинами.

Нина Даниловна (*напевает*).

Ах, вы сени, мои сени.

Сени новые мои.

Сени новые, кленовые,

Решетчатые.

Выходила молода...

Чтой-то Света не звонит? Чай, не забыла, что суббота.

Раздается телефонный звонок. **Нина Даниловна** идёт к телефонному аппарату.

Слышу, слышу. Чего растрезвонился? Чай не глухая. Ишь, голосистый какой! Да иду я, иду. Не видишь, что ли? Алё... (*дует в трубку*). Говорите, слушаю. Я, доченька. Кто же ещё?.. Ничего я не запыхалась... Да не злая я. Доченька, я что хотела тебе сказать-то. Ты сегодня обязательно приходи ко мне. Я знаю, что всегда в субботу приходишь. А сегодня обязательно приходи... Ага. Дело у меня к тебе есть... Важное. Очень важное... Да чего покупать? Не надо ничего покупать. Чего деньги тратить? Да так, посидим, чаю попьём... Не выдумывай, какой ещё торт? Праздник, что ли? Не надо торт. Я блинов напекла. Как ты любишь... Говорю же, чайку попьём, и ладно. Молоко? Какое? А, простое... Слушай, доченька, простое не надо, вот разве что... И ничего я не молчу. Я говорю, простое не надо. Ты бы вот сгущёнки мне купила. А? Прихоти?... Никогда в жизни не ела? Ну, вот не ела, а сейчас что-то так захотелось. Хоть ложечку... Сколько мне надо-то? Давай, давай, жду. И я тебя целую. Не забудь сгущёнку-то. Вот. То-то... Вот что выдумывает, а? Не знает, куда деньги девать, что ли? Вот ведь прибежит на минутку и обратно. Всё ей некогда. А сегодня надо. Видно, время пришло.

Нина Даниловна подходит к шкафу, достаёт пачку чая, конфеты и банку сгущённого молока. Несёт всё это на стол. Берёт банку, протирает её полотенцем. Молча садится на табуретку к столу.

Нина Даниловна. Не ела... Ела, доченька, я эту самую сгущёнку. Ещё как ела. На всю жизнь запомнила, как ела. (*В это время моргает свет*.) Что ещё за новости? Чего заподмигивал? Можя, лампочка сгорела. А, нет, опять зажёгся. О, погас. (*В это время происходит смена декораций*). В темноте

продолжает разговаривать). Да что это за дела? Точно, лампочка сгорела. Говорила мне Света, купи сберегающую. А чего мне сберегать? Чего зря на эту лампочку деньги тратить? Много ли мне одной надо? Ты смотри, не горит. Придётся, видно, свечку искать. Как в войну.

1943 год. Квартира Марии Ивановны. Моргает свет. Кухня. Стол, посудный шкаф, табуретки, радиоприемник. Занавесками перегорожена зона «спальни». За столом **Нина**. Она что-то рисует. Подходит **Коля**. Заглядывает через плечо, чем занимается Нина.

Коля. Нин, ты бы ерундой не занималась. Мама скоро придёт. Обед лучше сготовь.

Нина. А чего его готовить? Всё готово. Картоха вон готова. Тёплая ещё.

Коля (*берёт в руки рисунки, рассматривает*). Что это? Танки? И самолёты? Ну, ты даёшь! Ты бы лучше цветочки рисовала.

Нина. Это почему ещё?

Коля. Потому. Девочки должны кукол рисовать, домики, цветочки там всякие. А мальчики...

Нина. Что мальчики, что? Про войну только мальчики могут рисовать, да? Может, скажешь, что девочек и на войну не возьмут?

Коля. Конечно, не возьмут. Кто же вас возьмёт?! На войне должны быть сильные люди. А вы...

Нина. Значит, ты тоже слабый?

Коля. Почему это?

Нина. Тебя ведь тоже не берут. Вот сколько раз ты уже в военкомат ходил?

Коля. Так меня не берут, потому что двух лет не хватает. Но я всё равно уйду, вот увидишь.

Нина. Коль, а наш Миша уже никогда не вернётся?

Коля. Не вернётся.

Нина. А его правда убили?

Коля. Правда.

Нина. Коль, его совсем-совсем убили?

Коля. Убили, Нина, убили.

Нина. А почему именно нашего Мишу убили?

Коля. На войне, Нина, многих убивают.

Нина. А он ведь у нас был сильный, правда?

Коля (*подошёл и обнял Нину. Она уткнулась в него и начала всхлипывать*). Правда, Нина. Миша был очень сильный. Ну-ну, успокойся.

Нина. Коль, а ты не ходи на эту войну. Папка ушёл, потом Миша. А ты не уходи, ладно? Вот как мы без тебя будем жить? В доме же мужик нужен.

Коля. Ого! Кто это тебя таким словам научил?

Нина. Так это тётка Луша всегда так говорит. Вот и вы, говорит, без мужика остались. Как будто у самой мужик есть, да ведь, Коля? У нас хоть папку на войну забрали, а у неё вообще мужика нет. А ещё говорит, мужик в доме нужен.

Коля. А я что, не мужик?

Нина. Я вот думаю, Коля, какой же ты мужик? Ты ещё не мужик.

Коля. Это почему?

Нина. Потому что тётка Луша говорит, мужиков всех на фронт забрали. А раз тебя не забрали, значит, ты не мужик. А это и хорошо, что не мужик. Да, Коля? Значит, тебя и не возьмут на войну... Коля, ты не уходи, ладно?..

Входит **Мать** (**Мария Ивановна**). Она слышит последние слова Коли. **Мать** раздевается. Моет руки в рукомойнике, начинает собирать на стол.

Мария Ивановна. Куда это ты, сынок, собрался?

Коля. Никуда.

Нина. Мамочка, ты что так долго?

Мария Ивановна. Я же говорила, рабочее время удлинители на три часа.

Нина. Мама, а Колька наш на войну собрался!

Коля. Не ври, а. Мам, вот почему у нас Нина такая вруша? (*Втихушку показывает ей кулак.*)

Нина. Ты же сам говорил.

Коля. Так я говорил, через два года.

Нина. Мам, а давай Колю не отпустим.

Мария Ивановна. Давай. Ну, как вы тут?

Нина. Нормально. Только Коля опять в Захламину ходил. А я опять одна.

Мария Ивановна. Так Коля работать ходил.

Нина. Ой-о-ёй! Ага, рассказывайте мне сказочки. Знаю я, куда он ходил.

Коля. И куда?

Нина. К бабушке.

Коля. Нина, я работаю в Захламино, а заодно и бабушку провожаю.

Нина. Работают на работе. А я знаю, зачем ты к бабушке каждый день ходишь.

Коля. И зачем?

Нина. Бабушка тебя любит, она тебе каждый день молочка свеженького дает.

Мария Ивановна. А ты откуда знаешь?

Нина. Так бабушка сама так говорила. Я знаю, она Колю любит, а меня нет.

Мария Ивановна. Бабушка вас всех любит.

Нина. Ой-о-ёй! Ага, рассказывайте мне сказки. Она меня знаешь как называет?

Мария Ивановна. И как же?

Нина. Проходимка.

Мария Ивановна. Как-как? *(Смеётся.)*

Нина. Ага. Проходимка. Она мне сама раз сказала: «Ох, Нинка, ох, проходимка».

Мария Ивановна. Так это она тебя так любя называет.

Нина. Ой-о-ёй! Ага, любя. Только я не знаю, почему она меня так называет. Это Коля наш проходимец. Это же он каждый день в Захламину ходит. Вот он и проходимец. Да, мам?

Мария Ивановна. Хватит собирать, садитесь ужинать.

Все садятся к столу. Достают из кастрюли картошку в мундирах. **Мать** режет огурцы, раскладывает на тарелку.

Нина. Мама, а почему её называют Захламиной?

Коля. Вот привязалась же ты к этому Захламино. Название такое. Вот почему наш город называют Омском?

Нина. А Захламина ведь не город, а деревушечка маленькая.

Коля. Нина, а это как имя. А имя должно быть у каждого. Даже у самого маленького. Вот ты ведь у нас тоже маленькая, а у тебя тоже есть имя.

Нина. И ничего и не маленькая. Как картоху варить, так большая, а так дак маленькая, да? И вообще, мамочка, надоело мне одной. Коля уйдёт в деревню, а я всё одна да одна.

Мария Ивановна. Ничего, скоро не будешь одна.

Коля. Это как?

Мария Ивановна. Да на завод снова пополнение обещают. Вот, просили двух девочек на постой взять.

Нина. Не надо нам никаких девочек.

Мария Ивановна. Это почему ещё?

Нина. А где они будут спать? У нас и места-то мало.

Мария Ивановна. Всем места хватит. И потом, они же не навсегда. Коля, ты как на это смотришь?

Коля. Мне что? Пусть живут, а я, может, скоро...

Мария Ивановна. Я тебе дам скоро. Я тебе дам.

Нина. Мама, а Коля опять в военкомат ходил.

Мать села на табурет.

Мария Ивановна. Коля, хоть ты-то меня пожалей. Я от Мишеньки ещё не отошла. За отца душа болит, а тут ты... Да и не возьмут тебя, слава Богу, рано ещё.

Коля. Мама, да пойми же ты: когда будет не рано, война кончится.

Мария Ивановна. Вот и хорошо, что кончится. Отец вернётся, и будем снова все... почти все... вместе.

Мать накрыла чистым полотенцем еду на столе. Села. Голос **Луши**.

Луша. Марь Иванна, ты дома?

Мария Ивановна. Дома, дома. *(Детям)* Так, лишнего тут не говорите. Заходи, Луша.

Входит **Лукерья**.

Луша. Повечерешнили уже? Марь Иванна, я сводку послушать зашла. Можно?

Мария Ивановна. Отчего же нельзя? Проходи.

Луша. У меня приёмник что-то барахлит. Посмотрел бы, Коля, а?

Коля. Посмотрю, тётя Луша.

Луша. Вот спасибо, что бы я без тебя делала? Хоть один мужик остался.

Нина. Мужик?!

Луша. Мужик! А-то как же не мужик?!

Нина. Ой-о-ёй! Мужик!

Луша. Марь Иванна, чё на заводе новенького?

Мария Ивановна. А что там за день будет новенького? Ничего. Ты же вчера на смене была.

Луша. Так, то вчера, а то сегодня. Тут за день столько всего случается.

Мария Ивановна. Как всегда, норму выполнили. С трудом, правда.

Луша. Да, рук не хватает. Почти шестьсот мужиков с завода на фронт ушло. Отпуска у нас у всех поотменяли.

Мария Ивановна. Да какие уж тут отпуска? Не до них сейчас.

Нина. Ничего, тётя Луша, не переживайте. Скоро вам будут руки. Целых четыре. Да, мам?

Луша. Какие руки?

Нина. Как какие? *(Показывает свои руки.)* Вот такие.

Мария Ивановна. Нина, иди займись чем-нибудь.

Луша. Откуда ж они возьмутся, руки-то? Мужиков забрали...

Нина. Так снова приедут помощники.

Мария Ивановна. Нина, ты не говори чего не знаешь. И не встревай во взрослые разговоры.

Нина. Ты же сама сказала. Да ведь, Коля, она же сама сказала?!

Коля. Нин, тебе же сказали, займись чем-нибудь. Взрослые разговаривают, а ты встреваешь.

Нина. Ой-о-ёй! Ага. Подумаешь! Ну и буду молчать. Вот замолчу, и больше слова из меня не вытяните.

Мария Ивановна. Сложновато перестроиться, Луша. То сельхозтехника, а то зенитки.

Нина. Зенитки? Ух, ты, как интересно. А зенитки – это что?

Коля. Интересно ей. Понимаешь, раньше, ну, до войны, на заводе, где мама с отцом работают, выпускали запчасти к тракторам. Трактор-то хоть знаешь, что такое?

Нина. Коля, ты что из меня дурочку делаешь? Трактор я не знаю. Ишь, чего удумал!

Коля. Вот. А теперь рабочие выпускают зенитные снаряды, корпуса разные для «Катюш».

Нина. Про «Катюшу» я слышала. Это машина такая, боевая. Коль, а ты знаешь, почему её «Катюшей» назвали?

Коля. Кто же этого не знает?

Нина. Это же из-за песни про Катюшу, да, Коль?

Коля. Говорят, что так. Только ещё и другие истории рассказывают.

Мария Ивановна *(включает радиоприёмник)*. Всё. Давайте-ка помолчим.

Звучит запись оперативной сводки Ю. Левитана за 23 августа 1943 года (<http://muzofon.com/search/Левитан%201943/2/>)

«Говорит Москва. Приказ Верховного главнокомандующего. Генерал-полковнику Коневу, генералу армии Ватутину, генералу армии Малиновскому. Сегодня, 23 августа, войска Степного фронта при активном содействии флангов войск Воронежского и Юго-Западного фронтов в результате ожесточенных боёв сломили сопротивление противника и штурмом взяли город Харьков.

Нина. Ура! Мама, наши победили! *(Заплясала и начала петь)*. Ах, вы сени, мои сени...

Коля. Да замолчи ты.

Мария Ивановна. Тише. Слушайте, слушайте.

«...Таким образом, вторая столица Украины, наш родной Харьков, освобождён от гнёта немецко-фашистских мерзавцев. В наступающих боях за владение городом Харьковом наши войска показали высокую боевую выучку, отвагу и умение маневрировать...»

После этих слов **Мать** убавляет звук радиоприемника.

Мария Ивановна. Вот и хорошо. Даст Бог, скоро и разобьют эту нечисть.

Коля. Mam, а чего до конца не дослушали?

Мария Ивановна. Услышали хорошую новость, и ладно. Боюсь я, сынок, плохих новостей.

Луша. И то правда. Вот и Харьков освободили, скоро, глядишь, и домой наши мужики вернутся.

Нина. Вернутся! Вернутся! И папка наш вернётся! *(Запела.)*

Ах, вы сени, мои сени,
Сени новые мои,
Сени новые, кленовые,
Решетчатые.
Выходила молода...

Тётя Луша, так у тебя же нет мужика. Какие же «наши»?

Луша. А мне сейчас, Ниночка, все мужики родными кажутся. За всех душа болит. Они ведь за нас жизни свои не жалеют. Вон, пошли с этим супостатом воевать. А мы ничего, мы как-нибудь... Главное, чтобы они там... Сохрани их, Господи. Ну, вот и спасибо. Вот и пойду теперь спокойно. Марь Иванна, так что там с помощниками-то?

Мать. Не знаю, Луша, пока ничего.

Луша уходит.

Нина. Mam, ты радио выключила, а вдруг бы про нашего папку что сказали.

Мария Ивановна. Да чего ж, Ниночка, они про нашего папку будут говорить? На войне сейчас много папок, про всех не расскажешь.

Слышны какие-то шумы и голоса в сенках.

Луша, что ли, вернулась? Может, что забыла?

Стук в дверь. Покашливание.

Коля. Да вроде не тетя Луша, она не стучится.

Стук повторяется. Покашливание.

Мария Ивановна. Да входите уже. Кто там? Входите, не бойтесь. Здесь не кусаются.

Открывается дверь. В комнату одна за другой входят три девушки.

Почти вместе: Здравствуйте.

Нина. Здравсьте! Ой-ё-ёй! Это вы, что ли, помощники?

Мария Ивановна. Нина, кто же так гостей встречает?

Нина. Так гости только в гости приходят, а вы же жить к нам пришли, да?

Мария Ивановна. Нина! Не слушайте вы её. Чего в дверях-то? Проходите.

Катюша. Нас с завода к вам направили. Я – Катя. А это Танечка.

Наденька. А я – Надя.

Мария Ивановна. А я – Мария Ивановна, можно просто тётя Маша. Это Коля, мой сын. А это...

Нина. Нина я, дочка. А вы, значит, жить у нас собрались?

Катюша. Нам сказали, вы не против.

Нина. Кто это вам сказал?

Мария Ивановна. Конечно, не против.

Нина. Ага. Уж мы вас так ждали, так ждали! Ага. Только мама сказала, вы не сегодня приедете.

Наденька. Да мы и сами ещё не собирались, но вдруг сказали ехать. Рабочих рук не хватает.

Нина. А мама говорила, что вас двое будет.

Катюша. Мы тоже так думали, а вот на проходной завода с Таней познакомились. Решили вместе к вам проситься.

Танечка. Но если вы против, я ещё где-нибудь жильё поищу.

Коля. Чего искать? Оставайтесь. Найдём место.

Нина. Коль, ты что, влюбился?

Коля. Ну вот ещё. Думай, чего говоришь.

Мария Ивановна. Так, давайте руки мыть и за стол. Вот, как знала, не убирала.

Наденька. Спасибо, мы сытые.

Мария Ивановна. Вы же с дороги, так какие же вы сытые? Садитесь, садитесь.

Девушки присаживаются к столу.

Наденька. Да неудобно как-то.

Мария Ивановна. Чего уж тут неудобного? Будем жить вместе, вот всё у нас и будет вместе. Да, Нин?

Нина. А как же? Вместе работать, вместе обедать. И вместе маму слушаться.

Все рассмеялись.

Мария Ивановна. Ешьте, не стесняйтесь. Картошку берите, огурцы опять же. Огурцы нынче уродились. *(Наливает им в кружки молоко)*. Вот и молочка понемногу всем достанется. Коля из деревни приносит. Он на заработки ходит в Захламино, недалеко от города.

Катюша. А там что?

Мария Ивановна. Людям помогает. Раньше помогал огород копать, кому дров поколоть, кому сено стаскать. А люди рассчитываются, кто чем может. И здесь, на заводе, помогает. Труженик.

Нина. Ага, он у нас мужик. А ты чего молчишь, мужик? Мама, а чего это Коля у нас молчит, а? Коля, а ты не влюбился?

Коля. Не говори ерунду.

Нина *(обращается к Танечке)*. Я тебя как звать не запомнила, ты меня научишь такие косички плести?

Танечка. Таня я. Только меня все Танечкой почему-то зовут. Научу, конечно.

Мария Ивановна. Маленькая ты, вот потому и Танечка. А вы на завод-то сами напросились или послали вас?

Катюша. Сами. Говорят, с завода легче на войну попасть.

Мария Ивановна. И вы туда же? Вам-то какая война?

Наденька. Вы не смотрите, что мы такие, можем медсёстрами.

Катюша. А я стрелять хорошо умею. У меня отец охотником был, рано меня стрелять научил.

Коля. Почему был?

Катюша. Убили его. Похоронку в первый же год получили.

Танечка. Похоронкам тоже не всегда верить надо, правда, Мария Ивановна? Вот, может, прислали похоронку, а потом оказалось, что живой. Ну, в госпитале, например.

Нина. А мы тоже похоронку на Мишу получили. Только мама запрещает об этом говорить. Да, мама?

Коля. Миша – это брат мой. *(Нине)* А ты опять за своё?

Мария Ивановна. Да ладно. Чего уж...

Танечка. Мария Ивановна, а вы не верьте! Вдруг и он живой? Воюет где-нибудь.

Мария Ивановна. А я и не верю. Я его всегда ждать буду. Вот пока сама буду жить, так и его ждать буду.

Катюша. Вот и правильно. А вы, тётя Маша, не переживайте, мы у вас долго не задержимся. Мы завтра же в военкомат пойдём. Попросимся на фронт. Сразу не возьмут, работать будем. Хорошо работать. Может, заметят нас, а там, глядишь, и на фронт. Правда, девочки?

Танечка. Конечно!

Мария Ивановна. Тебе-то куда? Тебе лет-то сколько?

Танечка. Восемнадцать.

Наденька. Ты же сказала, семнадцать.

Танечка опустила голову.

Танечка. Я метрики подделала. Незаметно.

Нина. Ой-ёй! А нас в школе ругают, если мы оценки поддельваем. Я раз тройку на пятёрку исправила, так мне так попало! Ой-ёй! Нет, вас на войну не возьмут.

Наденька. Почему?

Нина. Так Коля сказал. На войну только мужиков берут.

Катюша. Ничего, и нас возьмут. Я вот, знаете, какая настырная – что скажу, обязательно своего добьюсь. Вот увидите.

Наденька. И я добьюсь. У меня и отец, и два брата на фронте. И я пойду.

Нина. А вдруг убьют?

Катюша. Не убьют.

Мария Ивановна. А родителям-то какво?

Катюша. Маме и не скажу, что на фронт пойду. Она же думает, я здесь буду, на заводе.

Танечка. А у меня вообще никого нет. Родители погибли давно. До войны ещё. Меня бабушка воспитывала, а в прошлом году и она умерла. Так что плакать обо мне некому.

Мария Ивановна. Вы уж, девочки, лучше живите. *(Начинает моргать свет).* Отключат сейчас. Ну, давайте укладываться. Поздно уже, завтра рано вставать. Выспитесь, сил наберетесь, а то на заводе так работаетесь, что еле до койки доберётесь.

Катюша. Не, мы сильные.

Нина. А Коля сказал, что только мужики сильные. А девочки должны только по хозяйству. А ещё цветочки и домики рисовать.

Девушки засмеялись.

Мария Ивановна. Иди уже спать. Профессор ты наш.

Нина. Mam, а Коля меня с собой в Захламину возьмёт?

Мария Ивановна. А это уж ты у Коли спрашивай.

Коля. Спи давай, там видно будет.

Нина. Танечка, ты только про косички не забудь.

Танечка. Не забуду.

Лампа начинает мигать. Затемнение.

Зима. Утро. В комнате только **Нина**. Входит **Коля** с охапкой дров. Кладёт их в уголок. Начинает собираться в Захламино. Надевает тужурку, шапку. Берёт заплечный мешок, кладёт туда хлеб и две картошины.

Нина. Коль, а ты куда собираешься?

Коля. В Захламино. Обещал деду Василию дров поколоть. Дед-то старый уже, трудно ему. Да и сала обещал дать.

Нина. Коль, возьми меня с собой в Захламину. Ну, возьми, а.

Коля. Ты знаешь, сколько до него добираться? Ты же не дойдёшь.

Нина. Ой-ё-ёй, не дойду. Ещё как дойду, вот увидишь. Я тебе и дрова складывать помогу.

Коля. Мне только сколоть, дед Василий сам складывать будет.

Нина. Ну, возьми, Коль.

Коля. На улице холодно. Замёрзнешь.

Нина. Коленька, я тепло-тепло оденусь. Ну возьми, Коленька. Ну, пожалуйста.

Коля. Хорошо. Возьму, но с одним условием. Чтобы дорогой не ныть, будешь до

самого Захламино петь про свои сени. Согласна?

Нина. Согласна! Ещё как согласна! Я знаешь, как красиво петь могу.

(Занела.)

Ах, вы сени, мои сени,
Сени новые мои,
Сени новые, кленовые,
Решетчатые.
Выходила молода...

Входит **Луша**.

Луша. Ну, как вы? Мать просила проверить.

Нина. Мы прекрасно! Мы в Захламину пойдём на заработки!

Луша. Ишь ты, работница какая выискалась. Ну, к девчонкам-то привыкли?

Нина. Привыкли. И Коля привык. Он особенно к Танечке привык.

Коля. Нина!

Нина. Молчу, молчу, Коленька.

Луша. Ну, идите с Богом. Да теплее одевайтесь. Мороз на улице.

Луша уходит. **Нина** быстро начинает одеваться. Валенки, шапка, шубка.

Нина. Готово, товарищ командир!

Коля. Ну, пошли, раз готова. Маме только записку напишем, чтобы не переживала. А то они придут с ночной, а нас нет.

Нина. Ага. И девочки ещё переживать будут. Я уже к ним как-то и правда привыкла. Коля, а они такие хорошие, правда. Особенно твоя Танечка.

Коля *(пишет записку).* И чего это она моя? Ничего она не моя.

Нина. Ой-о-ёй! Не твоя! Я же вижу, что она тебе нравится. А гулять с ней вечером кто ходил, а?

Коля. Дед Пихто. Ещё будешь так говорить, не возьму.

Нина. Не буду, не буду. Только Танечка мне тоже говорила, что ты ей нравишься. А что, Коля, вот кончится война, и вы с Танечкой поженитесь. У вас ребятёнки народятся, я с ними нянчиться буду.

Коля. Я что тебе сказал?... Нянька... Пошли.

Нина. Пошли! Пошли! Мы в Захламину пошли! Коля, а когда петь начинать?

Коля. Вот как на окраину выйдем, так и начнёшь.

Нина. Ну, смотри. А то я прямо сейчас могу.

Коля. Я что сказал?

В комнате небольшое затемнение. **Нина** и **Коля** спускаются со сцены и идут перед зрителями первого ряда. **Коля** идет впереди. **Нина** за ним вприпрыжку.

Нина (*поёт*).

Ах, вы сени, мои сени,

Сени новые мои,

Сени новые, кленовые,

Решетчатые.

Выходила молода

За новые ворота,

За новые кленовые,

За решетчатые.

Коля, а я дальше слов не знаю.

Коля. Пой сначала.

Нина поёт с начала, они уходят. Комната освещается. Входят **Мать**, **Танечка** и **Наденька**. Раздеваются.

Мария Ивановна. Нина! Спишь, что ли? Вроде уже белый день. (*Заглядывает за занавеску.*) Никого. (*Замечает на столе листок, читает.*) Коля её с собой в Захламино взял. Далековато. Как дойдёт-то? Не замёрзла бы.

Танечка. Тётъ Маша, так Коля же присмотрит, он же у нас совсем взрослый.

Мария Ивановна. У нас? Я вижу, нравится он тебе? Не красней, что тут такого? Дело молодое. Вот война кончится, поженишься.

Танечка. Да что вы, тётъ Маша...

Мария Ивановна. А Катюша куда побежала?

Наденька. Она, тетя Маша, в военкомат. Вроде вызвали её.

Мария Ивановна (*села на табурет*). Да ты что?

Танечка. Тётечка Машечка, да не волнуйтесь вы так. Может, ещё не возьмут.

Мария Ивановна. Ох. Девочки, девочки. Привыкла я к вам. Вы ж нам как родные стали.

Наденька (*подошла и обняла Марию Ивановну*). И вы нам, тётя Маша.

Танечка. А мне иногда так хочется вас мамой назвать.

Мария Ивановна. Так называй, кто ж не велит?

Танечка. Можно?

Мария Ивановна. Можно, можно. Есть-то будем?

Наденька. Вы извините, я так устала, что и есть не хочу. Да мне ещё надо рукавицы довязать. Чуть-чуть осталось. (*Достаёт вязание, начинает довязывать рукавицы.*) Посылку хотели на фронт сегодня отправить.

Танечка. А я две пары носков связала, и Катюша тоже. И ещё она кисет вышила.

Наденька. Ага. Красиво получилось, с надписью «Неизвестному солдату с любовью».

Мария Ивановна. Вот и хорошо. Получит какой-нибудь солдатик вашу посылочку и словно дома побывает.

Наденька. У нас в смене девчонки тоже много навязали. Так мы общую посылку и отправим.

Мария Ивановна. Вот и правильно. Катюши что-то долго нет.

Танечка. Придёт, не переживайте.

Входит **Луша**.

Луша. Марь Иванна, радость-то в ваш дом! Почтальонка приходила, письмо принесла от защитника твоего.

Мария Ивановна. От мужа?

Луша. А от кого же ещё? От него, от него. Так вас не было. Она сказала, потом ещё раз зайдёт.

Мария Ивановна. Луша, так надо было...

Луша. Я просила. Ни в какую не хотела отдавать. Говорит: «Не положено». Но я всё равно выпросила. Вот, возьмите.

Мария Ивановна. Вот спасибо, Луша. Вот спасибо.

Танечка. Читайте, Мария Ивановна, читайте скорей. Как он там?

Мария Ивановна. Руки что-то дрожат. Сейчас соберусь. *(Трясущимися руками разворачивает письмо.)*

«Здравствуйте, дорогие мои жена Машенька, сын Коля и дочка Ниночка.

Письмо ваше получил, за что премного благодарен. Вот уже скоро три года, как я не видел вас. Я очень соскучился, часто вас вспоминаю. Сын, ты уже большой. За старшего. Помогай матери, за Ниной приглядывай. Да бабушку не забывайте. Я скоро вернусь. Вот прогоним всех фашистов, и вернусь. Большой солдатский привет вашим новым девочкам. Да скажите им, пусть на фронт не торопятся. Война – это не игрушки. Здесь страшно даже мужикам.

Крепко целую вас, ваш муж и отец.

Январь, 44 год».

Наденька. Тётъ Маша, вы что, плачете? Живой ведь.

Мария Ивановна. Мало как-то написал. Я и не начиталась.

Танечка. Так вы ещё раз прочитайте. В другой раз больше напишет.

Наденька. Может, нельзя было. А вдруг они в атаку собрались? Война ведь.

Мария Ивановна. А я и этому рада. *(Прижала письмо к груди.)* Живой.

Танечка *(замечает, что Луша плачет).* Ой, тётя Луша, что с вами?

Луша. Ничего, деточка, это я так, это пройдёт. Это я от счастья.

Мария Ивановна. Да где оно, твоё счастье? Да, вот оно как выходит, Лукерья. Мало нам женского счастья досталось. Война – злодейка. Ну, ничего, вот кончится война, придут наши мужики, мы платья наде-нем.

Луша. И то правда. А то сами уже в мужиков превратились. А я уж и не помню, когда последний раз в платье ходила.

Мария Ивановна. Ой, что же это мы, радио-то включить забыли. Танечка, Наденька, включайте! Включайте. Что-то у меня ноги словно подкосились.

Танечка включает радио.

Танечка. Что это оно молчит?

Мария Ивановна. Ничего, подождем.

Все сидят молча. Вдруг открывается дверь. Входит **Коля** и держит на руках **Нину**. Видно, что он устал.

Мария Ивановна. Коля, сынок, что случилось?

Коля. Ничего, мама, не волнуйся. Спит она.

Наденька и Танечка *(вместе).* Спит?

Коля. Ага. Устала.

Мария Ивановна. Клади её, Коля, на диван.

Луша. Раздеть надо.

Мать стала её раздевать, **Нина** от этого проснулась. Огляделась и начала реветь. Сначала тихо, потом всё громче и громче.

Мария Ивановна. Доченька, что случилось?

Нина. Ничего-о-о. Я, как и договаривались...

Мария Ивановна. С кем договаривались?

Нина. С Ко-о-олей.

Танечка. Да не реви ты. О чем вы договаривались?

Нина. Что я петь буду.

Мария Ивановна. Что петь?

Нина. Се-е-ени.

Мария Ивановна. Ничего не понимаю. Коля, хоть ты Расскажи.

Коля. А чего тут рассказывать? Нина попросилась со мной в Захламино.

Мария Ивановна. Ну...

Луша. А я ещё сказала, что мороз на улице.

Коля. Вот. А на улице-то мороз. Вот я и подумал, раз уж собралась, пусть всю дорогу бежит и песни поёт. Ну, чтобы не так замёрзнуть.

Мария Ивановна. Ну, а она?

Нина. Я и пе-ела. Про се-е-ени.

Коля. Когда туда шли, пела. А обратно устала, видно. Давай, говорит, Коля, немножко посидим и дальше пойдём.

Луша. Где посидим-то? На дороге?

Коля. Вот и я ей то же.

Мария Ивановна. А она?

Коля. А она реветь. Пришлось взять на руки. Не заметил, как она и уснула. А тяжёлая-то какая. Руки, кажется, отвалятся.

Нина. И ничего я не тяжёлая-я-я.

Все начинают смеяться.

Наденька. А как пела-то?

Нина. Как, как. Вот так *(начинает петь сквозь слезы)*:

Ах, вы сени, мои сени,

Сени новые мои,

Сени новые, кленовые,

Решетчатые.

Выходила молода

За новые ворота,

За новые кленовые,

За решетчатые.

Мария Ивановна. Коля, а у нас радость-то какая. Отец письмо прислал!

Коля. Ну?! Живой, здоровый?

Мария Ивановна. Живой, Коленька, живой. На, почитай.

Коля, даже не скинув одежды, читает письмо.

Тихо начинает говорить радио. **Мать** подошла и добавила звук. Тише. (<http://stop-mp3.com/> Ю. Левитан – сообщение о полном снятии блокады 27.01.1944)

«Говорит Москва. Последний час. Успешное наступление наших войск в районе южнее Ладожского озера и прорыв блокады Ленинграда. На днях наши воска, расположенные южнее Ладожского озера, перешли в наступление против немецко-фашистских войск, блокировавших город Ленинград. Наши войска имели задачей разрушить оборону противника и этим прорвать блокаду города Ленинграда. Следует при этом иметь в виду то обстоятельство, что за многие месяцы блокады Ленинграда немцы превратили свои позиции на подступах к городу в мощный укрепленный район с разветвленной системой долговременных бетонированных и других сооружений с большим количеством противотанковых и противопехотных препятствий. Наступление наших войск проходило с двух сторон: с западного берега реки Невы, юго-западнее Шлиссельбурга и с востока из района южнее Ладожского озера. Прорвав долговременную укрепленную полосу противника глубиной до 14 км и форсировав реку Неву, наши войска в течение семи дней напряженных боев, преодолевая исключительно упорное сопротивление противника, заняли город Шлиссельбург. Крупные укрепленные

пункты – Марьино, Московское, Дубровка, Липка, рабочие посёлки номер 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, станцию Синяино и станцию Подгорное. Таким образом, после 7-дневных боев войска Волховского и Ленинградского фронтов 18 января соединились и тем самым прорвали блокаду Ленинграда».

Нина. Мама, уже победа? Значит, папка скоро придёт?

Мария Ивановна. Победа, доченька, только ещё не окончательная. А папка... папка наш придёт, обязательно.

Луша. Придут мужики домой. Обязательно придут. И папка ваш придёт.

Луша встала и пошла домой.

Только **Луша** ушла, вбегает **Катенька**.

Катенька. Тётя Маша, Танечка, Наденька, наконец-то! Я знала, знала!

Танечка и **Наденька** подбежали к **Катеньке** и стали обниматься.

Мария Ивановна. А чего это вы так радуетесь? А ты, ну-ка, сядь. Садись, садись. Рассказывай.

Катенька. Повестки... нам всем повестки... Завтра на фронт.

Мария Ивановна. Что?

Коля. Как на фронт? Это что же получается? Девчонок берут, а я...

Нина. А ты, Коля, ещё не дорос. Тебе ещё год и ещё полгода осталось.

Танечка. Тётя Маша, мы от вас скрывали, мы уже ходили...

Катенька. Мы почти каждый день в военкомат ходили. Нам с Танечкой уже, а Кате вот сегодня... Мы вас не хотели расстраивать. Мы уже и вещи собрали. *(Выносит из-за занавески чемодан и ставит его у входа.)* Вот. Мы уже давно... готовы.

Следом за ней чемоданы выносит и **Танечка**.

Танечка. Вот, мой и Катин.

Мария Ивановна. Ох, девочки, девочки... Куда же вы? В это пекло? Да как же это... Да что же это только делается, а?

Катенька. Тётя Маша, вы только не переживайте. Всё будет хорошо, вот увидите. А это... *(достает из сумки продукты)* паёк

на заводе выдали. Вот: конфеты, печенье, сгущёнка.

Нина. Ух, ты, самая настоящая сгущёнка?

Катенька. Самая настоящая. А хочешь, я тебе свою отдам?

Мария Ивановна. Не выдумывай. Вам там нужнее будет. Убирайте сразу, чтоб не забыть завтра. Правда, Нина?

Нина. Конечно, правда. Убирайте, убирайте.

Катенька складывает в чемодан «паёк».

Мария Ивановна. Постилаться надо. Завтра рано вставать.

Катенька. Последний раз сегодня поспим в тёплой кроватке, и в путь!

Наденька. Пойдёмте, девочки.

Мария Ивановна. Коля, вы тут с Ниной поешьте сами.

Коля. Ложись, мама, не переживай, не маленькие.

Мать и девочки уходят за занавеску. Остаются Коля и Нина. Коля наливает молока, режет хлеб. Коля и Нина сидят за столом.

Нина. Коля, а ты хочешь сгущёнки?

Коля. Мало ли что я хочу?

Нина. Ничего, Коля, вот кончится война, мы с тобой целый ящик сгущёнки себе купим, правда?

Коля. Правда, правда. Ешь давай да спать пойдём.

Нина. Так ты иди, а я поем, на столе приберу и тоже спать пойду.

Коля. Ладно. Пойду, завтра надо деду Василию с дровами закончить.

Нина. Иди, Коленька, иди.

Коля уходит спать. Нина пьёт молоко с хлебом. Потом на цыпочках подходит к «спальне», прислушивается. Снова подходит к столу. Немного посидела, опять пошла к «спальне». Потом тихонько подходит, открывает чемодан, достает банку сгущёнки и ножом с большим трудом, аккуратно проделывает дырочку по краю банки. Нина пьёт сгущенку из банки. Выпив всю, она снова кладет банку в чемодан и тихонько уходит спать. Лампа мигает и гаснет.

Весна. Нина что-то рисует. Коля чистит картошку. Вбегает Луша.

Луша. Коля, мать дома?

Коля. Нет, ещё не пришла. А что случилось?

Луша. Случилось, Коля, случилось. Девочки-то наши...

Коля. Что, девочки?

Луша. На заводе сказали, девочки наши... убили их... всех троих убили... под обстрел попали...

Коля. Как это убили? Нет, не может этого быть. Я к маме, на завод.

Нина. Коля, а я?

Коля. Нина, ты тут с тётей Лушей побудь.

Коля выбегает.

Нина (*ему вслед*). Коля, это я... это я виновата... Коленька, прости меня... я не хотела... я правда не хотела! Не хотела я (*плачет*).

Коля. Не плачь, Нина. Я за них отомщу. Я всё равно уйду на фронт. Вот увидите.

Луша. Ниночка, да ты-то при чём?

Нина. Тетя Луша, это я виновата. Вы же ничего не знаете. Если бы не я, девочки бы не погибли. Вы же ничего не знаете. Я же их любила, и мама их любила. И Коля... Знаете, как Коля Танечку любил? Он только не говорил, а я же видела. Я даже видела, как они целовались. А теперь...

Луша. Ну-ну, успокойся. Не виновата ты ни в чем. Это, Ниночка, война виновата. Пойдём, полежишь немножко и успокоишься.

Нина. Тётя Луша, а ты не уйдёшь?

Луша. Не уйду. Я тут посижу.

Луша уводит плачущую Нину, садится за стол и просто молча сидит. Возвращаются Мать с Колей. Садятся за стол. Все молчат. Выходит Нина. Она бросается Матери на шею и снова плачет.

Нина. Мамочка, прости меня, это я виновата.

Мария Ивановна. Доченька моя, ты-то в чём виновата?

Нина. Мамочка, я ведь их правда любила. И Катюшу, и Наденьку, и Танечку. Всех-всех любила.

Мигает лампа. Затемнение.

Наши дни. Квартира Нины Даниловны. **Нина Даниловна** сидит за столом.

Нина Даниловна. Да, вот так оно в жизни было. Мне ведь тогда лет десять-одиннадцать было. Я ведь себя виноватой считала в том, что их убили. Я ведь тогда думала, если бы я ту сгущенку втихушку не съела, у них бы сил больше было. И не убили бы их фашисты эти проклятые. Коля, брат мой, тоже на фронт ушёл. Тоже погиб. Через месяц, как ушёл. И отец погиб. Не вернулся. В самом конце войны погиб. Сколько тогда моя мама слёз выплакала! И я плакала. Много плакала, но никому тайны своей не открыла. А девочки... Они, поди, догадались, когда паёк-то свой достали. Стыдно мне тогда было. Очень стыдно. А не призналась. Так моя тайна вместе с девочками и ушла. А теперь вот чувствую – всё, хватит.

Не могу больше в себе таить. Повиниться надо. Хотя бы перед собой повиниться. Вот дочка придет, всё и расскажу. Тяжело это. В себе таить. Я ведь с тех пор, как увижу в магазине эту сгущенку, плачу. Сейчас-то понимаю, не было в их смерти ни капельки моей вины. Понимаю, а на сердце всё равно тяжело. Тяжело на сердце.

Звонок в дверь. **Нина Даниловна** берёт со стола банку сгущенки. Снова зачем-то протирает её полотенцем и убирает в шкаф.

Это память. Сколько лет уж стоит. Нельзя её трогать. А ту, что дочка купит, ту и открою. Ну вот, сейчас и повинюсь. Перед собой повинюсь. И девочек помяну. И Колю. И отца. Всех помяну. Слышу, слышу. Иду, иду.

Нина Даниловна идёт открывать дверь.
Занавес.

В ЭТОМ ВЫПУСКЕ:

КРАЙ НЕРАВНОДУШНЫХ ЛЮДЕЙ	3
ПЕРВАЯ ВЕХА НА ДОЛГОМ ПУТИ (К 10-ЛЕТИЮ ТАРСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ)	
Глядит мой город высветленным оком...	4
Александр Дерюшев	5
Наталья Кускова	7
Ольга Старинская	10
ПОЭЗИЯ	
Константин Атюрьевский	12
Сергей Васильев	14
Александр Тихонов	16
Ирина Шевелева	20
РОБКИЕ СТРОЧКИ	
Артём Кучеренко	22
ДЛЯ ЮНЫХ ТАРЯН	
Виктор Бован	24
Ольга Старинская	27
Каролина Чистякова	27
ПРОЗА	
Евгений Захаров	29
Илмир Колдашев	32
Татьяна Синяк	33
Константин Тигов	36
Александр Тихонов	40
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВСТРЕЧИ	
Валентина Ерофеева-Тверская	51
Татьяна Четверикова	53
НЕСЛУЧИВШЕЕСЯ (ФАНТАЗИИ НА ТЕМУ...)	
Татьяна Мальгавко	56
ЖИВОЕ СЛОВО	
Бронислава Павловская	59
ДРАМАТУРГИЯ	
Андрей Казаков	62
Татьяна Комылина	79

ТАРЯНЕ

Литературно-краеведческий альманах

Выпуск III

Подписано в печать 15.07.2016.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Тираж 200 экз. Заказ № 139.

Отпечатано в ООО «Амфора»
644024, Омск, ул. Почтовая, 38.
Тел./факс: (3812)531-278
e-mail: amfora2002@inbox.ru